КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

1893 г.

НОЯБРЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1893.

СОДЕРЖАНІЕ.

	стр.
I. 50-лѣтній юбилей кіевской археографической коммиссіи	III—VI
II. Воспоминанія Іосифа Самчевскаго 1800—1886 гг. (*Продолженіе слѣдуетъ*)	185—213
III. Письма Г. Ф. Квитки къ А. А. Краевскому. (*Продолженіе слѣдуетъ*)	214—222
IV. Мусинъ Пушкинскій сборникъ 1414 г., какъ источникъ для изученія слова о полку Игоревѣ. **А. В. Лонгинова**	223—234
V. Три шелеста. (Изъ исторіи колеивщины). **В. Щербины**	235—240
VI. Народныя пѣсни объ отравленіи змѣинымъ ядомъ. **Н. Ѳ. Сумцова**	241—261
VII. Отрывки изъ записокъ автомона Акимовича Солтановскаго. (*Продолженіе слѣдуетъ*)	262—279
VIII. Чернокнижникъ. (Изъ разсказовъ бабушки). **К. Ванченко-Писонецкаго**	280—297
IX. Частная переписка Григорія Андреевича Полетики. 1750—1784 г.	298—316
X. Къ рисунку. (Даръ гетмана Мазепы гробу Господню). **Князя Александра Дабижи**	317—321
XI. Документы, извѣстія и замѣтки: а) Троцины. **А. Л.** б) Къ исторіи культуры. **А. Л.** в) Договоръ священника съ прихожанами сто лѣтъ назадъ. **В. Г.** г) Антифѣвка. **Н. П.** д) «Stabat mater dolorosa» въ народной поэзіи волынской губерніи. **Ѳ. Кудринскій.** е) Къ вопросу о порчѣ малорусскихъ пѣсенъ. **Ѳ. Кудринскій.** ж) Письмо гр Кирилла Разумовскаго къ матери. з) Мѣстечко Острополь Новоградъ-Волынскаго уѣзда Волынской губерніи. **Николай Александровичъ Компанскій.**	222—242
XII. Библіографія: а) Жизнь и труды М. И. Погодина. **К—цъ.** б). Вниманію гг. любителей рыбной ловли. **К—цъ.** в) Каталогъ военноученаго архива главнаго штаба. **Д. Багалѣй.** г) Каталогъ коллекціи древностей А. Н. Поль, въ Екатеринославѣ, вып. I. **Н. Б.**	243—252
Приложенія: 1) Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича. (стр. 161—176).	
2) Библіографическій указатель статей, помѣщенныхъ въ «Кіев. Стар.» за первое десятилѣтіе.	81—96
3) Рисунокъ: Даръ гетмана Мазепы гробу Господню.	
Объявленія	1—16

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

1893 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4

Дозволено цензурою. Кіевъ, 1 ноября 1893 года.

Даръ Гетмана Мазепы Гробу Господню.

50-лѣтній юбилей Кіевской археографической коммиссіи.

19 ноября исполняется 50 лѣтъ со времени открытія въ Кіевѣ Археографической Коммиссіи. Для нашего южно-русскаго края юбилей этотъ имѣетъ особое значеніе—это юбилей начала серьезной, научной разработки южно-русской исторіи. Только съ основаніемъ коммиссіи сдѣлались доступными многіе памятники, были приведены въ большую или меньшую извѣстность южно-русскіе архивы, главнымъ образомъ, архивъ правобережной Украины, основанъ въ Кіевѣ центральный архивъ, привлечены были люди, которые впослѣдствіи такъ много и такъ плодотворно потрудились надъ изученіемъ судебъ края: съ именемъ, вѣдь, Кіевской Археографической Коммиссіи связаны и такія имена, какъ Н. И. Костомарова, П. А. Кулиша, Т. Г. Шевченка, не говоря уже о многихъ другихъ. Поэтому мы съ особымъ чувствомъ глубокой признательности привѣтствуемъ своего старшаго собрата съ наступающимъ полустолѣтнимъ юбилеемъ его, помня хорошо, что и изданіе „Кіевской Старины“ явилось необходимостью благодаря, главнымъ образомъ, предшествующей дѣятельности Кіевской Археографической Коммиссіи въ связи съ Санктпетербургской.

Кіевская Археографическая Коммиссія открыта, благодаря стараніямъ генералъ-губернатора Д. Г. Бибикова, который горячо принималъ къ сердцу интересъ изученія южнорусской исторіи и вообще южно-русской жизни и ея особенностей. Какъ только она была утверждена, былъ предпринятъ цѣлый рядъ экскурсій, заведена переписка съ присутственными мѣстами съ цѣлью ознакомиться,

какъ съ состояніемъ, такъ и съ содержаніемъ разныхъ архивовъ, казенныхъ и частныхъ; при чемъ не былъ забытъ и лѣвый берегъ Днѣпра: и здѣсь справлялись объ архивахъ, интересуясь, главнымъ образомъ, архивомъ Румянцева, какъ правителя Малороссіи.

Результатомъ дѣятельности коммиссіи было и сосредоточеніе въ Кіевѣ документовъ по исторіи юго-западнаго края въ основанномъ ею же Кіевскомъ центральномъ архивѣ. Она хорошо понимала, что серьезная научная разработка исторіи возможна тамъ, гдѣ соединено много разнообразнаго матеріала, дающаго возможность къ широкой постановкѣ и къ широкому освѣщенію извѣстнаго вопроса, и она, конечно, не ошиблась: послѣдующіе труды, изданные коммиссіей и основанные на документахъ Кіев. Центр. Архива, служатъ лучшимъ этому доказательствомъ.

Основанная Д. Г. Бибиковымъ коммиссія продолжала свое дѣло и послѣ его ухода. Проходили годы, смѣнялись люди, а коммиссія продолжала свою трудную работу, и по поводу ея пятидесятилѣтія нельзя не вспомнить добрымъ словомъ какъ ея основателя, такъ и всѣхъ дѣятелей, работавшихъ въ ней или ей помогавшихъ.

Главными дѣятелями коммиссіи за все время были: М. А. Максимовичъ, много сдѣлавшій и потрудившійся для коммиссіи, какъ членъ учредитель; Н. Д. Иванишевъ, бывшій главнымъ дѣятелемъ въ коммиссіи со дня ея основанія по 1865 годъ. Онъ принималъ участіе въ археологическихъ экскурсіяхъ, дѣлалъ археологическія раскопки, принималъ участіе въ разработкѣ и изданіи матеріаловъ Кіевскаго центральнаго архива, считался главнымъ редакторомъ изданій коммиссіи. Благодаря его старанію, изданія эти съ 1859 года принимаютъ систематическій характеръ въ видѣ Архива юго-западной Россіи, который продолжается и до сихъ поръ. Съ 1863 года начинается дѣятельность въ коммиссіи В. Б. Ан-

тоновича, и время его участія тамъ, сначала въ качествѣ сотрудника, затѣмъ въ качествѣ главнаго редактора, было самымъ оживленнымъ и самымъ плодотворнымъ временемъ въ дѣятельности Кіевской археографической коммиссіи. Въ 80-хъ годахъ В. Б. Антоновичъ сложилъ съ себя званіе редактора, хотя и до сихъ поръ продолжаетъ принимать участіе въ качествѣ члена коммиссіи и сотрудника ея, подготовляя къ изданію новую серію актовъ. Послѣ В. Б. Антоновича редакторомъ изданій сдѣлался проф. М. Ф. Владимирскій-Будановъ, и подъ его руководствомъ коммиссія продолжаетъ свою плодотворную работу, подготовляя къ изданію нѣсколько серій новыхъ актовъ и привлекая къ сотрудничеству новыхъ работниковъ.

Предсѣдателями Кіевской Археографической коммиссіи въ теченіи 50-ти лѣтъ были: Н. Э. Писаревъ (1843—1848), при которомъ предпринимались многочисленныя экскурсіи по краю для собиранія историческихъ матеріаловъ и археологическія розысканія; М. О. Судіенко (1848—1857), во время предсѣдательствованія котораго былъ выработанъ проэктъ учрежденія въ Кіевѣ центральнаго архива и происходили энергическіе поиски въ архивѣ черниговскаго губ. правленія; затѣмъ слѣдовало долголѣтнее предсѣдательство М. В. Юзефовича (1857—1889) ознаменованное расширеніемъ и оживленіемъ дѣятельности Коммиссіи, выработкою новаго, болѣе раціональнаго плана ея изданій, подъ общимъ названіемъ „Архива Юго-Западной Россіи“, коимъ она руководствуется, и понынѣ увеличеніемъ, по ходатайству М. В. Юзефовича матеріальныхъ средствъ и привлеченіемъ къ участію въ ея трудахъ новыхъ полезныхъ дѣятелей. Наконецъ съ 1889 г. предсѣдателемъ состоитъ попечитель Кіевскаго Учебнаго Округа, почетный членъ Академіи В. В. Вельяминовъ-Зерновъ, подъ руководствомъ котораго Коммиссія съ успѣхомъ продолжаетъ свою плодотворную дѣятельность.

Благодаря трудамъ коммиссіи появился цѣлый рядъ изданій ея, а именно:

Памятники коммиссіи—4 тома (изд. 1845, 46, 52 и 59 гг).

„Древности", археологич. изд. 1846 г.

Лѣтопись С. Величка, въ 4-хъ томахъ (1848, 1851, 1855, 1864 г)

Лѣтопись Гр. Грабянки (1853 г.)

Лѣтопись Самовидца (1878 г.)

Сборникъ Лѣтописей, относящихся къ исторіи Южной и Зап. Россіи (1888 г. ред. Антоновича).

Сборникъ матеріаловъ для историч. топографіи Кіева (1874 г.)

Жизнь кн. А М. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни (1849 г.) 2 тома

Архивъ юго-зап. Россіи—до сихъ напечатано *31 томъ*.

Указатели къ изданіямъ ком.: т. I (личныя им.), т. II (географ.).

И этого голаго перечня достаточно, чтобы составить себѣ представленіе о дѣятельности археографической коммиссіи за 50 лѣтъ ея существованія. Особенно много историческаго матеріала даетъ Архивъ юго-западной Россіи, каждый томъ котораго сопровождается обширнымъ введеніемъ, являющимся обыкновенно солиднымъ изслѣдованіемъ того или другого вопроса въ области южнорусской исторіи. Благодаря Архиву, мы познакомились съ судьбами православія въ Западной Руси, съ устройствомъ западно-русской церкви; внесенъ свѣтъ въ вопросъ о козачествѣ, сдѣлалось яснымъ явленіе гайдамачества; значительно раскрыта исторія городовъ, юридическаго и экономическаго положенія крестьянства; затронута исторія шляхетства, вопросъ о заселеніи юго-западной Россіи—словомъ, затронутъ и, по возможности, освѣщенъ цѣлый рядъ важнѣйшихъ вопросовъ изъ исторіи югозападнаго края. Здѣсь, въ Кіевской коммиссіи, повторяемъ, сильно движется впередъ южно-русская исто-

рія, и на почвѣ, подготовленной ею, создалась и „Кіевская Старина“, поставившая себѣ однородныя съ коммиссіей цѣли: по возможности, содѣйствовать раскрытію протекшей исторіи малорусскаго народа,изученію его особенностей, его міросозерцанія и пр. Оглядываясь на прошлое Кіевской Археографической Коммиссіи, „Кіевская Старина“ желаетъ ей и въ будущемъ серьезной, спокойной, безпристрастной и плодотворн. дѣятельности на пользу науки...

Вмѣстѣ съ тѣмъ „Кіевская Старина“ позволяетъ себѣ высказать и нѣкоторыя свои желанія, которыя стоятъ въ тѣсной связи съ дѣятельностью археографической коммиссіи.

1) Мы думаемъ, что коммиссіи необходимо расширить районъ своихъ изслѣдованій, распространивъ ихъ на весь кіевскій учебный округъ, т. е. включить и лѣвобережную Украину (черниговскую и полтавскую губерніи). Исторія ея, вѣдь, органически связана съ исторіей правобережной Украины: здѣсь находятся ея корни. Населена лѣвобережная Украина выходцами изъ праваго берега, оттуда она заимствовала свои учрежденія, юридическіе обычаи; подъ вліяніемъ правобережныхъ обычаевъ создавался земельный и экономическій строй послѣ Богдана Хмельницкаго. При изслѣдованіи лѣвобережной Украины, многое, можетъ быть, было бы иначе понято и въ исторіи Украины правобережной. Препятствій къ такому расширенію, конечно, встрѣтиться не можетъ.

2) Археографической коммиссіи, думается намъ, слѣдуетъ возобновить опять собираніе свѣдѣній о южно-русскихъ архивахъ и, по возможности, принимать мѣры къ ихъ сохраненію и, если можно, къ сосредоточиванію ихъ въ Кіевѣ въ центральномъ архивѣ. Назрѣло время расширить этотъ архивъ, обезпечить болѣе прочно его существованіе, устроить самостоятельный кіевскій центральный архивъ, въ родѣ московскаго архива министерства юстиціи, и сосредоточить въ немъ все главнѣйшее, что можетъ имѣть отношеніе къ исторіи Малороссіи и юго-

западнаго края. 50-лѣтній юбилей коммиссіи мы считаемъ самымъ удобнымъ временемъ, чтобы поднять этотъ вопросъ, и коммиссія, какъ кажется, сама близко подходитъ къ нему: благодаря ея просвѣщенному предсѣдателю, возбужденъ, напримѣръ, вопросъ о передачѣ въ кіевскій центральный архивъ архивовъ черниговской и полтавской казенныхъ палатъ. Если бы удалось расширить кіевскій центральный архивъ, необходимо было бы употребить все возможныя усилія, чтобы возвратить въ Кіевъ черниговскій отдѣлъ Румянцевской описи, большую часть документовъ, взятыхъ изъ Малороссіи въ московскій архивъ министерства юстиціи, и, главнымъ образомъ, архивъ генеральной канцеляріи, дѣла которой имѣютъ органическую связь со всѣмъ тѣмъ громаднымъ матеріаломъ, который хранится въ Кіевѣ. Въ Харьковъ архивъ генеральной канцеляріи попалъ случайно, не имѣетъ съ нимъ органической связи и затѣмъ, будучи разрозненъ съ другими архивами, представляетъ большія затрудненія въ разработкѣ вопросовъ исторіи лѣвобережной Малороссіи.

3) Еще одно желаніе, косвенно, правда, касающееся археографической коммиссіи, но все же стоящее въ связи съ ея дѣятельностью. Это давно трактуемый въ Кіевѣ вопросъ объ устройствѣ музея на подобіе московскаго Румянцевскаго. Объ этомъ давно уже созрѣла мысль, назрѣла и потребность, изъявляется и готовность отдѣльными лицами пожертвовать свои коллекціи, собранія, библіотеки — все дѣло заключается въ средствахъ, въ устройствѣ помѣщенія. Желательно, чтобы по поводу 50-лѣтняго юбилея археографической коммиссіи опять былъ выведенъ изъ забвенія этотъ вопросъ. Кто знаетъ, можетъ быть и найдутся меценаты, которые достойнымъ образомъ увѣковѣчатъ полустолѣтній любилей плодотворной дѣятельности кіевской археографической коммиссіи и подарятъ музей Кіеву...

ВОСПОМИНАНІЕ ІОСИФА САМЧЕВСКАГО.[1]

(1800—1886 г.).

V.

Невск.я семинарія.—Ярофаловъ и Смирновъ.—Мои сочиненія.—Мысль объ увольненіи изъ семинаріи.—Зосима.—Я комнатный старшій.

Когда мы появились на дворѣ Невской семинаріи, насъ стали распредѣлять по комнатамъ. Меня привели въ комнату, въ которой помѣщались ученики философіи. Она мнѣ показалась какимъ-то темнымъ, нечистымъ сараемъ съ множествомъ учениковъ. Кровать мою поставили у самаго порога, близъ бочки съ водою. „Боже мой! куда я попалъ?“ думалъ я. Но въ тотъ же день явился мнѣ утѣшитель въ лицѣ соученика Ярофалова, знакомаго съ семействомъ Державина, но не знавшаго еще меня; онъ, подговоривъ товарища Смирнова, самъ съ нимъ перенесъ мою кровать въ другую ближайшую комнату, которая была поменьше и посвѣтлѣе, и въ которой помѣщался нашъ комнатный старшій. Въ тотъ же день я былъ въ столовой, еще болѣе обширной и загрязненной палатѣ, гдѣ сидѣло до 300 душъ обѣдавшихъ учениковъ. О пищѣ и говорить нечего,—она была гораздо хуже и скуднѣе нашей. Недаромъ прежде знакомые намъ пучки по праздникамъ приходили къ намъ въ армейскую нашу столовую лакомиться нашими пирогами, которыхъ у нихъ вовсе не бывало.

[1]) См. Кіевск. Стар. 1893 г., № 10.

На другой день я пришелъ въ философскій классъ, темный и тѣсноватый по числу помѣщавшихся въ немъ учениковъ числомъ до 80. Я стоялъ у порога, пока пришелъ инспекторъ, профессоръ архимандритъ Поликарпъ. Онъ, по какому-то соображенію, велѣлъ мнѣ сѣсть первымъ во второмъ ряду партій. Я съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ его лекцію по исторіи философскихъ системъ, съ весьма понятнымъ объясненіемъ, и тогда же узналъ, что Суворовъ преподавалъ намъ философію совсѣмъ не такъ хорошо. Послѣ непріятныхъ впечатлѣній, какія произвела на меня Невская семинарія въ ея спальняхъ, классѣ и столовой, мнѣ вскорѣ пришлось увидѣть и одежду, построенную казеннокоштнымъ ученикамъ, а съ ними и намъ армейцамъ. Это были куртка и панталоны, пошитыя изъ такого толстаго и грубаго сукна, которое было хуже всякаго солдатскаго. Я этого платья совсѣмъ не надѣвалъ и продалъ его за безцѣнокъ, благо оставалась у меня цѣлою одежда армейской семинаріи.

Горюя о нашемъ переводѣ, мы, армейцы, собирались въ укромное мѣсто и тамъ плакали, какъ евреи на рѣкахъ вавилонскихъ. Занятія мои по предмету философіи въ Невской семинаріи были для меня трудноваты, потому болѣе, что исполняя текущіе уроки по этому предмету, который читался здѣсь гораздо обширнѣе, я долженъ былъ списывать для себя и заучивать прежде пройденное здѣсь въ продолженіе года. Первое мое сочиненіе, поданное Поликарпу, заслужило его одобреніе, вслѣдствіе чего мои соученики стали смотрѣть на солдата повѣжливѣе. Не смотря на это, я продолжалъ скучать въ семинаріи и думалъ, было, подобно моему товарищу Андріанову, поступить въ медицинскую академію, для чего уже выучилъ лобную кость, но, почувствовавъ отвращеніе къ вскрытію труповъ, рѣшился вовсе уволиться изъ семинаріи и поступить писцомъ въ какое-нибудь присутственное учрежденіе. Когда я сказалъ объ этомъ моемъ намѣреніи Державину, онъ отвѣчалъ: потерпи, учись—и ты будешь въ духовной академіи. Нечего было дѣлать, я продолжалъ учиться и находилъ себѣ отраду въ дружбѣ Ярофалова и Смирнова. Между тѣмъ мѣсяца черезъ 3

произошла перемѣна въ начальствѣ семинаріи, послужившая къ улучшенію моего положенія. Ректоръ Иннокентій былъ возведенъ въ санъ епископа пензенскаго; на мѣсто его ректоромъ поступилъ инспекторъ Поликарпъ, а инспекторомъ сдѣланъ изъ баккалавровъ академіи магистръ Зосима. Послѣдній, не зная различія между невцами и армейцами, относился ко всѣмъ одинаково. Послѣ поданнаго ему мною сочиненія онъ обратилъ на меня вниманіе, тѣмъ болѣе, что при осмотрѣ ученическихъ комнатъ всегда заставалъ меня или за писаньемъ, или за уроками. Можетъ быть, и комнатный старшій хорошо отозвался ему о моемъ поведеніи. Когда бывшій комнатнымъ старшимъ въ малолѣтнемъ отдѣленіи ученикъ богословія былъ убитъ въ городѣ, Зосима рекомендовалъ меня на его мѣсто, и я сдѣланъ старшимъ. Въ новомъ моемъ помѣщеніи я безпрепятственно могъ заниматься моимъ дѣломъ,—дѣти при мнѣ вели себя тихо. Инспекторъ, часто посѣщая учениковъ, заставалъ меня при моихъ занятіяхъ, входилъ въ мое положеніе и давалъ совѣты, какъ я могу лучше приготовиться къ предстоявшему экзамену.

Филаретъ, тогда уже тверской архіепископъ, ревизовалъ въ невской семинаріи окончившихъ курсъ и учениковъ философіи. По окончаніи ревизіи онъ самъ назначилъ къ поступленію въ академію трехъ учениковъ изъ богословія и двухъ изъ философіи; если бъ я не заслуживалъ такого же назначенія, онъ не могъ бы избрать меня, такъ какъ я подлежалъ армейскому вѣдомству. Вакацію я провелъ у Державина, а затѣмъ опять долженъ былъ отправиться въ Невскую семинарію. При прощаніи Державинъ сказалъ мнѣ; „ты уже принятъ въ академію“. Это ему легко было сдѣлать, стоило только сказать митрополиту Михаилу, и тотъ принялъ меня въ число академистовъ. Самъ секретарь академіи—профессоръ Райковскій пришелъ за мною въ семинарію и провелъ меня въ академію.

VI.

Иннокентій и Филаретъ.—Сказанія о нихъ современниковъ.

Я хочу здѣсь сказать нѣсколько словъ о бывшемъ ректорѣ, знаменитомъ Иннокентіи. Это тотъ самый Иннокентій,

который былъ ревизоромъ въ армейской семинаріи. Онъ, какъ и Филаретъ, получилъ образованіе въ московской Троицкой семинаріи, а, можетъ быть, былъ и соученикомъ его; какъ Филаретъ, онъ былъ любимцемъ митрополита Платона, который вслѣдъ за Филаретомъ вытребовалъ его въ Петербургъ для занятія должности баккалавра въ 1-мъ курсѣ петербургской академіи. Скоро Иннокентій, въ званіи доктора богословія, сдѣланъ былъ ректоромъ Невской семинаріи, которой управлялъ съ большимъ достоинствомъ и съ пользою для заведенія. Богословіе онъ преподавалъ, какъ говорили въ то время, съ великою ученостью и имѣлъ громадное вліяніе на учащихся. Я не имѣлъ счастія слушать его, но два армейскіе ученика, бывшіе тогда въ богословіи, говорили мнѣ, что ученики съ благоговѣніемъ слушаютъ его лекціи и наставленія о пастырскомъ поведеніи, и что ученики въ классѣ иногда плакали, слушая его благочестивыя и пламенныя рѣчи. Трогательно намъ было слушать его, когда онъ въ церкви совершалъ божественную литургію; обладая симпатичнымъ теноровымъ голосомъ, онъ какъ то особенно выразительно и торжественно произносилъ слова: „право правящихъ слово твоея истины“. Въ то время въ Петербургѣ сильно распространилось массонство; директоры массонскихъ ложъ, особенно Лабзинъ, своими мистическими ученіями наносили раны церкви. Статскій совѣтникъ Станевичъ написалъ прекрасную книгу противъ массонства: „Плачъ матери на гробѣ младенца“. Ректоръ Иннокентій, будучи вмѣстѣ и цензоромъ духовныхъ книгъ, съ горячимъ сочувствіемъ читалъ ее и одобрилъ къ печатанію, не обративъ вниманія на одну въ ней выноску, въ которой говорилось, что какая-то массонская книга напечатана съ соизволенія правительства. Массоны ухватились за эту выноску и черезъ придворныхъ довели до слуха государя, будто бы сочиненіе Станевича написано въ укоризну Его Величества. Государь повелѣлъ книгу Станевича запретить, цензора Иннокентія въ наказаніе поставить епископомъ въ уфимской епархіи, что равносильно было ссылкѣ, но, по ходатайству оберъ-прокурора св. синода—князя Мещерскаго и предстательству императрицы Маріи Ѳеодоровны, вмѣсто Уфы

Иннокентію назначена была Пенза. Когда Иннокентій выѣзжалъ изъ Петербурга, ученики семинаріи и множество постороннихъ лицъ толпились на лаврскомъ дворѣ. Иннокентій, обходя церкви для прощальнаго поклоненія святынямъ, благословлялъ семинаристовъ, слѣдовавшихъ за нимъ въ самыя кельи его, раздавалъ имъ свои печатныя проповѣди и книги, благословлялъ ихъ и со слезами говорилъ: „учитесь, дѣти! вотъ и я былъ такой же, какъ и вы, а теперь архіерей". Зимній возокъ уже былъ поданъ, Иннокентій вышелъ въ нагольномъ тулупѣ, который князь Мещерскій снялъ и надѣлъ на него свою енотовую шубу. Извѣстный архимандритъ Фотій, прощаясь съ Иннокентіемъ, рыдалъ и называлъ его столпомъ православія. Иннокентій поспѣшилъ сѣсть въ экипажъ и уѣхалъ.

Запишу теперь и то, что я слышалъ отъ лицъ, бывшихъ студентами 1-го выпуска академіи, какъ о самой академіи, такъ и о преподавателяхъ ея, Филаретѣ и Иннокентіи. Духовная петербургская академія учреждена была въ 1809 году. Первыми ея основателями были: Сперанскій, А. Н. Голицынъ и митрополитъ Амвросій. Государь Александръ Павловичъ изъявлялъ особенное свое благоволеніе къ этому новому учрежденію. Собраны были со всей Россіи лучшіе ученики семинарій числомъ до 100 для составленія перваго курса. Но въ первомъ году студенты этого курса произвели нѣкоторое волненіе, именно: будучи недовольны пищею, они въ столовой забросали экономa кусками хлѣба. Когда объ этомъ доложено было государю, онъ повелѣлъ немедленно исключить виновныхъ изъ академіи и однихъ изъ нихъ отдать въ причетники, а другихъ, кто пожелаетъ, въ солдаты; одинъ изъ послѣднихъ, Страховъ, бывшій ученикъ армейской семинаріи, отличный математикъ, дослужился впослѣдствіи до генеральскаго чина.

Филаретъ и Иннокентій,—оба ректора и друзья между собою,—были любимцами петербургскаго митрополита Амвросія, который ими любовался при ихъ богословскихъ спорахъ. Когда бывали экзамены въ академіи, онъ имѣлъ подлѣ себя ассистентомъ Иннокентія, а въ семинаріи на экзаменахъ ассистентомъ бывалъ Филаретъ. Однажды на экзаменахъ шла рѣчь

о недостаточности естественной религіи. Амвросій возразилъ, что она совершенно достаточна, и велѣлъ Иннокентію поддерживать это возраженіе; послѣдній, искусный въ діалектикѣ, сталъ оправдывать мнѣніе митрополита; Филаретъ сперва съ нѣкоторою небрежностью отвѣчалъ Иннокентію, но когда этотъ съ горячностью продолжалъ свои аргументы, Филаретъ отвѣчалъ серьезнѣе, приводя уже вѣскія доказательства. Тогда Иннокентій, видя свое пораженіе, спросилъ: „да что жъ такое естественная религія?“ Филаретъ, всегда сдержанный, съ улыбкой отвѣчалъ: „вотъ прекрасно! мы такъ долго споримъ, не зная о чемъ; вы, какъ оппонентъ, съ самаго начала диспута должны были знать опредѣленіе предмета, о которомъ спорите“. Митрополитъ захохоталъ, и тѣмъ диспутъ кончился.—Бывшій инспекторъ черниговской семинаріи Филадельфъ, воспитанникъ 1-го выпуска петербургской академіи, говорилъ мнѣ, что когда Филаретъ былъ сдѣланъ бакалавромъ и въ первый разъ взошелъ на каѳедру преподавателя, то студенты оскорбились, что такой молодой человѣкъ будетъ учить ихъ, тогда какъ между ними многіе были годами старше его, а нѣкоторые поступили въ академію изъ учителей семинаріи. Но когда Филаретъ, прочитавши лекцію, ушелъ, студенты остались въ изумленіи, подъ впечатлѣніемъ превосходной, неслыханной ими дотолѣ лекціи. Тотъ же Филадельфъ говорилъ мнѣ, что Филаретъ одно время, за болѣзнью глазами, не могъ самъ писать лекцій по церковной исторіи, вслѣдствіе сего призывалъ къ себѣ студентовъ, и тѣ писали подъ его диктовку. Впослѣдствіи лекціи эти были напечатаны безъ всякихъ поправокъ. Филадельфъ еще говорилъ, что Филаретъ проводилъ почти весь день за своимъ письменнымъ столомъ, а ночью выходилъ на лаврскій дворъ и для моціона лопатою разгребалъ снѣгъ. Отъ студентовъ 2-го курса я слышалъ, что двое изъ первыхъ товарищей ихъ, сдѣланные баккалаврами академіи,—Филаретовъ и Рябчиковъ, въ самомъ началѣ своей службы стали вести нетрезвую жизнь, часто пропускали уроки и не подавали надежды къ исправленію. Филаретъ, бывшій уже тогда ректоромъ академіи, прійдя однажды на квартиру одного изъ нихъ, засталъ обоихъ бакка-

лавровъ за столомъ, на которомъ стоялъ штофъ водки. „Гдѣ здѣсь живутъ бакалавры?“ спросилъ ректоръ. Застигнутые врасплохъ, гуляки молчали. „Ихъ здѣсь нѣтъ, такъ и не будетъ“, сказалъ Филаретъ и ушелъ. На другой день ихъ исключили изъ академіи. Филаретовъ уѣхалъ на свою родину, въ тверскую губернію, чрезъ нѣсколько времени совсѣмъ оставилъ свою дурную привычку и подалъ прошеніе на священническое мѣсто. Филаретъ, тогда уже тверской архіепископъ, положилъ на прошеніи его такую резолюцію: „произвести просителю въ консисторіи надлежащее испытаніе“. Когда Филаретовъ явился, члены консисторіи сказали ему: „что же мы будемъ васъ спрашивать?“—Что знаете,—отвѣчалъ онъ, и тѣмъ испытаніе кончилось. Филаретовъ получилъ приходъ, впослѣдствіи возведенъ былъ въ санъ протоіерея, а Рябчиковъ въ наше время бродилъ еще по городу въ самомъ безобразномъ видѣ.

По сказанію тѣхъ же студентовъ 2-го курса, ректоръ Филаретъ часто посѣщалъ академическія аудиторіи и слушалъ преподаваніе профессоровъ, сидя на скамьѣ со студентами. Въ одно изъ такихъ его посѣщеній ординарный профессоръ Вѣтринскій читалъ лекцію о неоплатоникахъ и о самомъ Платонѣ; Филаретъ, прослушавши нѣкоторую часть лекціи, спросилъ студента Колоколова (бывшаго послѣ бакалавромъ кіевской духовной академіи): „г. Колоколовъ, какъ вы поняли преподанное профессоромъ?“—Колоколовъ отвѣчалъ:—Я ничего не понялъ.—Филаретъ просилъ Вѣтринскаго лучше объяснить; когда же и послѣ того Колоколовъ на вопросъ Филарета отвѣчалъ:—„не понимаю“,—Филаретъ сказалъ: „я учился философіи по Баумейстеру; не знаю, будетъ ли понятно мое объясненіе“, и, въ самыхъ понятныхъ словахъ объяснивъ читанное, спросилъ Колоколова: „а теперь понимаете-ли?“—Понимаю,—отвѣчалъ онъ. Вѣтринскій всталъ и поклонился Филарету.

Объ Иннокентіи студенты 1-го курса говорили вотъ что. Когда Филаретъ окончилъ съ ними священно-библейскую исторію, Иннокентію поручено было преподавать имъ церковную исторію, по которой тогда не было еще никакого руководства; Иннокентій самъ долженъ былъ сочинять его, отъ-

скивая и подбирая источники, составляя по нимъ для лекціи, спѣша при этомъ пройти всю эту часть исторіи въ непродолжительное, назначенное для того время, и, дѣйствительно, въ это время онъ написалъ и издалъ два большіе тома церковной исторіи. Говорили, что онъ тогда проводилъ дни и цѣлыя ночи за письменнымъ столомъ или надъ аналоемъ, надъ которымъ отъ изнеможенія къ утру засыпалъ.

VII.

Пребываніе мое въ петербургской духовной академіи.—Содержаніе въ ней.—Товарищи.—Бакалавръ Оржевскій.—Мое первое сочиненіе.—Профессоръ Кочетовъ.—Назоровъ-лунатикъ и мой испугъ.—Напрасное на меня нареканіе.—Товарищъ Козловскій.—Поздній приходъ мой изъ города.—Соловскій.—Старшій Бодянскій.—Марковъ.—Мой легкомысленный поступокъ.—Смерть товарищей.—Лебедевъ.

Теперь приступаю къ воспоминаніямъ о моемъ пребываніи въ петербургской духовной академіи. Вступалъ я въ этомъ храмъ высшаго образованія съ робостью и смущеніемъ, сознавая, что къ этому образованію я недостаточно приготовленъ. Величественное, только что отстроенное, на подобіе дворца, зданіе академіи было ограждено чугунною рѣшеткою и украшено колоннами съ фронтономъ и двумя надъ нимъ изваянными ангелами; одинъ изъ нихъ держалъ большой позлащенный крестъ, указывая на него другому, колѣнопреклоненному ангелу.

Меня помѣстили на 4-мъ этажѣ академіи, въ № 27, состоящемъ изъ двухъ комнатъ; въ первой изъ нихъ уже поставлена была для меня желѣзная кровать со всѣми новыми постельными принадлежностями; это были: мягкій волосяной тюфякъ, бумажное теплое одѣяло, три простыни, двѣ подушки и четыре наволоки. Все это, кромѣ кровати, отдавалось студентамъ въ неотъемлемую собственность. Мнѣ указали ящикъ въ комодѣ и табуретъ за письменнымъ столомъ съ 4-мя откосными досками.

Носильнаго бѣлья изъ довольно тонкаго холста студентамъ давалось по три пары на годъ, изъ платья—суконный сюртукъ, жилетъ и панталоны темно-сѣраго цвѣта давались на два года, а лѣтній мухояровый сюртукъ, три пары сапогъ, круглая пу-

ховая черная шляпа и лосиныя перчатки на годъ. Шинели намъ не полагалось, да я и прежде ее не имѣлъ. Пища наша была довольно питательная и вкусная, состояла въ будни изъ двухъ, а въ праздники изъ трехъ блюдъ. Чаю намъ не давали, да къ нему я и не привыкъ. На завтракъ давали хорошій хлѣбъ съ квасомъ, который всегда подавался въ столовой и выставлялся въ бутыляхъ на корридорахъ. Всѣ помѣщенія студентовъ были просторны, теплы, свѣтлы и чисты. Всѣ части академіи были расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: церковь, библіотека, классы, спальни, въ которыхъ мы приготовляли и свои уроки, столовая, квартиры начальниковъ и служителей, кухни и ретирады, такъ что студентъ могъ вовсе не выходить изъ зданія академіи, развѣ только въ баню, находившуюся въ академической оградѣ въ саду. Академическая усадьба имѣла чистый, хорошій воздухъ; она стояла въ концѣ Петербурга за Лаврою, фасадомъ на протекающую передъ нею Неву, и позади себя имѣла садъ. Такимъ образомъ академія предоставляла всѣ необходимыя условія для удобной жизни и для занятій студентовъ.

Академическій курсъ продолжался 4 года два года въ низшемъ отдѣленіи и два года въ высшемъ. Въ нашъ курсъ, по числу пятый, поступило 55 человѣкъ. Всѣ поступившіе, кромѣ меня и товарищей моихъ Аминицкаго и Каменскаго, кончили полный семинарскій курсъ, всѣ были лучшіе изъ своихъ сотоварищей и присланы по выбору семинарскихъ правленій подъ отвѣтственностью сихъ послѣднихъ, изъ опасенія получить отъ академическаго правленія строгое замѣчаніе и уплатить обратныя прогоны, если бы на пріемномъ экзаменѣ въ академіи они оказались недостаточно подготовленными.

Когда я въ первый разъ побылъ на лекціяхъ и послушалъ отвѣты и разсужденія новыхъ моихъ товарищей, то уразумѣлъ что мнѣ придется употребить много трудовъ и усилій, чтобы не отстать отъ нихъ. По философіи я могъ довольно легко готовить свои уроки, потому что въ академіи только обширнѣе преподавалось то же, что вкратцѣ изучаемо было мною въ семинаріи, но не легко было для меня готовить уроки по чтенію св. писанія, для чего нужно было знать еврейскій языкъ,

которому я въ семинаріи не учился и теперь долженъ былъ начинать съ азбуки. Нужно было мнѣ изучить и англійскій языкъ, съ котораго въ скоромъ времени началъ переводить, хотя читать правильно по англійски совсѣмъ не научился отъ нашего бакалавра, такъ какъ тотъ и самъ не умѣлъ правильно читать. Легче всѣхъ предметовъ мнѣ давалась исторія: древнюю и среднюю я, благодаря Орлову, хорошо изучилъ еще въ армейской семинаріи. Всеобщую намъ преподавалъ молодой, только что кончившій курсъ академіи бакалавръ Оржевскій, человѣкъ энергическій, хорошо знавшій предметъ и излагавшій его въ прекрасной формѣ. Прошедши съ нами исторію Греціи, онъ велѣлъ намъ написать сочиненіе на тему: какова была система Ликургова законодательства? Я написалъ, какъ умѣлъ, и подалъ. Оржевскій читалъ наши сочиненія въ классѣ, не объявляя имени автора, разбиралъ ихъ по правиламъ академической критики и требовалъ отъ студентовъ ихъ мнѣній о достоинствахъ и недостаткахъ читаннаго имъ сочиненія. Если нетерпѣливый авторъ самъ вызывался защищать свое произведеніе, то получалъ отъ бакалавра и отъ товарищей должныя замѣчанія и вразумленія. Когда стали читать и разбирать мое сочиненіе, я сидѣлъ молча, ожидая суда и приговора. Къ моей радости бакалавръ и товарищи нашли его удовлетворительнымъ. Поощренный такимъ одобреніемъ, я сталъ еще ревностнѣе заниматься исторіей. Оржевскій давалъ намъ на бумагѣ только краткій конспектъ своихъ лекцій. Я записывалъ ихъ во время самаго чтенія и при пособіи этихъ бѣглыхъ записокъ, вмѣстѣ съ приходившими ко мнѣ товарищами, занимался репетиціей. Оржевскій часто меня спрашивалъ въ классѣ, одобрялъ мои отвѣты и рекомендовалъ ординарному профессору исторіи А. С. Кочетову, который, приходя къ намъ на репетицію, также спрашивалъ меня и, когда послѣ самъ преподавалъ намъ русскую исторію, то обращалъ на меня вниманіе, которымъ я пользовался отъ него и въ высшемъ отдѣленіи, гдѣ онъ читалъ намъ церковную исторію. При усиленныхъ моихъ занятіяхъ много времени отнимало у меня переписываніе лекцій, которыя тогда почти всѣ читались по запискамъ,

для чего я долженъ былъ сидѣть по ночамъ; но эти ночныя работы мнѣ пришлось прекратить по случаю одного со мною приключенія, о которомъ и теперь вспоминаю съ неудовольствіемъ.

Помѣщеніе наше подъ № 27 состояло изъ двухъ комнатъ, въ которыхъ жило 8 студентовъ, по 4 человѣка въ каждой. Въ передней комнатѣ, въ которой и я находился были: костромичъ Назаровъ и два ярославца: Вязнинъ и Головщиковъ; а въ другой—комнатный старшій Бодянскій, студентъ высшаго отдѣленія, москвичъ Озеровъ, тулякъ В. Б. Бажановъ и псковичъ Соловскій. Назаровъ, одаренный счастливой памятью, въ досужіе часы сообщалъ намъ любопытные разсказы изъ прочитанныхъ имъ книгъ, а Вязнинъ потѣшалъ насъ своими странными сужденіями, съ которыми иногда не кстати выхватывался и въ классѣ во время лекцій. Однажды во время нашего собесѣдованія Назаровъ, всегда разговорчивый, задумчиво молчалъ и потомъ съ какимъ-то смущеніемъ сказалъ намъ: „братцы, я долженъ открыть вамъ, что я лунатикъ; не бойтесь меня, когда я въ моемъ припадкѣ буду ночью вставать и ходить; вы только назовите меня по имени, и я буду опять засыпать“. Можетъ быть, онъ и прежде вставалъ и ходилъ, но я не обращалъ на то никакого вниманія, не знавши о его болѣзни; но когда услыхалъ о ней отъ него самого, сталъ наблюдать за нимъ, и всякій разъ, когда онъ вставалъ, я называлъ его по имени, и онъ, почесавши голову, дѣйствительно ложился на кровать. Но мы еще не знали, что припадки болѣзни у него были гораздо сильнѣе, когда онъ засыпалъ въ возбужденномъ состояніи духа. Надобно сказать, что Назаровъ, при непріятной своей физіономіи, высматривалъ сердито, былъ чрезвычайно раздражителенъ и злопамятенъ, а Вязнинъ любилъ во всемъ спорить и былъ неуступчивъ. Послѣ ужина, когда мы всѣ сидѣли еще за нашимъ столомъ, приготовляя уроки по философіи, Вязнинъ вслухъ началъ по своему толковать нѣкоторыя положенія великаго Платона; Назаровъ назвалъ его сужденіе глупымъ, Вязнинъ разсердился, дѣло дошло между ними до личностей и брани; Вязнинъ перебранилъ Назарова, который замолчалъ и

въ злобномъ настроеніи легъ спать. Во второмъ часу ночи, когда всѣ уже въ комнатѣ нашей спали, а я занимался еще писаньемъ, Назаровъ съ необыкновеннымъ порывомъ вскочилъ и сѣлъ на кровати. Я сталъ громко называть его по имени, но онъ вмѣсто пробужденія устремилъ на меня какой-то необыкновенно страшный взглядъ, и когда я еще громче назвалъ его, онъ поднялся съ кровати, притянулъ одѣяло къ своему лицу и съ шипѣніемъ бросился на меня; я въ испугѣ съ крикомъ побѣжалъ въ другую комнату, гдѣ студентъ В. Б. Бажановъ, тоже испугавшись, перебѣжалъ къ другому товарищу: мнѣ показалось, что Назаровъ гонится за мной, и я въ страхѣ кинулся къ студенту Озерову, читавшему книгу, который, думая, что я сошелъ съ ума, отбросилъ меня отъ себя, и я очутился подъ его кроватью. Крикъ мой и бѣготня такъ были сильны, что не только всѣ сожители мои проснулись, но и жившіе подъ нами въ низшемъ этажѣ прибѣжали къ намъ, думая, что случился пожаръ; пришелъ и Назаровъ съ Вязнинымъ, къ которому онъ прилегъ, вѣроятно, проснувшись отъ столкновенія со мною, и спрашивалъ у него что такое случилось. Озеровъ разсказалъ о томъ, какъ я прибѣжалъ; меня вытянули изъ-подъ кровати, но на вопросы мнѣ предложенные, я, какъ бы онѣмѣвшій, ничего не отвѣчалъ. Меня посадили на табуретъ, напоили водою, и тогда только нѣсколько придя въ чуство, но заикаясь, я кое-какъ могъ разсказать о моемъ испугѣ. Поутру объ этомъ происшествіи доложено было инспектору и ректору. Я просилъ начальство перемѣстить меня въ другой номеръ, а Назаровъ хотѣлъ совсѣмъ увольниться изъ академіи, но насъ обоихъ оставили по прежнему на своихъ мѣстахъ. Послѣ описаннаго испуга моего я долго еще заикался и съ того времени при какомъ-нибудь внезапномъ стукѣ, чувствовалъ, что у меня отъ ступней ногъ подымается кровь, вкусъ которой ячу вствовалъ на языкѣ. Этотъ припадокъ много лѣтъ потомъ случался со мной при сильномъ возбужденіи духа. Со времени моего испуга я пересталъ заниматься по ночамъ и ложился въ одно время съ Назаровымъ, но изъ предосторожности, чтобъ онъ не испугалъ меня на моей кровати, стоявшей близъ его кровати, я перенесъ свою къ противоположной стѣнѣ за

нашъ письменный столъ. Вязнинъ смѣялся надо мною, говоря: „Эко, братецъ, ты испугался, какъ мальчишка.“ Я по годамъ былъ моложе всѣхъ моихъ товарищей. Я молчалъ, а землякъ его Головщиковъ при этомъ сказалъ ему: „смотри Балда, (такъ мы звали его по причинѣ его привычки повторять это слово) чтобы съ тобою не сталось то же“,—что дѣйствительно вскорѣ и случилось. Вязнинъ опять вечеромъ раздразнилъ Назарова, и этотъ разсерженный легъ спать. Всѣ мы трое были въ постели одинъ только Вязнинъ сидѣлъ у стола спиною къ нему. Въ часъ ночи Назаровъ съ азартомъ вскочилъ съ постели; Вязнинъ отъ страху упалъ съ табурета на полъ, отчего тотъ пробудился. „А что, Балда, вотъ и ты испугался,“ сказалъ ему Головщиковъ. „Да что-жъ, братецъ ты мой, съ нимъ подѣлаешь, это не человѣкъ, а звѣрь.“

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ моего испуга мнѣ суждено было еще претерпѣть тяжкое и нисколько не заслуженное мною нареканіе. Въ одну субботу вечеромъ, когда мои товарищи ушли въ церковь ко всенощной, комнатный старшій Бодянскій подошелъ ко мнѣ и вручилъ мнѣ написанную имъ записку слѣдующаго содержанія: „вы, господинъ Самчевскій, должны быть благодарны начальству Академіи за то, что оно приняло васъ въ нее изъ посторонняго вѣдомства не кончившимъ курса семинаріи; вмѣсто благодарности, вы въ одномъ домѣ хулили начальство Академіи и профессоровъ ея.“ Пораженный такимъ обвиненіемъ, я возвратилъ ему его записку, сказавъ, что она принадлежитъ не мнѣ, что я нигдѣ, никогда, никому, ничего дурного не говорилъ объ Академіи. „ Да вы-же бываете у придворнаго протоіерея?“ спросилъ онъ.—„Бываю“,—отвѣчалъ я. „Ну, такъ этого и довольно,“ сказалъ Бодянскій. Я ничего не могъ говорить, не спросилъ даже, откуда пошло такое нареканіе на меня, и по какому поводу Бодянскій обратился съ нимъ ко мнѣ. Въ мучительномъ томленіи духа я пошелъ въ церковь, гдѣ вмѣсто молитвы думалъ и передумывалъ о постигшемъ меня наговорѣ, всю ночь почти не спалъ, пересталъ заниматься своимъ дѣломъ, ходилъ, какъ присужденный къ казни преступникъ, думая, что меня скоро исключатъ изъ Академіи, доходилъ до

отчаянія и не знаю, что было бы со мной, если бы добрый другъ мой, товарищъ изъ другого номера Петръ Козловскій теплымъ участіемъ своимъ не вывелъ меня изъ этого томительнаго положенія. „Если ты," говорилъ онъ, „по совѣсти твоей не чувствуешь за собой виновности въ приписываемомъ тебѣ поступкѣ, то нечего унывать и безпокоиться: не могутъ же тебя напрасно исключить." Я хотѣлъ, было, идти къ инспектору и ректору объясниться, но Козловскій удержалъ меня отъ того, сказавъ, что объясненіемъ своимъ я могу возбудить только подозрѣніе. Я началъ успокаиваться, тѣмъ болѣе, что никто мнѣ не повторялъ нареканія, и что изъ Академіи меня не исключали. Въ послѣдствіи времени открылась моя невинность; Бодянскій, прощаясь со мною, при отъѣздѣ изъ Петербурга, по окончаніи своего курса, извинялся предо мною и говорилъ, что хулилъ начальство и профессоровъ студентъ Архангельскій въ домѣ придворнаго протоіерея Веселовскаго, съ которымъ я совсѣмъ не былъ знакомъ.

Въ праздничные дни послѣ обѣдни и въ будни послѣ классовъ мы могли свободно уходить въ городъ, но непремѣнно должны были возвратиться въ Академію къ ужину. Я вообще, находясь въ Академіи, рѣдко ходилъ въ городъ, но однажды, пошедши къ оберъ-священнику Державину, домъ котораго находился въ весьма далекомъ разстояніи отъ Академіи, какъ-то запоздалъ и воротился уже тогда, когда ужинъ кончился. Нашъ комнатный старшій послалъ меня къ инспектору, отъ котораго я получилъ внушительное замѣчаніе. Нисколько не оправдываясь, я просилъ прощенія, говоря, что впередъ я никогда не буду такъ опаздывать. „Когда такъ, сказалъ инспекторъ, то хорошо, ступайте и будьте спокойны." Не то случилось съ жившимъ въ одномъ номерѣ товарищемъ моимъ Соловскимъ. Соловскій въ воскресный день зимою пошелъ въ Медицинскую Академію къ землякамъ своимъ и оттуда не возвращался двое сутокъ; на третьи ректоръ приказалъ, чтобы всѣ живущіе въ № 27 студенты разошлись въ разныя стороны Петербурга и справлялись на съѣзжихъ дворахъ, не содержится ли гдѣ Соловскій. Всѣ наши поиски были напрасны. На чет-

вертый уже день Соловскій былъ приведенъ въ Академію изъ Ордонансъ-Гауза (мѣсто заключенія важнѣйшихъ нарушителей порядка въ городѣ), въ сопровожденіи двухъ полицейскихъ служителей съ обнаженными саблями и чиновника съ книгою и отношеніемъ, въ которомъ было написано, что студентъ Соловскій ночью пьяный ударилъ часового и потому препровождается въ Академію для поступленія съ нимъ по закону. Соловскій былъ принятъ инспекторомъ и по приказанію ректора былъ посаженъ въ отдаленную отъ студентовъ комнату (карцера у насъ не было). Отъ него потребовали объясненія на бумагѣ. Онъ показалъ, что на возвратномъ пути изъ Медицинской Академіи онъ заходилъ къ переплетчику за своими книгами и, взявши ихъ, въ 7 часовъ вечера шелъ по Невскому Проспекту; на одномъ изъ перекрестковъ какой-то человѣкъ выхватилъ у него сзади изъ-подъ мышки узелъ съ книгами; Соловскій, оборотившись назадъ, увидѣлъ человѣка въ простой черной шубѣ, и, считая его за того самаго, который выхватилъ у него книги, ударилъ его по лицу; на крикъ этого человѣка прибѣжали съ гауптвахты солдаты, схватили его, Соловскаго, и отвели въ Ордонансъ-Гаузъ. Начальство не довѣряло показанію Соловскаго и нѣсколько разъ его переспрашивало. Одинъ изъ студентовъ высшаго отдѣленія, проникнувъ къ Соловскому, говорилъ ему, что, если онъ въ гостяхъ выпилъ хоть одну рюмку и признается, то погибнетъ. Соловскій оставался при первомъ своемъ показаніи. У него потребовали списокъ книгъ, которыя онъ несъ съ собою. Ректоръ съ этимъ спискомъ и собственноручнымъ показаніемъ Соловскаго на предложенные ему при слѣдствіи вопросы и съ вымѣтками объ его успѣхахъ и поведеніи отправился къ министру духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія, князю А. Н. Голицыну, который сдѣлалъ докладъ Государю. Его Величество благоволилъ повелѣть оберъ-полицеймейстеру сдѣлать разысканіе на рынкахъ, не будутъ ли гдѣ продаваться отнятыя у Соловскаго книги. Книгъ не отыскали, и Соловскій тогда остался безъ взысканія. Осталось неизвѣстнымъ, былъ ли Соловскій виновенъ въ этомъ дѣлѣ или нѣтъ,—однако жъ ему эта исторія не обошлась даромъ. Во время нахожденія его

въ Академіи его не понижали въ спискахъ ни по успѣхамъ, ни по поведенію, но когда, по окончаніи нашего курса, назначали намъ мѣста службы въ семинаріяхъ, его поставили въ спискахъ послѣднимъ и отправили на его родину, безъ назначенія учебной должности, въ епархіальное вѣдомство.

Приключилось неблагополучіе и нашему комнатному старшему Бодянскому при самомъ окончаніи его курса. Онъ состоялъ по списку въ числѣ лучшихъ студентовъ, и можно было думать, что онъ будетъ оставленъ бакалавромъ при академіи, но вышло иначе. Въ первый день окончательнаго испытанія студенты обоихъ курсовъ собраны были въ торжественную залу, куда въ 8 часовъ утра прибылъ ревизоръ, московскій архіепископъ Филаретъ. Назначивъ намъ тему для сочиненія, онъ сталъ экзаменовать изъ богословія. Онъ вызвалъ къ столу трехъ студентовъ. Первымъ изъ вызванныхъ долженъ былъ отвѣчать тотъ, кто первый взялъ билетъ, а прочіе два должны были обдумывать свои вопросы. Пока ректоръ записывалъ взятые билеты, Филаретъ сказалъ, что такъ какъ Бодянскому выпалъ вопросъ, близкій къ началу предмета, то онъ пусть отвѣчаетъ первымъ. Бодянскій сталъ отвѣчать сбивчиво, часто останавливаясь. Вопросы, предлагаемые Филаретомъ, рѣшалъ не впопадъ; взявши другой билетъ, онъ также отвѣчалъ неудачно, и когда Филаретъ спросилъ его, почему освященіе мура совершается только архіереями, а не священниками, Бодянскій молчалъ; тогда Филаретъ сказалъ: „да это знаютъ порядочные причетники!“ затѣмъ долго что-то говорилъ съ ректоромъ. Неизвѣстно, каковы были сочиненія Бодянскаго, писанныя имъ на экзаменѣ, но при назначеніи степени онъ едва былъ поставленъ въ спискѣ послѣднимъ магистромъ, и то по настоянію ректора Григорія; тогда какъ студентъ Марковъ, не выдававшійся прежде изъ числа своихъ товарищей, выпущенъ былъ первымъ магистромъ за отличныя его сочиненія, изъ которыхъ одна его проповѣдь была напечатана въ книгѣ опытовъ, обыкновенно раздававшейся на публичномъ экзаменѣ посѣтителямъ, и сверхъ того былъ оставленъ бакалавромъ при Академіи.

Приводя себѣ на память разныя замѣчательныя для меня обстоятельства, изъ времени нахожденія моего въ низшемъ отдѣленіи, я запишу и то, какъ по легкомыслію моему я принималъ участіе въ несогласіи моихъ сотоварищей исполнить просьбу бакалавра Оржевскаго. Въ первый годъ службы своей при академіи онъ проходилъ съ нами всеобщую исторію весьма тщательно и неупустительно, но, принявши на себя обязанность воспитанія сына князя Кочубея, сталъ пропускать лекціи, а лѣтомъ, живя въ Царскомъ селѣ, рѣдко пріѣзжалъ оттуда въ академію и такимъ образомъ не прошелъ съ нами всей Новой Исторіи. Желая показять въ конспектѣ всѣ отдѣлы исторіи преподанными, онъ въ классѣ просилъ насъ, чтобы мы сами приготовили непройденное имъ по новой исторіи къ экзамену, но мы на то не согласились. Оржевскій обѣщалъ предъ экзаменомъ изъять вопросы по Новой Исторіи, но мы не были увѣрены въ возможности такого изъятія и опять-таки не согласились. Большая часть товарищей моихъ при этомъ преніи молчали въ надеждѣ, что говоруны отстоятъ желаемое всѣми. Въ числѣ оппонентовъ всталъ и я съ моимъ отрицательнымъ голосомъ. Побужденіемъ къ отрицанію была моя боязнь обрѣзаться на экзаменѣ, если бы мнѣ попался вопросъ изъ Новой Исторіи, которой я никогда не изучалъ; но и теперь не могу простить себѣ такой глупой выходки противъ моего наставника, къ которому я питалъ и теперь питаю чувство живой моей признательности за то вниманіе, какимъ онъ поддержалъ и ободрилъ меня на первыхъ порахъ труднаго для меня академическаго ученія. Пока мы находились въ низшемъ отдѣленіи, значительное число нашихъ товарищей, чувствуя слабость силъ своихъ, увольнилось изъ академіи, а по переходѣ въ высшее отдѣленіе въ одинъ годъ умерло четверо отъ чахотки, и въ числѣ ихъ нашъ первый товарищъ Звѣревъ, поступившій въ академію уже съ слабымъ здоровьемъ. По случаю смерти студента Лебедева, изъ тверскихъ, пронесся въ академіи слухъ невѣроятный, но встревоживший почти всѣхъ въ академіи. Лебедевъ чрезвычайно былъ прилеженъ, но какъ-то все безъ желаемаго имъ успѣха, тоско-

валъ и хирѣлъ. Въ воскресенье утромъ я видѣлъ его въ больницѣ нашей съ лицомъ, покрытымъ какою-то сильною сыпью, которая, по словамъ его, вдругъ появилась на всемъ его тѣлѣ; на вопросъ мой: что съ нимъ? онъ отвѣчалъ: „умираю!“ Послѣ обѣдни я ушелъ въ городъ, и, когда въ 7 часовъ вечера возвратился въ академію, мнѣ сказали, что Лебедевъ отнесенъ уже на Волковское кладбище. Такъ поспѣшно хоронили обыкновенно умиравшихъ отъ чахотки. На другой день поутру стали говорить, что въ день погребенія Лебедева, ночью, когда въ одномъ нумерѣ студенты еще не спали, одинъ изъ жившихъ тамъ же товарищей, изъ тверскихъ, лежалъ на кровати еще не раздѣвшись, можетъ быть, дремалъ; вдругъ онъ въ страшномъ испугѣ всталъ и сказалъ товарищамъ, что сію минуту видѣлъ Лебедева, явившагося ему и сказавшаго, что его похоронили живого; говорили, что тогда же Лебедевъ являлся эконому академіи и ректору, видѣвшему его въ своей передней комнатѣ и чрезвычайно испугавшемуся, и что, когда дежурный старшій поутру приходилъ къ ректору, онъ спрашивалъ у него, что у васъ тамъ говорятъ о явленіи Лебедева, и прибавилъ: „если еще кто увидитъ Лебедева, то пусть скажетъ ему: запрещаю тебѣ именемъ Господа Іисуса Христа являться“.

VIII.

Первая моя проповѣдь и моя болѣзнь.—Павскій.—Ректоръ Григорій.—Кочетовъ.—Марковъ.—Назаровъ.—Іоаннъ.—Смарагдъ.—Игнатій.—Левитскій.

На первой трети богословскаго курса намъ назначили писать проповѣдь. Я только что сталъ знакомиться съ богословскими предметами; въ семинаріи же не слушалъ еще Гомилетики, и потому для меня труденъ былъ этотъ родъ сочиненія; притомъ товарищи смущали меня, говоря, что написать академическую проповѣдь и для нихъ нелегко по причинѣ строгой критики профессора. Предварительно требовалось составить планъ проповѣди и представить его на исправленіе инспектору, что я, поломавши голову, исполнилъ, какъ умѣлъ. По исправ-

леніи плана, я составилъ и самую проповѣдь и началъ уже ее переписывать, какъ вдругъ почувствовалъ нестерпимую боль въ головѣ и пошелъ въ больницу, гдѣ открылась у меня нервная горячка столь сильная, что академическій врачъ не надѣялся, чтобы я ее перенесъ; но Богъ меня помиловалъ: кризисъ совершился благополучно, я сталъ мало-по-малу поправляться, но оглохъ и долго не могъ подняться на ноги. Ректоръ приказалъ старшему номерному не принимать меня изъ больницы, пока я не выздоровѣю совершенно. Такимъ образомъ, я пробылъ въ больницѣ девять недѣль, чрезъ что пропустилъ не мало лекцій; пришлось опять много трудиться, но укрѣпившіяся мои силы позволили мнѣ переносить эти труды. Вторая моя проповѣдь далась мнѣ легче. Перешагнувъ этотъ камень преткновенія, мнѣ легче стало проходить курсъ академическихъ наукъ, и жизнь моя въ академіи текла благополучно безъ всякихъ непріятныхъ для меня приключеній до самаго окончанія моего курса. Теперь запишу мои воспоминанія о нѣкоторыхъ моихъ наставникахъ.

Премьеръ перваго курса петербургской духовной академіи знаменитый Герасимъ Петровичъ Павскій, получившій уже докторскій крестъ, къ сожалѣнію, не читалъ намъ ни одного изъ богословскихъ предметовъ, а преподавалъ только еврейскій языкъ, толкуя о халдеизмахъ, часто встрѣчающихся въ книгахъ ветхаго завѣта; но изъ этой премудрости я ровно ничего не могъ понимать. Впрочемъ, мы читали нѣкоторыя богословскія лекціи Павскаго, составленныя для студентовъ петербургскаго университета, и увлекались новизною его взглядовъ въ прекрасной статьѣ о религіи. Говорили, что, когда по окончаніи перваго курса, начальство академіи и самъ митрополитъ уговаривали Павскаго вступить въ монашество, онъ рѣшительно отвѣчалъ, что хочетъ обабиться, и вскорѣ женился на дочери бѣднаго старообрядческаго священника, съ которою былъ счастливъ, хотя не на долго; имѣлъ отъ нея двухъ дочерей, которыхъ самъ воспитывалъ. Одинъ мой товарищъ бывалъ въ домѣ Павскаго и говорилъ о немъ, какъ о добрѣйшемъ человѣкѣ, довольно веселомъ, общительномъ и простосердечномъ до наив-

ности. Будучи уже священникомъ съ магистерскимъ крестомъ, Павскій, пріѣхавъ однажды въ гости къ одному гвардейскому священнику и увидѣвъ на дворѣ снѣжную горку, съ которой дѣти катались на подушкѣ отъ кресла, всталъ съ саней и не заходя еще въ домъ, побѣжалъ на горку и съ нея скатился.

Ректоръ нашъ, Григорій Постниковъ, по академіи былъ товарищемъ Павскаго и по списку выпущенъ третьимъ; вступивъ въ монашество, онъ назначенъ былъ бакалавромъ по каѳедрѣ богословія и инспекторомъ академіи и въ этомъ званіи прежде всѣхъ своихъ товарищей получилъ степень доктора богословія за свои обширныя и глубокія познанія. Въ наше время онъ былъ уже викарнымъ епископмъ ревельскимъ и въ этомъ санѣ преподавалъ намъ догматическое богословіе. Долго онъ читалъ намъ введеніе въ эту науку, излагая ходъ ея развитія на востокѣ и западѣ; къ отцамъ церкви онъ выражалъ благоговѣйную вѣру; изъ западныхъ богослововъ онъ предпочиталъ англійскихъ. Хорошо зная англійскій языкъ, перевелъ съ него на русскій извѣстную книгу „Христіанскія изысканія въ Азіи". Догматику онъ читалъ намъ по своимъ запискамъ, изъ которыхъ двѣ полныя и превосходныя статьи о свойствахъ Божіихъ и о трехъ лицахъ Божества напечатаны были въ Христіанскомъ чтеніи. Это былъ первый въ Россіи духовный журналъ, которому Григорій положилъ основаніе и въ которомъ много писалъ. Въ лекціяхъ рѣчь Григорія была проста, тяжеловата, но ясна, положительна и опредѣлительна. Онъ говорилъ медленно, устремляя глаза на слушающихъ. Прослушавъ его лекцію, продолжавшуюся по тогдашнему 2 часа, мы, выходя изъ класса, такъ хорошо знали ее наизусть, что не находили надобности изучать ее впослѣдствіи. Григорій не любилъ витіеватости и краснорѣчія въ сочиненіяхъ, требуя только ясности и основательности. Онъ однажды сказалъ намъ: „слава Богу, что знаменитый нашъ проповѣдникъ сталъ писать проще".

Я помню, какъ въ рѣчи своей при гробѣ митрополита Михаила Григорій въ самыхъ простыхъ, но сильныхъ и трогательныхъ словахъ выразилъ глубокую скорбь объ утратѣ этого святителя, котораго онъ душевно чтилъ и уважалъ. Оригинально

было его слово въ храмовой академическій праздникъ въ день двѣнадцати апостоловъ. Въ концѣ литургіи, вышедши изъ царскихъ вратъ съ посохомъ къ аналою, на которомъ лежало евангеліе, онъ раскрылъ его и прочиталъ слова: „вы есте соль земли“ и проч.; потомъ, обратившись къ студентамъ, окончившимъ курсъ, сказалъ имъ, что и они подобно апостоламъ посылаются на проповѣдь просвѣщать духовное юношество; что и имъ на этомъ поприщѣ предлежатъ свои труды и подвиги; что на нихъ возлагаются великія обязанности и надежды. „Какія это обязанности и кавъ онѣ должны быть вами исполняемы— сказалъ онъ, о томъ довольно вамъ преподано. Исполните ваши обязанности и наши надежды словомъ и дѣломъ“,—и тѣмъ заключилъ свое поученіе, которое по формѣ могло быть только приступомъ къ проповѣди. Григорій, какъ въ жизни своей, такъ и въ обращеніи съ людьми, какого бы состоянія они ни были, былъ одинаково простъ. Извѣстнаго, знаменитаго митрополита литовскаго Іосифа, прибывшаго, кажется, въ Москву на коронацію, онъ при встрѣчѣ спросилъ: „а вы зачѣмъ пріѣхали?“ Когда Іосифъ передалъ этотъ вопросъ Филарету, послѣдній сказалъ: „Григорій хотѣлъ выразиться какъ можно проще, а вышло грубо“. Съ простотою и прямотою характера у Григорія соединялась какая-то безыскусственная, какъ бы прирожденная его личности, важность: важенъ онъ былъ и передъ студентами и въ кругу профессоровъ, между которыми были соученики его по первому курсу; впрочемъ, къ Павскому, премьеру своего курса, онъ относился съ нѣкоторымъ почетомъ: во время экзаменовъ по языкамъ онъ сажалъ его подлѣ себя, поручая ему спрашивать студентовъ и оцѣнивать ихъ отвѣты. Всегда важный и всѣми уважаемый, епископъ Григорій былъ величественъ, когда въ церкви совершалъ священнодѣйствіе. Бывшій въ Петербургѣ на чредѣ священнослуженія ректоръ черниговской духовной семинаріи архимандритъ Іеронимъ, сказывалъ мнѣ, что когда ему случалось служить съ Григоріемъ литургію, ему представлялось, будто онъ видитъ предъ собой священнодѣйствующаго Василія Великаго. Серьезный и величавый по виду, Григорій чуждъ былъ холоднаго эгоизма и мел-

кой взыскательности; къ намъ онъ былъ снисходителенъ безъ потачки, ко всѣмъ былъ добръ не на словахъ, а на дѣлѣ; сострадателенъ къ страждущимъ: студентамъ, обращавшимся къ нему за помощью, ихъ роднымъ, потерпѣвшимъ то или другое несчастіе, онъ помогалъ изъ своего кармана; одному студенту по случаю выдачи сестры за мужъ онъ оказалъ отъ себя щедрыя пожертвованія; иногда ходатайствовалъ за студентовъ у министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицына и получалъ отъ него для нихъ вспоможеніе. И моей матери, по случаю чрезвычайнаго голода въ нашей черниговской губерніи, онъ исходатайствовалъ у него сто рублей. Когда Григорій, будучи уже архіереемъ, на выносѣ одного важнаго покойника получилъ за погребеніе деньги, то возвратившись въ академію, тотчасъ призвавъ къ себѣ дежурнаго старшаго и вручивъ ему тѣ деньги, велѣлъ купить въ библейскомъ обществѣ для всѣхъ студентовъ по экземпляру библіи. Подъ ректурою Григорія, благодаря его гуманности и благотворному вліянію, жизнь наша въ академіи текла тихо и спокойно. Не чувствуя надъ собою стѣсняющаго давленія отъ начальства, какъ бы предоставленные самимъ себѣ, подъ наблюденіемъ только комнатныхъ старшихъ за порядкомъ, мы вели себя благопристойно, потому что не знали праздности, постоянно занимаясь своимъ дѣломъ, соревнуя другъ другу и думая только о благоуспѣшномъ продолженіи и окончаніи нашего курса. Мы боялись какими-нибудь неприличными выходками огорчить нашего ректора, цѣня его отеческое о насъ попеченіе. Мы никогда не жаловались на приготовляемую для насъ въ академіи пищу. Григорій самъ посылалъ дежурнаго старшаго по комнатамъ нашимъ узнавать, какого мы желаемъ улучшенія въ столѣ нашемъ.

Держась строго охранительнаго начала касательно церковныхъ постановленій, онъ однако жъ по докладу нашего врача о томъ, что студенты при усиленныхъ занятіяхъ заболѣваютъ отъ постной пищи, испросилъ у митрополита разрѣшеніе слабосильнымъ студентамъ давать во время постовъ скоромную пищу, разумѣется, исключая первой и послѣдней недѣли

великаго поста. Но въ догматическихъ своихъ убѣжденіяхъ касательно вѣры и православія, Григорій былъ стоекъ, непреклоненъ и неуступчивъ предъ кѣмъ бы то ни было. Было обстоятельство, когда онъ, будучи уже петербургскимъ митрополитомъ, въ синодѣ безбоязненно противился незаконнымъ притязаніямъ оберъ-прокурора. Сколь достопочтенна была личность Григорія, показываетъ отзывъ Филарета, который въ одномъ изъ писемъ своихъ говоритъ о немъ: „хотя Григорій и ученикъ мой, но и мнѣ есть чему отъ него поучиться". Вообще, будучи строгъ болѣе къ самому себѣ, чѣмъ къ другимъ, желая всѣмъ дѣлать добро и во всѣхъ видѣть доброе, Григорій во взглядахъ своихъ бывалъ одностороненъ и довѣрчивъ, отчего иногда ошибался въ людяхъ и ошибки свои самъ сознавалъ.

Соученикъ Павскаго, протоіерей Акимъ Семеновичъ Кочетовъ, ординарный профессоръ исторіи, преподавалъ намъ, въ низшемъ отдѣленіи, русскую исторію по своимъ запискамъ, а въ высшемъ отдѣленіи церковную исторію по печатному руководству, составленному Иннокентіемъ Пензенскимъ, исправленному и дополненному имъ самимъ. Это былъ нашъ самый любимый профессоръ. Мы съ особеннымъ удовольствіемъ слушали превосходныя лекціи его, особенно, когда онъ съ нами проходилъ эпоху папъ, тогда онъ былъ особенно краснорѣчивъ и увлекателенъ. Въ обоихъ отдѣленіяхъ я пользовался его особеннымъ вниманіемъ и благоволеніемъ, за что питаю къ нему въ душѣ моей живѣйшую признательность. Служа при академіи, Кочетовъ одновременно преподавалъ богословіе въ царскосельскомъ лицеѣ и тамошнія свои лекціи напечаталъ подъ заглавіемъ: „черты дѣятельнаго христіанскаго ученія", за которыя получилъ степень доктора богословія.

Гомилетику намъ читалъ молодой бакалавръ іеромонахъ магистръ Павелъ Марковъ. Не смотря на то, что со студенческой скамьи онъ недавно пересѣлъ на каѳедру преподавателя, тѣмъ не менѣе онъ былъ на своемъ мѣстѣ. Лекціи, имъ составляемыя, были разумны и поучительны и излагались въ строгомъ порядкѣ, ясно и послѣдовательно. На немъ лежала обязанность исправлять составляемыя нами расположенія мыс-

лей для сочиненія по нимъ проповѣдей. Эту обязанность онъ исполнялъ съ строгою критикой. Самонадѣянный и раздражительный товарищъ нашъ Назоровъ, будучи недоволенъ замѣчаніями бакалавра, пришелъ въ его квартиру и началъ съ нимъ спорить, вѣроятно, дерзко; бакалавръ разсердился и разорвалъ его тетрадь. Назоровъ побѣжалъ къ ректору, не говоря ни слова подалъ ему клочки тетради и не вдругъ отъ злости могъ высказать свою жалобу. Ректоръ успокоилъ его, а бакалавру сдѣлалъ замѣчаніе. Продолжу мои воспоминанія о Назоровѣ, чтобы уже болѣе къ нему не возвращаться. Назоровъ по характеру своему былъ чрезвычайно самолюбивъ, самоувѣренъ и, при раздражительности своей, злопамятенъ; при малѣйшей непріятности, полученной имъ отъ товарища, онъ злостно отъ него отоворачивался и долго съ нимъ не говорилъ. Такія нравственныя качества его извѣстны были только намъ, а предъ начальствомъ онъ всегда велъ себя сдержанно, исключая вышеизложенной его выходки противъ бакалавра. Отличныя его способности и успѣхи особенно выдвинули его на окончательномъ испытаніи, послѣ котораго онъ выпущенъ вторымъ магистромъ и назначенъ инспекторомъ и профессоромъ въ какую-то семинарію. Это еще болѣе усилило его самолюбіе. На службѣ онъ повелъ себя гордо и своевольно, надѣлалъ дерзостей мѣстному архіерею и, самовольно оставивъ должность свою, уѣхалъ въ Петербургъ; здѣсь приняли его снисходительно и даже съ участіемъ, оставили при академіи, давъ ему какое-то порученіе, и, можетъ быть, сдѣлали бы бакалавромъ, но онъ и здѣсь долго не удержался; по какому-то капризу, не сказавшись никому, онъ уѣхалъ въ свою родную Кострому, гдѣ, не имѣя никакой службы, сталъ пить и потомъ бродить съ мѣста на мѣсто; претерпѣвая нищету, просилъ денегъ у земляка своего и товарища архіепископа Арсенія, котораго въ академіи часто огорчалъ и даже презиралъ. Чрезъ 15 лѣтъ послѣ моей съ нимъ разлуки онъ написалъ мнѣ письмо, въ которомъ жаловался на несчастную судьбу свою, говоря, что термометръ его жизни дошелъ до точки замерзанія, что съ горя хотѣлъ было поступить въ монахи, чему что-то помѣшало, въ заключеніе просилъ и у меня денегъ.

При одномъ взглядѣ на конвертъ письма, адресованный его рукою, мнѣ вспомнился испугъ, причиненный имъ мнѣ въ академіи. Но какъ я былъ пораженъ, когда дней чрезъ 10, по полученіи письма, онъ самъ лично явился ко мнѣ! Взглянувъ на него, я въ ту же минуту почувствовалъ припадокъ, прежде повторявшійся вслѣдствіе моего испуга. Онъ предсталъ предо мною въ самомъ жалкомъ видѣ, почти въ рубищѣ. Принявъ его, какъ товарища, я сталъ разспрашивать о его несчастіи, а онъ умолялъ меня не любопытствовать и ничего не говорить съ нимъ объ академіи, прибавивъ, что онъ теперь уже не тотъ, чѣмъ былъ прежде. Онъ пришелъ ко мнѣ за тѣмъ, чтобы я посодѣйствовалъ ему въ какомъ-нибудь домѣ сдѣлаться учителемъ дѣтей. На другой день послѣ его прибытія, я снабдилъ его кой-какой одеждою, предлагалъ деньги, но онъ отъ нихъ отказался, вѣроятно, боясь распиться. Я отправилъ его къ одному знакомому помѣщику, къ которому онъ пошелъ пѣшкомъ и у котораго нѣсколько времени училъ дѣтей такъ, что имъ были очень довольны, но распившись, потерялъ и это мѣсто; отсюда Назоровъ куда-то побрелъ, и что съ нимъ потомъ сталось—не извѣстно. Такъ погубилъ самъ себя человѣкъ, щедро надѣленный дарами природы, но несчастный по своему характеру.

Самую большую и существенную пользу въ составленіи нами проповѣдей оказалъ намъ инспекторъ академіи архимандритъ, впослѣдствіи архіепископъ новочеркасскій, докторъ богословія Іоаннъ Доброзраковъ, отличный проповѣдникъ. Онъ обыкновенно вечеромъ призывалъ въ свою квартиру студента, написавшаго проповѣдь, и съ нимъ, иногда до полуночи, занимался ея исправленіемъ, строго критикуя ее по всѣмъ правиламъ герменевтики, логики и словесности, порицая излишнее риторство и фразерство, въ особенности игру размашистой фантазіи, и требуя порядка въ мысляхъ и чистоты языка. Часто окритикованную такимъ образомъ проповѣдь онъ заставлялъ студента вновь передѣлать и представить ему на исправленіе.

Для слушанія лекцій по предмету чтенія священнаго писанія всѣ студенты обоихъ отдѣленій собирались въ одинъ

классъ. Этотъ предметъ со времени поступленія моего въ академію читалъ бакаларъ іеромонахъ Смарагдъ, который впослѣдствіи занималъ архіепископскія каѳедры въ разныхъ епархіяхъ и наконецъ былъ архіепископомъ рязанскимъ. Дѣльными его лекціями мы всѣ были довольны. Разсказывали о его странныхъ, причудливыхъ поступкахъ, когда онъ былъ архипастыремъ, но мы знали его только какъ добраго человѣка и разумнаго преподавателя; намъ не нравилось только его особенное пристрастное отношеніе къ нѣкоторымъ изъ нашихъ товарищей студентовъ. Одному изъ любимыхъ имъ студентовъ IV курса, посредственному по успѣхамъ, онъ написалъ проповѣдь, которая, конечно, была очень хороша и назначена для напечатанія въ опытѣ студенческихъ сочиненій. Товарищи, не любившіе этого студента, отыскали собственноручную рукопись Смарагда и представили ректору Григорію, который тотчасъ велѣлъ взять проповѣдь изъ типографіи, а Смарагду далъ такую головомойку, что онъ нѣсколько времени ходилъ, какъ помѣшанный.

Былъ у насъ еще одинъ бакалавръ, іеромонахъ Игнатій, впослѣдствіи архіепископъ Воронежскій, который по своимъ знаніямъ могъ бы принести студентамъ дѣйствительную пользу, но вмѣсто того онъ только возбудилъ противъ себя ихъ нерасположеніе. Изъ этого вышла цѣлая исторія. Игнатій не получилъ академическаго образованія, окончилъ только курсъ въ архангельской семинаріи и тамъ былъ учителемъ греческаго языка, который онъ зналъ основательно. Когда въ академіи потребовался особый преподаватель греческаго языка въ низшемъ отдѣленіи, то бывшій, прежде Іоанна, инспекторъ Нафанаилъ рекомендовалъ земляка своего Игнатія и онъ былъ вызванъ въ академію преподавать греческій языкъ. Въ скоромъ времени онъ былъ сдѣланъ магистромъ по экзамену въ закрытой конференціи. Затѣмъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Игнатій, какъ магистръ, сдѣланъ бакалавромъ по предмету чтенія священнаго писанія.

Вотъ тутъ-то и открылась вся его непригодность. Когда онъ началъ составлять и читать свои лекціи студентамъ, лекціи были не что иное какъ безпорядочныя выписки изъ тол-

ковниковъ священнаго писанія, изложенныя какимъ-то тарабарскимъ языкомъ, который мы назвали языкомъ Телемахиды. Къ счастію, Игнатій недолго томилъ насъ своими наставленіями; вскорѣ вызванъ былъ изъ московской академіи отличный бакалавръ Азбукинъ, въ которомъ мы имѣли преподавателя, достойнаго всякаго уваженія. Но отъ Игнатія мы все-таки не избавились. Ректоръ Григорій, много занятый своими обязанностями по академіи, по званію викарія и по дѣламъ коммиссіи духовныхъ училищъ, самъ уже не могъ преподавать намъ догматическаго богословія и передалъ свои записки Игнатію, чтобы онъ продолжалъ по нимъ читать намъ лекціи. Ничего не было-бы для насъ непріятнаго, еслибы Игнатій былъ только чтецомъ. Но онъ сталъ пускаться въ объясненія, которыя были для насъ не нужны, многіе изъ насъ лучше его знали догматику; болѣе смѣлые и бойкіе стали дѣлать ему возраженія, которыхъ онъ не въ состояніи былъ опровергнуть, горячился и приходилъ втупикъ. Но среди товарищей нашихъ оказался его горячій защитникъ, студентъ Левицкій, изъ новгородскихъ семинаристовъ, весьма способный и съ крѣпкой головой. Еще въ низшемъ отдѣленіи онъ былъ замѣченъ въ вольномысліи, за что мы и называли его внукомъ Марфы Посадницы. Начальство стало понижать его въ спискахъ. Левицкій сталъ осторожнѣе и, зная, что Игнатій пользуется расположеніемъ Григорія, началъ къ Игнатію подлаживаться и угодилъ ему своею защитою противъ нашихъ возраженій.

Послѣ чтенія догматики намъ положено было слушать каноническое право, которое въ академіи до того времени не преподавалось. Вѣроятно, между бакалаврами не было спеціалиста преподавателя этой науки, Игнатій же не имѣлъ тогда опредѣленнаго занятія, и Григорій поручилъ ему читать намъ каноническое право. Такимъ образомъ Игнатій явился уже самостоятельнымъ между бакалаврами преподавателемъ, яко Саулъ во пророцѣхъ. Опять, только еще съ большею ревностью, сталъ онъ морочить наши головы своими лекціями; лекціи эти наполнены были длинными выписками изъ отцевъ церкви безъ всякаго систематическаго порядка и украшены фразеологіею.

Мы пытались было приводить въ порядокъ эти несвязные отрывки, но такъ какъ изъ нихъ не выходило ничего путнаго, то согласились между собою выучивать Игнатіевскія лекціи слово въ слово, что и нетрудно было сдѣлать намъ, потому что, часто глумясь надъ ними, мы ихъ затверживали. Цѣлью нашего умысла было то, чтобы на ревизорскомъ экзаменѣ показать Филарету нелѣпость лекцій Игнатія. Но прежде нежели пришло время, когда мы могли сдѣлать такую непріятность Игнатію, ему представился удобный случай и онъ имъ воспользовался, чтобы причинить намъ досаду. Между тѣмъ Левицкій болѣе и болѣе приходилъ въ фаворъ у Игнатія, а этотъ рекомендаціями своими поселялъ въ Григоріи лучшее объ немъ мнѣніе. Время приближалось къ окончанію нашего курса; нужно было выбрать изъ студенческихъ сочиненій лучшее для напечатанія въ опытахъ. Григорій въ это время заболѣлъ и не могъ сдѣлать выборъ, а потому поручилъ его Игнатію съ тѣмъ, чтобы онъ выбранное сочиненіе исправилъ. Игнатій не задумался отдать предпочтеніе разсужденію Левицкаго объ Ангелѣ Хранителѣ, тогда какъ были другія сочиненія лучшихъ студентовъ превосходнѣе. Игнатій, исправляя трудъ Левицкаго, совсѣмъ его испортилъ.

Тогда Григорій увидѣлъ свою ошибку и упросилъ инспектора Іоанна какъ нибудь исправить испорченное дѣло. Іоаннъ раздѣлялъ вполнѣ наше негодованіе на Игнатія. Три товарища наши, посвященные въ монашество, обѣдавшіе вмѣстѣ съ инспекторомъ и другими монашествующими бакалаврами, говорили намъ, что за столомъ Іоаннъ часто вступалъ въ богословскіе споры съ Игнатіемъ и, какъ philosophus in utramque partem, сбивалъ его съ толку, то заставляя его согласиться съ своимъ мнѣніемъ, то доказывая несправедливость этого мнѣнія, котораго Игнатій не умѣлъ опровергнуть. Получивъ отъ Григорія сочиненіе Левицкаго для исправленія, онъ разсердился на Игнатія и спрашивалъ его: зачѣмъ онъ взялся не за свое дѣло, котораго совсѣмъ не разумѣетъ? Игнатій въ защиту свою только очвѣчалъ ему: „вскую совѣсть моя судится отъ иныя совѣсти.“ За всѣмъ тѣмъ Іоаннъ поправилъ разсужденіе Левицкаго

и оно было напечатано и читано самимъ Левицкимъ на публичномъ экзаменѣ предъ многочисленною публикою, что пріобрѣло ему карьеру. Но этою карьерою Левицкій воспользовался не къ добру. По окончаніи курса со степенью магистра, онъ былъ назначенъ инспекторомъ и профессоромъ философіи въ Орловскую Семинарію; тамъ вскорѣ предался пьянству, распоилъ пріѣхавшаго съ нимъ туда учителемъ товарища своего Вязнина и въ бѣлой отъ пьянства горячкѣ зажегъ Семинарскій домъ, а себя зарѣзалъ. Видно, несчастный не подумалъ объ ангелѣ хранителѣ, о которомъ написалъ разсужденіе въ академіи. Но обращусь послѣ этого непріятнаго эпизода къ воспоминаніямъ о нашемъ окончательномъ экзаменѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письма Г. Ф. Квитки къ А. А. Краевскому.

Въ августовской книжкѣ нашего журнала было высказано нами желаніе, чтобы поступившія въ 1889 г. въ собственность Императорской Публичной Библіотеки 14 писемъ Григ. Федор. Квитки къ А. А. Краевскому были опубликованы, какъ имѣющія значеніе біографическое и историко-литературное. Въ отвѣтъ на это наше желаніе, мы получили отъ директора Императорской Публичной Библіотеки, Аѳанасія Ѳедоровича Бычкова, копіи этихъ 14 писемъ съ любезно предоставленнымъ намъ правомъ помѣстить ихъ на страницахъ „Кіевской Старины", за что считаемъ долгомъ своимъ принести ему сердечную нашу благодарность.

Письма эти, писанныя въ промежутокъ времени между 21-мъ октября 1839 г. и 13 іюня 1843 года, представляютъ интересъ, какъ увидятъ читатели, не только потому, что ими кое-что дополняется и освѣщается въ жизни и дѣятельности самого Г. Ф. Квитки, но еще болѣе потому, что въ нихъ затрогиваются многія стороны въ издательствѣ „Отечественныхъ Записокъ" А. А. Краевскаго, равно какъ и вообще въ жизни русской журналистики и разныхъ литературныхъ партій съ ихъ направленіями. Оставляя пока въ сторонѣ заботу о всевозможныхъ выводахъ и обобщеніяхъ изъ этихъ писемъ, что можетъ составить предметъ особой статьи,—мы ограничимся теперь опубликованіемъ этого матеріала, очень интереснаго и безъ комментаріевъ, и только снабжаемъ его ближайшими библіографическими справками.

1.

Милостивый Государь Андрей Александровичъ! Благодарю васъ за все лестное, изложенное въ письмѣ, коимъ вы почтили меня. Отзывомъ своимъ вы предупредили меня, чего мнѣ не хотѣлось, и я все собирался благодарить васъ за всѣ ваши труды и за доставляемое намъ удовольствіе; но на сборахъ и сѣлъ, а вы меня и предупредили. Какъ понялъ сначала и какъ нашелъ вашъ журналъ, подробно излагалъ въ письмѣ когда то къ Евгенію Павловичу [1]). И теперь чѣмъ далѣе идетъ дѣло, тѣмъ болѣе вижу, что вы ни на шагъ отъ цѣли своей. Да укрѣпитъ васъ Богъ! „слѣдуя достигнешъ“, а благодарности вамъ отъ такого рода людей, отъ коихъ вы ожидаете ее—навсегда останется. Жалкіе писки нетопырей, прозирающіе отблескъ свѣта и отъ того предвидящіе, что уродливость ихъ обнаружится, конечно должны усиливаться, въ надеждѣ, что они могутъ заглушить проявляющійся свѣтъ. Жалки они, но несносны своимъ пискомъ и (тѣмъ) болѣе, что ожидаешь услышать среди тишины—ну хоть чириканіе воробушка, какъ вдругъ слухъ поражается кваканіемъ лягушекъ, карканіемъ воронъ, старающихся увѣрить, что они то и есть соловьи и канарейки; силятся заглушить визгомъ, пискомъ, кваканіемъ настоящихъ пѣвчихъ птицъ, коихъ слушалъ бы съ удовольствіемъ. Несносно! Вы скажете, „пускай себѣ визжатъ, они не заглушатъ пѣнія“. Такъ точно, но каково слушателямъ, коихъ уши страдаютъ? Благая цѣль ваша авось либо загонитъ ихъ въ болото. Общее желаніе.

Благодарю за устроеніе моихъ счетовъ. Бывъ въ другихъ обстоятельствахъ, мои условія были бы другаго рода.

Я пишу всегда прямо и черноваго нѣтъ у меня, я его высылаю, какъ вы и видите изъ моихъ тетрадокъ; рѣдко перечитываю. „Головатаго“ [2]) не имѣлъ времени пересмотрѣть и потому боюсь, чтобы въ именахъ не надѣлалъ путаницы. Въ статьѣ другаго рода оно бы ничего, а тутъ жаль мнѣ будетъ самому

---

[1]) Гребенкѣ.

[2]) Головатый (матеріалъ для исторіи Малороссіи). Историческая монографія напечатанная въ Отечеств. Зап. 1839 г. т. 6.

на себя. Узнавъ, что статья поступила къ вамъ, я тотъ же часъ писалъ къ Евгенію Павловичу, прося его провѣрить имена, но, кажется, опоздалъ. Если съ сей стороны что мною наврано, потрудитесь, гдѣ при случаѣ, оговорить. Желая изобличить кривыя сужденія, я со всею готовностью, доставлялъ бы вамъ статьи, но все то, что во время досуговъ написалось, все то отправилъ на дружеское, безпристрастное разсмотрѣніе и обсужденіе. Теперь, увлекаемый одобрительными отзывами вашими и другихъ, пишу Халявскаго [1]), всю жизнь или эпохи жизни его сравниваю съ теперешними обычаями. Но за всѣмъ тѣмъ, буду урывать время, написать что и особенное для вашего журнала по желанію вашему. Не однимъ исполненіемъ обязанности своей, гг. сотрудники ваши должны заграждать уста дерзко квакающихъ на нихъ, но пора бы всѣмъ имъ (или значительному числу и полновѣснымъ изъ нихъ) шикнуть на нихъ серьезно, какъ на шалостливыхъ уличныхъ ребятишекъ, авось-либо унялись-бы? Дерзость выше мѣры, затрогивать такъ людей съ именемъ, съ извѣстностію, съ славою, и кому же? По крайней мѣрѣ я такъ понимаю это дѣло и полагаю, что грубая дерзость ихъ требуетъ уже наконецъ ускромленія. Я не читаю ихъ выходокъ равнодушно; сильное негодованіе овладѣваетъ мною за всѣхъ, кого они смѣютъ затрогивать—и все жду имъ урока, жду тщетно, къ прискорбію! В. А. Владиславлевъ просилъ у меня статьи именно для Лит. прибавленій. Я предназначалъ туда: „Вотъ тебѣ и кладъ [2]), потому что г. Луганскій въ первомъ № прибавленій помѣстилъ сказку о кладѣ, разсказываемую у нихъ и сходную съ разсказомъ Основьяненка. Я полагалъ, что въ тѣхъ же листахъ прилично было бы и мой разсказъ, на который онъ ссылался, помѣстить; но это совершенно остается въ вашей волѣ, гдѣ угодно будетъ вамъ его помѣстить. Пріймите повтореніе увѣренія о большой къ вамъ благодарности за полезные

[1]) Панъ Халявскій. Романъ въ 2 хъ томахъ; напечатанъ въ Отечеств. Зап. 1839 г. т. 4-й только 1-й томъ, а 2-й вошелъ въ отдѣльное изданіе, вышедшее въ 1840 г.

[2]) Малорусскій подлинникъ напечатанъ въ собраніи повѣстей (1834—37 гг.), а русскій переводъ—въ Литературной Газетѣ 1839 г.

труды ваши и увѣренія, что я всегда и всѣмъ готовъ содѣйствовать имъ и что ни въ какомъ случаѣ не уклоняюсь отъ обязанности моей, высылая, по мѣрѣ возможности, что напишется и будетъ годно для такого журнала. Вѣрьте также и душевному уваженію, питаемому къ вамъ съ душевной преданностію покорнѣйшаго вашего слуги Григорія Квитки.

21 октября 1839. Харьковъ.

Г-нъ Гамазовъ усладилъ меня бесѣдою въ теченіе только нѣсколькихъ часовъ, сообщая мнѣ, что у васъ въ Петербургѣ подѣлывается *по нашей* части. Онъ поручилъ мнѣ передать вамъ его поклонъ, но я долго времени продержалъ его. Изъ Одессы располагалъ писать къ вамъ, а здѣсь не успѣвалъ.

2.

Милостивый государь Андрей Александровичъ! Съ сею почтою получилъ я письмо отъ П. А. Плетнева; къ величайшему удивленію моему, онъ пишетъ, что не имѣетъ еще отъ васъ денегъ, слѣдовавшихъ мнѣ. Это меня много разстроиваетъ. Убѣдительнѣйше прошу успокоить меня съ сей стороны. Затѣмъ если угодно вамъ помѣщать мои статьи въ журналахъ вашихъ, скажите со всею откровенностію, съ какою я и мыслю объ васъ и отношусь къ вамъ: какую цѣну вы полагаете за мои піески? Отъ листа-ли это печатнаго будетъ, или отъ *штуки*; что мнѣ кажется не удобно: однимъ словомъ, скажите рѣшительно и я доставлю вамъ что нибудь, чѣмъ, быть можетъ, понравимся читателямъ вашимъ. Двѣ, три готовы. И для какого именно журнала? Прямоты, чистосердечія, искренности и добраго расположенія вашего проситъ уважающій васъ и благодарный за труды ваши Григ. Квитка.

Если не въ тягость вамъ передать Евгенію Павловичу мой поклонъ. Молчаніе его поселяетъ мысль, не въ Малороссію-ли укатилъ? Да не забудетъ-же Основьяненка. Борщъ, вишневка, вареники и панночки—всѣ прелести наши—ожидаютъ его.

28 февраля. 40. Харьковъ.

3.

Милостивый государь Андрей Александровичъ! За разлитіемъ водъ и безпутицею, письмо ваше отъ 17 марта получилъ

я только 31-го и скорблю, что отвѣтъ мой замедлится. Все повѣренное вами принялъ съ искреннимъ участіемъ, душею болѣзнуя читалъ и скрою его навсегда отъ всѣхъ и каждаго. Горько положеніе ваше! Неумѣстны будутъ всѣ мои „зачѣмъ“... коими, платя за откравенность вашу, имѣлъ бы право осыпать васъ—и потому лучше молчать о томъ, что случилось, и болѣе потому, что нечѣмъ исправить. Самое полновѣсное изъ всѣхъ „зачѣмъ“ было бы „зачѣмъ довѣрять подпискамъ безъ существеннаго? Но о всѣхъ судитъ каждый по себѣ... и не допускаетъ никакой недовѣрчивости, не постигая о возможности уклониться отъ слова. Конечно, тяжелъ вамъ этотъ годъ, но какъ високосный, какъ 40-й унесетъ съ собою все непріятное навсегда! Да успокоитъ васъ Богъ и да подкрѣпитъ силы ваши пройти бодро чрезъ всѣ непріятности! Трудно, тяжело вамъ! Вижу васъ, слышу что вы, въ горькіе часы, думаете. Положеніе ваше очень знакомо. И на мнѣ лежала обязанность устроить и вести публичное заведеніе, съ шумомъ и блескомъ основанное обществомъ, члены коего на другой день забыли обѣщаніе платить деньги, а между тѣмъ не оставляли наблюдать за ходомъ дѣла. Все ваше мнѣ знакомо; а потому если не удивляюсь, какъ у васъ постоянно идутъ занятія, такъ скорблю, что, не смотря на состояніе духа и души, вы не можете, хотя на короткое время, оставить, отстранить ихъ и отдохнувъ, поразмысливъ, запастись новыми силами. А что было бы, еслибъ этотъ духъ и эта душа шли на распашку, не стѣсняемые посторонностями и еще горькими?.. Хорошо еслибъ начальствующіе взялись предложить подписку по своимъ мѣстамъ, все было бы хоть что нибудь, но незначительное; вижу здѣсь на мѣстѣ, какъ это все идетъ и къ сожалѣнію кредитъ къ подпискамъ (хотя бы и по такой формѣ) портится всеусерднѣйше, благодаря нѣкоторымъ продолжающимъ усиливать недовѣренность. Почти ни о чемъ уже предлагать не можно. Но попробуйте. Не можно-ли еще прибѣгнуть къ испрошенію помощи свыше, на поддержку, на основаніе, на что знаете и какъ знаете. Лишь бы помогли вамъ вытти изъ теперешняго непріятнаго положенія.—Удивительное дѣло, какъ другимъ сходитъ все съ рукъ! Не далѣе

какъ въ 4-й кн. Сынъ От., сегодня здѣсь полученной, читаю выходку противъ неисправнаго издателя Библ. ром.—и кто же шумитъ? Полевой, грѣшный за исторію, Телеграфъ и, свѣжо, за прошлогодній Сынъ Отеч. и проч. и проч. и проч. кругомъ *обмаравшійся*. Мѣдный лобъ! Я не торгашъ писаньями, что вы могли замѣтить по Халявскому и Головатому. Кромѣ перваго, о второмъ слышу самые лестные отзывы, получаю безъименныя письма изъ Петерб.; говорятъ, что Головатый перлъ журнала и проч., между нами говоря; и я за эти статьи не придерживался постановленныхъ цѣнъ, а безъ всякаго разсчета бывъ обязанъ заплатить 700 р. тамъ на мѣстѣ,—почитая что это не будетъ для васъ обременительно, просилъ уплатить. Надѣясь на очищеніе того долга, я вошелъ въ новые счеты; а когда уже и новаго перешло гораздо, тогда узнаю, что еще и старое лежитъ на мнѣ... Съ тою же откровенностію скажу, что это меня, ну, поставило въ непріятное положеніе въ моихъ отношеніяхъ къ человѣку, съ которымъ до того шло все чисто. Вотъ почему, все мое у него и я не имѣю права располагать уже ничѣмъ. Не для меня, а сякъ-такъ очищу свои счеты съ П. А. Плетневымъ, но для полученія статьи въ журналъ, если бы вы могли ему уплатить, тогда бы все пошло чисто и гладко. Теперь могу-ли я потребовать отъ него какой статьи для васъ, когда онъ ни отъ васъ, ни отъ меня (чего я никакъ не могу сдѣлать) не получитъ уплаты и въ правѣ заключить обо мнѣ, что на мысль придетъ. Согласитесь, что предположеніе мое справедливо и даже въ такомъ случаѣ, когда бы я выслалъ прямо къ вамъ статью. Согласившись на это, видите-ли, въ какомъ я стѣснительномъ положеніи по пламенному желанію содѣйствовать вашему прекрасному, благородному, полезнѣйшему дѣлу!—Въ новыхъ счетахъ у насъ пошло бы чище и глаже. Наприм., можетъ для васъ не такъ тягостно будетъ, современемъ уже, уплачивать мнѣ высылкою періодическихъ изданій на 1841 годъ, книгъ достойныхъ, портретовъ и тому под.? Можетъ у васъ идетъ это обмѣномъ или другимъ неотяготительнымъ счетомъ? О чемъ прошу при случаѣ, чтобъ было заблаговременно, сказать мнѣ откровенно. Не знаю, какъ при-

няты *Украинскіе дипломаты* [1]), но эту статью предполагалъ для васъ; теперь припасаю въ родѣ такомъ же, авось кончится между нами эта непріятность, связавшая меня совершенно въ отношеніи къ Отеч. Записк., всѣми единогласно признаннымъ за журналъ полезнѣйшій, благородный, умный, дѣлающій честь времени—и какому? Искренно желаю, всѣми способами, только возможными для меня, содѣйствовать такой единственой цѣли. Пусть и моя лепта послужила къ составленію богатаго капитала на будущее время; и моя песчинка вошла въ составъ огромной колонны, и теперь постыжающей дѣтскія кучки, и чуть ли еще не навозныя... Благое намѣреніе всегда вѣнчается успѣхомъ. Я на себѣ испыталъ и вижу мое дитя въ блескѣ, въ извѣстности, хотя оно при проходѣ моемъ, не протягиваетъ ко мнѣ руки, не улыбается даже, но я имъ въ себѣ тѣшусь, горжусь... такъ и вы будете вознаграждены и утѣшены. Только мужайтесь, бодрствуйте. Искренно желаетъ вамъ и твердости, и самой скорой перемѣны на самое лучшее уважающій васъ, благодарный и не лестно преданнѣйшій Григорій Квитка.

3 апрѣля 40. Основа.

4.

16 октября 40. Основа.

Милостивый государь Андрей Александровичъ! Страховое ваше письмо я получилъ не такъ скоро, какъ бы слѣдовало, по причинѣ формъ. Благодарю васъ, что вы не измѣнили ко мнѣ добраго своего расположенія. Письмо ваше точно не дошло ко мнѣ, къ моему сожалѣнію. Это и не новость при здѣшнихъ порядкахъ. Благодарю васъ за успокоеніе меня въ счетахъ моихъ съ П. А. Плетневымъ. Теперь я почитаю это дѣло рѣшеннымъ, которое и должно поступить въ архивъ. О новомъ препорученіи вами мнѣ сдѣланномъ, т. е. о написаніи чего-либо въ Отеч. Записки, не знаю какъ быть. Оконченнаго нѣтъ ничего а написать не знаю какъ удосужусь. У насъ были выборы, слѣд. было много заботъ и частые выѣзды, при чемъ я простудился и до сего времени не приду въ силы. Когда соберусь со всѣми

[1]) Повѣсть, напечатан. въ Современникѣ 1840 г. № 18-й.

силами, приступлю дописывать вамъ повѣсть. О чемъ тотъ-же день васъ извѣщу и буду просить о высылкѣ газетъ и журналовъ, разсчитывая, что повѣсть—чонка (sic) будетъ объемиста. Она будетъ въ особомъ родѣ. Халявскаго-же не могъ вамъ передать, потому что онъ уже выходитъ цѣлый, какъ видно по объявленіямъ. Попадется на зубки ваши, пощадите его по сердечушку! Позабочусь, чтобы и для вашего журнала написалось бы что интересное, да пора и забастовать. При выборахъ на меня пала должность предсѣдателя уголовной палаты. Тутъ уже не до повѣстей. Писалъ бы, какъ и хотѣлъ больше, но рука не служитъ. Слабъ еще. Все-таки подтверждаю: какъ расположуся, немедленно извѣщу васъ. Не откажите только въ высылкѣ изданій по запискѣ, которую пришлю. А что статья удовлетворитъ васъ въ объемѣ и можетъ быть въ чемъ другомъ, въ томъ надѣюсь.

Будьте одинаковы къ искренно преданнѣйшему Григор. Квиткѣ.

Къ доброму Е. П. Гребенкѣ, уже было и перо взялъ, чтобъ писать, но не здужаю. Съ нетерпѣніемъ жду его Альманаха.—Пусть потрудится спытать Ѳ. А. Кони: „А що добродію! Чи не забули вы що е на свитѣ Основьяненко, може бъ дали яку звистку?“ Буду писать къ Евг. Павл. особо, укрѣпляся въ силахъ.

5.

Милостивый государь Андрей Александровичъ! Прочитавъ въ VI кн. Отеч. Записокъ выходки противъ меня, долженъ былъ бы печатно отвѣчать, но найдя въ ней же возраженія противъ написаннаго, улыбнулся и отложилъ, подумавъ, что вы, конечно, не перечитывали всего наполнившаго эту книжку. Въ одной статьѣ (говоря о Ластовкѣ) кричатъ объ открытіи моего настоящаго имени. Оно и не было секретомъ и неоднократно было напечатано; при томъ же это у насъ вообще: коренное прозваніе—одно и рѣдко употребляемое, а другое, данное по отцу, мѣсту жительства или по какому случаю, то остается его собствен. Начавши писать Малорос. повѣсти, все требовало подписать приданное прозваніе, а не собственное, которое противно

нашимъ обычаямъ и многому. Оно употребляется только въ актахъ. Ну, оно бы и ничего, но прочитавши въ той же кн. въ смѣси о *Перепемскомъ* (?) [1]), послѣднія слова, я покраснѣлъ и уже не придумалъ сильнѣе что отвѣчать.

2-е) Пеняя зачѣмъ пишутъ по малорос. и выставляютъ мужиковъ (это въ разборѣ тоже Ластовки), въ другомъ мѣстѣ при разборѣ соч. Жоржъ-Занда хвалятъ ее, что она не избираетъ состояній, а отыскиваетъ человѣка и описываетъ его и проч. Все это прочитавши, согласитесь, мнѣ нечего было возражать; но при всемъ этомъ мнѣ стало жаль, что вы не имѣете досуга перечитывать мелкихъ статей въ вашихъ книжкахъ. На томъ дѣло у меня по этимъ предметамъ и кончилось. Поговоримъ о другомъ. Что бы намъ уже покончить старые счеты, одолжите меня высылкою книгъ по приложенной запискѣ. Тѣмъ смѣлѣе прошу васъ объ этомъ, видя изъ письма вашего, что вы брались удовлетворить меня такого рода предметами. Пересылка книгъ чрезъ почту будетъ не удобна и отяготительна для васъ. Можно отправить чрезъ *контору транспортовъ*, отъ коей исправно все доставляется сюда. Нужно только выслать на мое имя квитанцію конторы, по коей здѣсь выдадутъ мнѣ посылку. Въ сокращеніе переписки по этому предмету скажу вамъ, что г. Плетневъ писалъ ко мнѣ, что денегъ отъ васъ не получилъ. Будьте здоровы. Подвизайтесь на общую пользу. Съ удовольствіемъ слышу, что Отеч. Записк. имѣютъ все больше и больше подписчиковъ. Онѣ того стоятъ.

Преданный вамъ Григорій Квитка.

11 іюля 41. Основа.

Комедія Шельменко-деньщикъ цензурована 1838 года, что ясно видно на книжкѣ, а повѣсть въ 1840-мъ. Слѣд. изъ комедіи сдѣлана повѣсть, а не комедія изъ повѣсти. Опять ошибочное замѣчаніе въ От. Зап. [2]).

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Вѣроятно, слово не разобрано при перепискѣ; не идетъ-ли тутъ рѣчь о повѣсти Квитки „*Перекотиполе*?“

[2]) Идетъ рѣчь о повѣсти „Украинскіе дипломаты“, которую считали первотворомъ для комедіи „Шельменко денщикъ“ (см. соч. Гр. Данилевскаго „Основьяненко“, стр, 124).

Мусинъ-Пушкинскій Сборникъ 1414 г., какъ источникъ для изученія Слова о полку Игоревѣ.

Недавно изданный Вс. Срезневскимъ Мусинъ-Пушкинскій сборникъ 1414 г. въ исправной копіи начала XIX в. (прилож. къ LXXII т. Зап. Имп. Ак. Н.) даетъ намъ поводъ сдѣлать нѣсколько отрывочныхъ замѣчаній относительно характеристическихъ особенностей творческихъ пріемовъ и языка включенныхъ въ него произведеній, постольку, поскольку это можетъ имѣть связь съ поэтическимъ складомъ, символикой и формами Слова о полку Игоревѣ.

Параллельное ему изученіе сборниковъ, подобныхъ Мусинъ-Пушкинскому, крайне необходимо уже потому, что они пользовались громадною популярностью въ древней Руси, преимущественно у лицъ „преизлиха насыщьшемъся сладости книжныя“ (Сб. стр. 36), отличались выдающимися достоинствами и появились, въ начальной редакціи, ранѣе Слова, а потому, естественно, должны были оказать на него большее вліяніе [1]).

Сборникъ Мусинъ-Пушкинскій заключаетъ въ себѣ матеріалъ для сравненія особенно драгоцѣнный, ибо въ основу его легли капитальныя творенія митрополита Иларіона и мниха Іакова, опередившихъ на цѣлое столѣтіе автора Слова о полку Игоревѣ.

Въ составъ Мусинъ-Пушкинскаго Сборника, переписаннаго съ древнѣйшаго списка Матвѣемъ Кусовымъ для Новгородской

[1]) Еще большую долю вліянія внесли они въ наши лѣтописи. Напр., описывая построеніе новой церкви св. Богородицы во Владимірѣ-Волынскомъ Мстиславомъ Даниловичемъ, лѣтописецъ повторяетъ буквально слова Иларіона (Ипат. изд. 1871 г., стр. 606).

Софіи въ 1414 г., вошли: 1) „Похвала князю рускому Володимиру", соч. Іаковомъ мнихомъ, съ прибавленіемъ похвалы св. Ольгѣ и молитвы князя Владиміра; 2) Слово Иларіона о второмъ законѣ, и о благодати и истинѣ, съ добавленіемъ Слова о Христѣ и Адамѣ, и др.; 3) Церковныя пѣснопѣнія: Тропарь св. Владиміру, „Канонъ св. Кюрика и Улиты матере его" и пр. 4) „ Житие блаженнаго Володимера"; 5) „Мученіе св. Курика и матери его Оулиты".

Мы не намѣрены входить въ подробное разсмотрѣніе состава изданнаго Вс. Срезневскимъ сборника, содержащаго статьи, которыя составитель его счелъ умѣстнымъ пріурочить къ 15 іюля; для насъ важны запечатлѣнные въ немъ древне-русскіе литературные обычаи, равно какъ отдѣльные обороты, выраженія и слова.

Въ древне-русской литературѣ ярко отражаются впечатлѣнія, производимыя разнообразными явленіями природы; но ни одно изъ этихъ явленій не оставило въ ней такого глубокаго слѣда, какъ „Солнцю-свѣтъ", т. е. солнечный свѣтъ.

...„Игорю оутрѣпѣ [1]) *Солнцю свѣтъ*". Сынъ Божій „яко же солнцю свѣтъ сиидѣ на землю",—говорится въ Словѣ о Христѣ и Адамѣ (стр. 43). Героическая тема Слова о полку Игоревѣ—одушевленная борьба тьмы со свѣтомъ; представители солнечной стихіи—князья русскіе, представители мрака—князя половецкіе. Святозарное начало, воплощаясь въ князьяхъ русскихъ, даетъ имъ божественныя свойства, перешедшія по наслѣдству отъ краснаго солнышка Владиміра Святого. Этой солнечной натурой одаренъ былъ и главный герой похода на половцевъ Игорь Святославичъ, „внукъ великаго Трояна". Тѣсное общеніе Игоря съ солнцемъ видно, между прочимъ, и изъ приведеннаго стиха [2])—Когда солнце затмилось на небѣ, бросивъ зловѣщую тѣнь на дружины сѣверскаго князя, то тотчасъ-же воспрянулъ дьяволъ (дивъ) и поднялъ кличъ, созывая полчища своихъ исчадій—бѣсовъ, которые въ образѣ половцевъ бросились Игорю на встрѣчу со всѣхъ концовъ

---

[1]) Ср. „Возложи *оторонъ* на Адама и у спячего выня ребро". (Сб. стр. 34).

[2]) Въ другихъ стихахъ Игорь прямо уподобляется солнцу.

обширной половецкой земли. Авторъ поэтической повѣсти переноситъ на дѣйствующихъ въ ней лицъ задолго уже до него сложившееся на Руси и развившееся въ миѳологическую теорію представленіе о свойствахъ солнца, какъ силы благотворной, живительной, созидающей и господствующей надъ міромъ, первенствующей по степени своей власти. Образуя зерно языческаго культа, оно, при насажденіи въ Руси христіанской вѣры, пустило новые ростки, приняло библейскую окраску, но въ корнѣ осталось незыблемымъ. Такъ какъ и мниху Іакову, и Иларіону, и инымъ писателямъ, учителямъ и проповѣдникамъ приходилось вести упорную борьбу съ милліонами „невѣгласовъ“,—„страхомъ повелѣвшаго крестившихся“ (Сб. стр. 61), то весьма понятно, что, при сочиненіи своихъ похвальныхъ словъ, назидательныхъ проповѣдей, тропарей и каноновъ, они, силою обстоятельствъ, вынуждены были примѣняться къ уровню умственнаго развитія народныхъ массъ, къ ихъ міровоззрѣнію и вообще внутреннимъ условіямъ быта, чтобы облегчить воспринятіе ими христіанскихъ истинъ, а потому рѣчь свою уснащали уподобленіями, примиряющими, съ богословской точки зрѣнія, древне-русскія миѳологическія идеи съ христіанскою моралью [1]). Одинаковая черта проглядываетъ въ словахъ Кирилла Туровскаго и позднѣйшихъ проповѣдниковъ, также какъ и въ благочестивыхъ разглагольствованіяхъ нашихъ лѣтописцевъ.

Наиболѣе благопріятную сферу для превращенія языческихъ вѣрованій въ христіанскія представляли восходъ и закатъ солнца и производимыя ими измѣненія свѣтовыхъ волнъ, начиная отъ появленія ранней зари до полнаго сгущенія ночнаго мрака. „*Солнцю* восіявшю,—тако и законъ благодати явльшися и студеньство нощное погибе, *солнцьи* теплотѣ землю согрѣвшю“

---

[1]) По словамъ А. С. Петрушевича, праздникомъ Рождества Христова греческая церковь нарочно покрыла языческій праздникъ Солнца (diem natalem invicti Solis), падающій на 25 декабря, и потому Христа называетъ Солнцемъ правды въ тропарѣ, сочиненномъ на праздникъ Рождества.—Карачунъ-Крокъ, 1876, стр. 11, 33. Статья о Карачунѣ перепечатана въ Литературномъ Сборникѣ 1887 г., стр. 82—199.

(стр. 40). „Владиміръ, служившій прежде дьяволу и бѣсомъ, отвержеся дьявола и бѣсовъ и всея службы его“ (стр. 27, 31), приде отъ *тмы* дьявола на *свѣтъ*... всю землю русскую исторже изъ устъ дьяволь и къ Богу приведе и къ *свѣту* истеньному... Нача *мракъ* идолскі и отъ насъ отходити и *заря* благовѣрья явися, тогда *тма* бѣсослуженія погибе и *солнце* еоуангельское землю нашю осиа“... „Отъ *тмы* къ *свѣту* приближающеся“... „*Темна* бѣху дѣла ихъ, не възлюбиша *свѣтъ*“ (стр. 51). Царство небесное противополагается *тьмѣ* кромешной (стр. 53).

Въ Мусинъ-Пушкинскомъ сборникѣ Владиміру язычнику приписываются усвоенныя имъ отъ дьявола звѣрскія, скотскія склонности: „*акы звѣрь* бяхъ, много зла творяхъ и живяхъ акы скотина“. Въ Словѣ о полку Игоревѣ духъ тьмы дивъ—дьяволъ является также источникамъ зла (обиды, охватившей русскую землю) съ звѣрскими качествами, присущими и бѣсовымъ дѣтямъ, кощеямъ (кощунникамъ), деремемъ (дерьму), хиновѣ [1])—половцамъ. Поднятый дивомъ „свистъ *звѣринъ*“ (т. е. звѣрскій) послужилъ сигналомъ для ихъ соединенія. Просвѣтивъ крещеніемъ и себя и русскую землю, Владиміръ святой сталъ на высоту недосягаемую,—и вотъ сочинитель Слова о Христѣ и Адамѣ обращается къ „внуку Игореву и Ольгину съ такимъ вопросомъ: „Не видѣвъ еси Христа, не ходилъ еси по немь, како *оунукъ* его обрѣтеся“?! Въ житіи Владиміра, правнука Рюрикова“ (стр. 74), останавливаетъ наше вниманіе слѣдующее моленіе, хотя по. формѣ далеко не исключительное, но потому, что посвящено первому христіанскому князю:—„*Дажь*, Господи по сердцю твоему и вся прошенія твоя исполни, *дажь* ти, Господи, вѣнечъ съ праведными“. Коль скоро Ярославна величала солнце *тресвѣтлымъ*, къ имени Владиміра св. присоединяется въ сборникѣ эпитетъ „треблаженный: „О, блаженный и *треблаженный* княже Володиміре!“—*Треблаженный* отецъ и учитель“. (стр. 21, 68),—то несомнѣнно, что *Дажьбожій внукъ*, в. кн. Всеволодъ Яро-

[1]) „Cumani dicti vulgariter *Cunove*“ .(Rocznik Miechowski, подъ 1300 г.) У Тимора Cumani—Curii. Если чтеніе правильно, то получило бы еще большій, вѣсъ двусмысленное выраженіе: „Дорыскаше (Веселовъ) до *куръ* Тмутороканя“.

славичъ, и его сынъ *Троянъ* Слова о полку Игоревѣ, выступающіе на ряду съ великимъ Хорсомъ Изяславомъ Ярославичемъ и Ярославомъ Осмомысломъ Галицкимъ, метавшимъ подобно Перуну, громозди чрезъ облака и грозы по землямъ, сидѣвшему *высоко* на златокованномъ столѣ, какъ и славнодержавный Володимеръ, уподобывыйся купчю, ищющю добраго бисера, *на высотѣ* стола сѣдя матере градовомъ богоспасеннаго Киева" (стр. 68, 69), суть миѳологическіе потомки оунука Христова,—„подобника Христа" (стр. 67), краснаго солнышка русскихъ былинъ—Владиміра Святославича, отожествленнаго, по моему мнѣнію, съ Дажьбогомъ въ повѣсти объ Игоревомъ походѣ. Правда, Владиміръ св. въ другихъ древнерусскихъ памятникахъ не называется прямо Дажьбогомъ, но, по свидѣтельству лѣтописца Малалы, приведенному въ Ипатской лѣтописи, „Солнце наричаютъ Дажьбогъ... Солнце—царь, сынъ Свароговъ, еже есть Дажьбогъ, бѣ бо мужъ силенъ" (стр. 200), а въ былинахъ и Мусинъ-Пушкинскомъ сборникѣ качества Владиміра, какъ *подателя* благъ, откуда, вѣроятно, и происходитъ слово Дажьбогъ, приравниваются къ солнечнымъ:—„Болѣ же всего бяше милостыню творя... *всяку потребу даяше*... Блаженный князь Володимиръ имяше сокровище свое на небесѣхъ, съкрывъ милостынею и добрыми своими дѣлы... милости гнѣздо... Кто исповѣсть многыя твои нощныя милостыня и дивныя щедроты.... Бѣ велми милостивъ, многи створи добродѣтели" (стр. 28, 31, 62, 77). Воинскія доблести Владиміра св., побѣдителя радимичей, вятичей, ятвяговъ, серебряныхъ болгаръ, козаръ и печенѣговъ, отодвигаются былинными пѣвцами и книжниками на второй планъ, тогда какъ славные походы Дажьбожьяго правнука, Владиміра Мономаха, составляютъ главное содержаніе народныхъ о немъ преданій, его собственнаго поученія и лѣтописныхъ разсказовъ о его княженіи. „Его же слухъ произиде по всимъ странамъ, наипаче же бѣ страшенъ поганымъ". Отъ него, какъ отъ солнца, падали лучи на русскую землю:—„акы солнце луча пущая" (Ип. 208). Принося преславному *кагану* Владиміру св. „похвалныя вѣнча", витіи восхищались не столько его ролью собирателя, устроителя и охранителя русской земли,

сколько ролью ея *просвитптеля*, ихъ умъ поражали не столько успѣхи его на поприщѣ ратномъ, сколько успѣхи въ борьбѣ, направленной противъ идолопоклонства, съ того момента, когда къ нему „припахне воня св. Духа", когда онъ, войдя въ св. купѣль, „отрясъ слѣпоту душевную вкупѣ и телесную" (стр. 69) и когда удалось ему „попрать языческіе куміры Перуна, Хороса и ины многы". Завязкою всѣхъ похвальныхъ вѣнцовъ, какіе свивались Владиміру св., представляются въ Мусинъ-Пушкинскомъ сборникѣ дѣянія „великаго Костянтина",—слава же Игоря Святославича сплетается со славою *стараго*) Владиміра Мономаха, прозваннаго Трояномъ, именемъ языческаго божества, поклоненіе которому повидимому очень было распространено въ русскомъ народѣ въ XI и XII вѣкахъ.

„Того стараго Владиміра нелзѣ бѣ *пригвоздити* къ горамъ Кыевскимъ". Въ этомъ превосходномъ стихѣ величавый образъ неутомимаго подвижника, „добраго *страдальца* за русскую землю", по выраженію лѣтописи, возникнетъ передъ нами съ такими божественными свойствами, какими только и могла одарить его простодушная полуязыческая фантазія благодарнаго народа въ воздаяніе за *спасеніе* отечества отъ разоренія, вслѣдствіе внутреннихъ княжескихъ смутъ, и отъ полнаго порабощенія погаными половцами. Страданія Мономаха отъ гула княжескихъ крамолъ выражены въ стихахъ:

„Сынъ Всеволожь Владиміръ
По вся утра уши закладаше въ Черниговѣ" [1]).

Глаголъ „пригвоздити" пѣвецъ, кажется мнѣ, заимствовалъ изъ церковныхъ тропарей, гдѣ онъ встрѣчается весьма часто.

Чѣмъ ближе знакомимся мы съ литературными особенностями вошедшихъ въ Мусинъ-Пушкинскій сборникъ статей, тѣмъ болѣе обнаруживаемъ аналогіи со внѣшними признаками излюбленныхъ пѣвцомъ образовъ и уподобленій. Христіанскія

---

[1]) Такъ въ Сборникѣ Владиміръ Святославовичъ—внукъ *стараго* Игоря (отр. 59).

[2]) Стихъ моего чтенія: „Бориса же Вячеславича слава на судъ приведе и на *ка(з)нь иную*", обнаруживаетъ, что пѣвецъ считалъ крамолы *казнью* (наказаніемъ) для Мономаха (Ср. объясн. св. Ѳеодосія о казняхъ Божіихъ).

идеи, проникшія въ Русь чрезъ Византію, зачастую облекались талантливыми писателями изъ среды русскаго духовенства, при литературной обработкѣ ихъ для русскаго народа, въ гимнографическую форму, и потому, по введеніи христіанства, охотно и легко усваивались народными пѣвцами. Послѣдніе пользовались книжной символикой въ переложеніи на живой народный языкъ, какъ художественнымъ элементомъ для героической обстановки своихъ славныхъ пѣсенъ въ честь *обожаемыхъ* князей, не пренебрегая притомъ, судя по проникнутому отъ начала до конца христіанскимъ настроеніемъ Слову о полку Игоревѣ, національными преданіями и нравами языческаго культа. Въ краткомъ сравнительномъ очеркѣ мы постараемся наглядно показать эту аналогію, отмѣчая выраженія Мусинъ-Пушкинскаго сборника, способствующія пониманію языка древнѣйшаго нашего памятника пѣсеннаго творчества.

И въ Сборникѣ и въ Сказаніи о походѣ Игоря страстное желаніе получаетъ *огненный* характеръ:—„Владиміръ вжела сердцемъ и *возгорѣлся* духомъ“. У мниха Іакова (по списку, напечат. Голубинскимъ въ Ист. Рус. цер. I, 1, 280): *разгорашется* святымъ Духомъ сердце его, *хотя* святого крещенія [1]). *Пылъ* души Игоря при видѣ солнечнаго затмѣнія такъ изображаетъ пѣвецъ:

„*Спала* князю умь по *хоти* и жалость,—
(Оже) знаменіе ему заступи искусити Дону великого“.

Въ изображеніи пѣвцомъ состоянія русской земли послѣ Каяльской битвы какъ бы отражаются послѣдствія грѣхопаденія съ его адскими муками:—„Постави въ вратахъ Едему хѣровимъ съ *пламяньнымъ* копьемъ, браняще Адаму входа“ (стр. Сб. 34).

„Въ *пламянѣ* рози жены русскія въсплакашась“...

Здѣсь пламенная разлука *розь* или *рознь* русскихъ женъ съ погибшими мужьями намекаетъ на огненную геену, въ которую попала вся Русь, ибо ранѣе пѣвецъ говоритъ:

---

[1]) Ср: Андрей Боголюбскій духомъ *разгореся* божественнымъ (Ип. 397).—„Дьяволъ *разже* сердце Игореви Ольговичю“ (Лавр. подъ 1142 г.).

„За нимъ (т. е. Игоремъ) кликну карна (сѣтованье)
И жля (горесть) поскочи по русской земли,
Смагу (пекло) людемъ мычючи".

Многіе смагу считаютъ смолою, но едва-ли позволительно съуживать очень широкое понятіе смаги, какъ *жара*, хоть подъ смагу, конечно, подходитъ и горящая смола, названная въ сборникѣ пекломъ („пеколъ"): „Изъ коноба почерплюще *пеколъ* клокочущь поливати ю" (стр. 85).

Въ одномъ стихѣ Слова мыкавшая смагу жеря разливается печалью, соотвѣтствуя *юдоли плачевной* („дебрь кисаня") въ Святославовомъ сновидѣніи:

„*Печаль* жирна тече среди земли русской".

Сходный по внѣшности, но противоположный по содержанію образъ находимъ и въ Сборникѣ:—„По земли нашей внезапу *потече* источникъ еуангельскій".—Адское положеніе русской земли совпадаетъ съ ликованіемъ готскихъ красныхъ дѣвъ, воспѣвавшихъ, на берегу синяго моря, время бусово, т. е. смурое, пасмурное отъ набѣжавшихъ съ моря черныхъ тучъ, и торжество самого Дива, повергавшагося на русскую землю посредствомъ своихъ исчадій-половцевъ.

„По русской земли *простроша* половци". Въ Сборникѣ читаемъ: — «По всей земли вѣра *простреся*"... „Вѣра благодатная по всей земли *распростреся* и до нашего языка русскаго дойде" (стр. 41—53).

Мнихъ Іаковъ, собирая по слуху отъ многихъ лицъ свѣдѣнія о Владимірѣ Святославичѣ, приводитъ письмо апостола Луки къ Ѳеофилу со ссылкою на то, что „мнози *начаша повѣсти* дѣяти о извѣстныхъ вещахъ, бывшихъ въ насъ". Пѣвецъ вопрошаетъ:

„Не лѣпо ли ны бяшеть, братія, *начяти* старыми словесы
Трудныхъ *повѣстій* (т. е. повѣствованія) о пълку Игоревѣ".

„Владиміръ заповѣда въ церквахъ *памяти* святыхъ *творити пѣнья* на славу и на хвалу Богу" (стр. Сб. 22).

„Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяще *пѣснь творити*"...

„По выраженію сборника:—„И мьзда имъ (праведнымъ) отъ Господа и *строенье* имъ отъ Вышняго» (стр. 30)[1]. Здѣсь

[1]) Эти слова Соломона повторяетъ и лѣтописецъ (Ип. 44).

строенье, какъ и въ лѣтописи *строй* земскій, о коемъ думалъ Владиміръ св. со своей дружиной,—синонимъ поэтическаго *древа*; когда это слово употребляется пѣвцомъ въ переносномъ значеніи на живомъ языкѣ:

„Растѣкашется *мыслію по древу*“..
—„Скача, славію, по *мыслену древу*“...

Владиміръ народъ свой пасъ правдою:—„землю свою *пасущю* правдою“ (стр. Сб. 59). Когда, послѣ солнечнаго затмѣнія, Игорь двинулся въ половецкія степи, то угрожавшая ему бѣда питала (надеждою), пробавляла птицъ—половцевъ, служила имъ кормиломъ:

„Уже бо бѣды его *пасетъ* птицъ“...

Приведенное въ Сборникѣ выраженіе пророка Исаіи: „горы и холмы смирятся “(стр. 57). помогло пѣвцу сложить стихи объ успокоеніи половецкой земли Святославомъ Кіевскимъ:—

„Наступи на землю половецкую...
Притопта холми и яруги“...

Въ книжной литературѣ въ большомъ ходу было уподобленіе людей птицамъ, напр:—„Въсхотѣ собрати чада своя, якоже сбираетъ кокошь птенца подъ крілѣ свои (стр. 52). Въ Словѣ о полку Игоревѣ уподобленіе людей пернатымъ существамъ—на первомъ планѣ, причемъ соколы князья русскіе добраго гнѣзда принимаютъ однажды образъ серафимовъ-шестокрыльцевъ.

Сборникъ свидѣтельствуетъ о крайней растяжимости „формы „ваю“ [1]) (двойств. число, именит. *ва*):—„память *ваю*,—„помогайта сродникомъ *ваю*“ „да спасуся *ваю* молитвами“—„похваляя *ваю*“,—святую *ваю* сыну Бориса и Глѣба“ (стр. 73, 80 и др.). Поэтому предложенный мною переводъ стиха:—

„Не ваю ли злачеными шеломы по крови плаваша“—не *за вашими ли* и т. д. не требуетъ исправленія, тѣмъ болѣе, что сами шеломы не плаваютъ, золоченые шеломы носили только князья, а опущеніе предлоговъ въ пѣснѣ, какъ и во всей древнерусской письменности, есть явленіе заурядное.

Въ Сборникѣ:—мучити *нежрущая* кумиромъ“,—„*пожри* богомъ“,—„бѣсомъ не *жру*“ (стр. 82, 84, 85). Слѣдовательно,

[1]) По теоріи, она употребл. только въ родит. и мѣстн. падежахъ.

смиренная или тощая р. Стугна, поглотившая („пожрѣши“) юнаго брата Мономахова Ростислава, вмѣстѣ съ тѣмъ принесла его въ *жертву*.—Форма Днѣпрь:

...„князю Ростиславу затвори Днѣпрь-темнѣ березѣ“ (при темномъ берегѣ) встрѣчается въ Минеѣ XVI в. и многихъ другихъ памятникахъ (стр. Сб. 107).

Въ Сборникѣ:—„*То же* блаженый Давидъ глаголаше“;—„*Сего бо* память держать“ (стр. 21 и 80). Въ Словѣ о полку Игоревѣ: „*Сего бо* [1]) (стараго Владиміра Мономаха) нынѣ стали стязи“...—„*То же* (также) звонъ слыша давный великій Всеволодъ“

Этотъ звонъ раздавался отъ крамольныхъ ратей Олега Святославича, отъ посѣянныхъ имъ распрей и *которы* (ср. Сб. стр: 39). Кромѣ приведенныхъ мною въ историческомъ изслѣдованіи Слова о полку Игоревѣ доказательствъ тождества *когана* Олегова и „начальника державы Рускыя“ (Сб. стр. 69) Всеволода Ярославича съ Дажь-божьимъ внукомъ, а Изяслава Ярославича съ Хорсомъ, можно замѣтить, что божественная природа и того, и другого поэтически объединяется авторомъ Слова указаніемъ на одинаковый способъ достиженія до упомянутыхъ князей извѣстій о совершавшихся тревожныхъ событіяхъ—посредствомъ *звона*. Слышалъ мятежный звонъ Дажь-божій внукъ, слышалъ въ Кіевѣ подобный же звонъ великій Хорсъ, когда его призывали полочане на вѣчѣ у св. Софіи, въ разгарѣ борьбы его съ волкообразнымъ оборотнемъ Всеславомъ Брячиславичемъ.

Заключительные стихи Слова напоминаютъ церковныя похвальныя пѣснопѣнія. Сказавъ, что Игорь ѣдетъ къ св. Богородицѣ Пирогощей „*по Боричеву*“;—откуда свергнутъ былъ Перунище (стр. Сб. 107),—пѣвецъ описываетъ впечатлѣніе, произведенное возвратомъ Игоря на родину:—

„*Страны* ради, *грады* весели“... и предлагаетъ пѣть князьямъ славу, провозглашая заздравный тостъ:—

„Зѣрави князи и дружина,
Пробарая за христьяны на поганыя плъки!“

[1]) Ср. подобную форму „*оуже бо*“, неоднократо встрѣчающуюся и въ Словѣ о полку Игоревѣ, и въ Сборникѣ (напр. стр. 66).

Въ Сборникѣ:—„Вся *Страны* и *градъ* и людіе чтутъ и славятъ когождо ихъ учителя;—похвалимъ же и мы... великаго кагана нашея земли... похвальными гласы... Израсти намъ свои пестнѣй лѣторасли Романа и Давида [1]), да молятся о насъ къ Господу *княземъ нашимъ подати побѣду на поганые враги*".

Универсальной школой, въ которой вырабатывались древнерусскія похвальныя пѣснопѣнія, были столь обычные въ Руси пиры и братчины (см. Ип. стр. 340, 458 и др.). Вліяніе ихъ отразилось и на безподобномъ Словѣ Иларіона:—„Откуду испи память будущая жизни *сладкую чашю?*" (стр. 63). Наоборотъ, Святославу Кіевскому довелось испить (во снѣ) *горькую чашу*, знаменовавшую попойку кровавымъ виномъ на берегахъ р. Каялы.

„Сватовъ попоиша а сами полегоша"..

Если при параллельномъ изученіи статей Мусинъ-Пушкинскаго Сборника и пѣсеннаго сказанія о походѣ Игоря бросаются въ глаза преобладаніе въ первомъ радостныхъ, а во второмъ скорбныхъ мотивовъ, то такое рѣзкое различіе обусловливается органическою *болѣзнью* Руси, поразившей ее въ княженіе Ярослава 1-го и принявшей во второй половинѣ XI вѣка столь острый характеръ, что пѣснотворецъ старой поры Боянъ сравнивалъ русскую землю съ тѣломъ, лишеннымъ головы. Вотъ почему авторъ изданнаго Х. Лопаревымъ „Слова о погибели русскыя земли" относитъ начало этого гибельнаго процесса къ Ярославу 1-му, какъ значится и въ заголовкѣ Слова и какъ явствуетъ изъ указанія его на продолжительность недуга:—„А въ ты дни *болѣзнь* крестіяномъ отъ *великаго Ярослава* и до Володимера, и до *нынѣшняго* Ярослава и до брата его Юрья князя Володи мірскаго". Коль скоро пѣсенный разсказъ о походѣ Игоря начинается

„Отъ *стараго* Владимера до *нынѣшняго* Игоря",—

то очевидно, что современный жившему въ XIII в. автору Слова о погибели Русскыя земли Ярославъ названъ нынѣшнимъ въ отличіе отъ *стараго* Ярослава Слова о полк. Игоревѣ.—Теченіе болѣзни въ среднемъ своемъ фазисѣ совпадаетъ съ эпохой

[1]) Крестныя имена Глѣба и Бориса.

Владиміра Мономаха доказательствомъ чего служитъ помѣщенная въ томъ же Словѣ о погибели слѣдующая былинная характеристика Владиміра:

...„Покорено было Богомъ крестиянскому языку поганьскыя страны... Володимеру и Мона(ма)ху, которымъ то половци дѣти своя ношаху въ колыбѣли, а Литва изъ болота на свѣтъ не выникываху, а оугры твердяху каменыи городы желѣзными вороты, абы на нихъ великый Володимеръ тамо не вьсѣхалъ, а нѣмци радовахуся, далече боудоуче за синимъ моремъ; боуртаси, черемиси, вяда и моръдва борть ничахоу на князя великаго Володимера и жюръ Мануилъ (т. е. богачъ Мануилъ?) царегородскій опасъ имѣя, поне и великыя дары посылаша къ немоу, абы подъ нимъ великый князь Владиміръ Царя-города не взялъ".

А. В. Лонгиновъ.

ТРИ ШЕЛЕСТА.

(Изъ исторіи колеивщины).

Въ гайдамацкомъ движеніи 1768 г. принимали участіе три лица, носившіе фамилію Шелестъ. Мы не знаемъ, были-ли это родственники или только однофамильцы; правдоподобнѣе послѣднее, потому что фамилія Шелестъ была довольно распространенною среди крестьянскаго населенія южной Россіи: въ актахъ, напечатанныхъ въ „Архивѣ юго-западной Россіи", упоминаются крестьяне съ этою фамиліею и въ Смѣлянщинѣ, и въ Бѣлоцерковщинѣ, и на Волыни. Въ документахъ, относящихся къ эпохѣ колеивщины, упоминаются Еско (Іосифъ), Василій и Кондратъ Шелесты. Ни одинъ изъ нихъ не игралъ особенно выдающейся роли въ движеніи; но при детальномъ изученіи эпохи представляютъ интересъ и личности второстепенныя. Кромѣ того, сообщаемые ниже факты могутъ представить тотъ интересъ, что даютъ нѣсколько новыхъ подробностей для исторіи колеивщины и заключаютъ нѣкоторыя характерныя черты эпохи. Наконецъ, сообщаемыя подробности могутъ предупредить возможность смѣшать три лица, носившихъ одну и ту же фамилію, но совершенно различныхъ по своей дѣятельности.

Еско Шелестъ былъ однимъ изъ первыхъ организаторовъ возстанія 1768 г. Краткія, но весьма интересныя свѣдѣнія о немъ встрѣчаются въ показаніи, данномъ Максимомъ Желѣзнякомъ на допросѣ въ русской слѣдственной коммиссіи [1]). Желѣз-

[1]) Слѣдственное дѣло о гайдамакахъ найдено въ К. Центр. Архивѣ И. М. Каманинымъ, которому мы обязаны приводимыми ниже подробностями изъ показанія Желѣзняка.

някъ показалъ, что въ 1767 г. онъ вышелъ изъ Запорожья съ цѣлью провести нѣкоторое время въ монастырскомъ послушаніи. До конца года онъ прожилъ въ Жаботинскомъ Онуфріевскомъ монастырѣ, а въ началѣ слѣдующаго 1768 г. перешелъ въ монастырь Мотронинскій. Весною 1768 г. явилось въ этотъ монастырь семь запорожцевъ, изъ которыхъ одинъ—Еско Шелесть—называлъ себя атаманомъ. Онъ показывалъ и читалъ письмо кошевого Калнишевскаго, въ которомъ указывалось на необходимость стать на защиту гонимаго въ Польшѣ православія и угнетаемаго крестьянства и съ этой цѣлью начать истребленіе поляковъ и жидовъ и разграбленіе ихъ имущества. Въ ссорѣ съ однимъ изъ своихъ товарищей-запорожцевъ Шелестъ былъ убитъ, и тогда-то Желѣзнякъ почелъ себя обязаннымъ стать во главѣ задуманнаго движенія.

Къ этому Шелесту относится, конечно, записанный Кулишемъ изъ вторыхъ рукъ разсказъ о началѣ гайдамацкаго движенія [1]), хотя нѣкоторыя подробности этого разсказа, и въ особенности извѣстіе о смерти Шелеста, не согласны съ показаніемъ Желѣзняка. У Кулиша *Шелестъ съ двумя своими товарищами* Лусконогомъ и Гнидою поселились въ *трехъ монастыряхъ*—Мотронинскомъ, Мошенскомъ и Лебединскомъ—и собирали тамъ гайдамаковъ. Когда собралось по *300 человѣкъ* въ каждомъ монастырѣ, пріѣхалъ изъ Запорожья Желѣзнякъ и повелъ ихъ всѣхъ на м. Тальное, а потомъ въ Умань. Послѣ Уманской рѣзни начались преслѣдованія и казни гайдамаковъ. Въ числѣ казненныхъ были и первые предводители гайдамаковъ—Шелестъ, Лусконогъ и Гнида: ихъ разстрѣляли близь м. Монастырища. Сравнивая этотъ разсказъ съ показаніемъ Желѣзняка, мы видимъ, что у Кулиша Шелестъ представленъ однимъ изъ сообщниковъ Желѣзняка, участвовавшимъ во всѣхъ его предпріятіяхъ и казненнымъ уже послѣ окончательнаго подавленія возстанія; въ показаніи Желѣзняка онъ является иниціаторомъ возстанія и умираетъ, не доживъ до осуществленія своихъ плановъ. Въ разсказѣ Кулиша онъ представленъ дѣяте-

[1]) „Записки о южной Руси," т. I, стр. 293—302: „Вербовка въ гайдамаки и развязка Уманской трагедіи 1768 г.".

лемъ второстепеннымъ; въ показаніи Желѣзняка—однимъ изъ крупнѣйшихъ дѣятелей возстанія. Само собою разумѣется, что во всѣхъ этихъ разногласіяхъ предпочтеніе должно быть отдано безусловно показанію Желѣзняка, тѣмъ болѣе, что разсказъ, записанный Кулишемъ, какъ можно видѣть изъ самаго содержанія его, имѣетъ характеръ поэтическаго преданія, а не достовѣрнаго изложенія фактовъ [1]).

Василій Шелестъ былъ одинъ изъ ватажковъ гайдамацкихъ въ юго-западной части Кіевщины. Свѣдѣнія о немъ, заимствованныя изъ книги Кодненской военно-судной коммиссіи, сообщены Я. Н. Шульгинымъ въ его „Очеркѣ Коліивщины“ [2]). Въ актахъ кодненской коммиссіи упоминается девять его сообщниковъ; изъ нихъ семь казнены смертью, и только два отдѣлались розгами. „О ватажкѣ этомъ, говоритъ г. Шульгинъ, въ кодненской книгѣ есть только отдѣльныя упоминанія въ судебныхъ отмѣткахъ, но нѣтъ о немъ ни одного цѣльнаго документа. Мы не знаемъ поэтому даже численности его ватаги и тѣхъ пунктовъ, въ которыхъ онъ перебывалъ“. Очевидно это былъ ватажокъ второстепенный. Г. Шульгинъ относитъ къ нему приведенный выше разсказъ Кулиша, въ которомъ имя Шелеста не названо; но мы видѣли уже, что разсказъ этотъ можетъ относиться только къ Еску Шелесту.

Совершенно иную роль въ томъ же гайдамацкомъ движеніи игралъ *Кондратъ Шелестъ*, свѣдѣнія о которомъ встрѣтились намъ въ одной изъ актовыхъ книгъ К. Центр. Архива [3]). Это былъ типъ ренегата, ради личныхъ выгодъ, „для лакомства несчастнаго,“ измѣнившаго своимъ единоплеменникамъ и единовѣрцамъ. Онъ былъ козакъ изъ Кейдановки, Богуславскаго

[1]) Въ особенности разсказъ о казни гайдамаковъ: „Бувъ я разъ у Монастырищи; а за Монастырищемъ есть ямы глыбокіи; то я ставъ да й дывлюсь: щобъ се за ямы булы? Колыжъ иде старый чоловикъ. „Дидусю! “кажу „що оце за ямы таки?“ „А ты“, каже, „хиба не тутешній?“ „Ни“, кажу, „я здалека, ажъ изъ Чигырынського повиту.“ „Оце жъ,“ каже, „ваши Чигырынськи гайдамаки лежять. Тугъ ихъ порубано ажъ девятьсотъ; и якъ навалылы землею, то кровъ изъ ямъ свыстала вгору заввышки съ чоловика. А чи бачишъ три хреста гень—гень стоять? Ото лежять ихъ ватажки. Тамъ порозстрелювалы Шелеста, Луконога и Гниду“.

[2]) „Кіевская Старина“ 1890, № 4, стр. 43—44. Отдѣльный оттискъ стр. 94—95.

[3]) Книга № 93, акты № 204—209, листы 352—357.

староства. Мы не знаемъ его прежней службы, но изъ документовъ видно, что въ 1768 г. онъ принималъ дѣятельное участіе въ усмиреніи гайдамацкаго движенія, за что и получилъ отъ старосты Богуславскаго гр. Яна Клеменса Браницкаго первую милость—увольненіе отъ уплаты „податковъ скарбовыхъ.“ Въ „привилеѣ,“ данномъ ему по этому случаю Браницкимъ, заслуги его опредѣляются такимъ образомъ: „Nie tylko miasto Bohusław z całym starostwem od irrupcyi haydamackiey uwolnił, buntow między pospolstwem żadnych nie dopuscił, ale też y transporta moie wszystkie, niemniey y intraty ocalił“ (актъ № 208). Г. Шульгинъ, на основаніи кодненской книги, сообщаетъ нѣкоторыя подробности борьбы К. Шелеста съ гайдамаками. Шелестъ захватилъ въ плѣнъ скрывавшагося въ лѣсу вблизи г. Богуслава гайдамацкаго ватажка Грицька Волка, который передъ тѣмъ ограбилъ с. Погибляки (Звенигор. у.). Вскорѣ Богуславскіе козаки вмѣстѣ съ Шелестомъ ушли изъ Богуслава по призыву полковника Протасьева, дѣйствовавшаго противъ Неживого и Швачки. Въ отсутствіе Шелеста другой ватажокъ Савечка ограбилъ Богуславскій замокъ и завладѣлъ хранившеюся тамъ добычею Волка. Шелестъ, возвратившись въ Богуславъ, не рѣшился преслѣдовать Савечка, въ виду разсказовъ о численности его загона, и уже Протасьевъ съ своею командою настигъ Савечка у м. Мошенъ и разсѣялъ его ватагу [1]). Въ приведенномъ разсказѣ Шелестъ названъ, конечно на основаніи кодненской книги, сотникомъ Богуславскимъ; хотя, какъ увидимъ дальше, онъ утвержденъ былъ въ этомъ званіи только въ 1770 г., но весьма вѣроятно, что и въ 1768 г. онъ исполнялъ уже обязанности сотника.

Въ слѣдующемъ 1769 г. К. Шелестъ съ прежнимъ усердіемъ продолжалъ борьбу со своими единоплеменниками. Отъ этого времени сохранился данный ему „Ordynans na palenie futorow haydamackich“. Приводимъ этотъ документъ въ подлинникѣ.

„Die decima nona decembris, millesimo septingessimo sexagesimo nono anno, w Horodyszczu, daię ten ordynans panu

[1]) „Кіевская Старина“ 1890 стр. 49—50. Отд. оттискъ стр. 100—101.

Szelestowi, sotnikowi J. O. Hetmana Koronnego, ażeby za odebraniem onego spalnidował (?) wszystkie lasy nad Kozacką Doliną [1]) będące y gdzie kolwiek zastanie futory, co iest przechowaniem haydamakow y wszystkiego hultaystwa, wszystkie generalnie popalił, żadnego nie zostawuiąc, co serio zalecam y podpisuię się. Datum ut supra. R. Z. Skrżynca Dzierżek, chorągwi znaku pancernego, kommendant podjazdow ukrainskich generalny. L. S.“ (актъ № 204).

Вѣроятно и это порученіе было исполнено въ точности, потому что въ послѣдующіе годы Кондратъ Шелестъ получилъ рядъ новыхъ милостей. Въ 1770 г. онъ былъ утвержденъ въ званіи сотника. Въ „патентѣ“, данномъ тѣмъ же гр. Браницкимъ, Шелестъ признается за „aktualnego sotnika y kommendanta ludzi gruntowych Bohusławskich do służby kozackiey obowiązanych“, при чемъ на него возлагается обязанность „porządek należyty w tey że milicyi kozackiey Bohusławskiey utrzymywać, wiernosci oneyże... pilnie przestrzegać“ (актъ № 209).

Въ слѣдующемъ 1771 г. Шелестъ получилъ отъ гр. Браницкаго право построить мельницу на р. Россавѣ (актъ № 205); а еще черезъ нѣсколько лѣтъ ему дано было во владѣніе („держаніе“) селеніе Юхны [2]), входившее въ составъ Богуславскаго староства. Въ актовой книгѣ не сохранилось акта первоначальнаго пожалованія, а записаны только двѣ подтвердительныя грамоты—1775 г., данная Ю. Ржевусскою (актъ № 206) и 1778 г. гр. Браницкимъ (актъ № 207). Въ послѣдней грамотѣ послѣ указанія на заслуги Шелеста, которое представляетъ буквальное повтореніе приведеннаго выше отрывка изъ грамоты 1768 года, самое пожалованіе формулировано слѣдующимъ образомъ: „Umysliłem mu dać wieś Juchny z poddanstwem, arędą, czynszami, łąkami, lasami, jak iest w swoim o brębie, oraz wszelkiemi proventami z niey pochodzącemi, jakoż ninieyszym przywilejem moim tak iemu samom jako y żenie jego Chwesce Cioropownie

[1]) Село Казацкая Долина, теперь Козацкое, близъ города Звенигородки.

[2]) С. Юхны находится близъ г. Богуслава. По современнымъ люстраціямъ въ немъ числилось отъ 10 до 13 дворовъ; годовой доходъ опредѣлялся въ 150—200 злотыхъ.

y ich successorom do dalszey woli y łaski mojej nadaię y wszelkiego rządzenia się iako swoią wsią własną dopuszczam y pozwalam".

Этимъ оканчивается рядъ документовъ Кондрата Шелеста, занесенныхъ въ актовую книгу. Документы эти достаточно ясно рисуютъ личность Шелеста, очень напоминающаго своею дѣятельностью одного изъ его предшественниковъ—извѣстнаго Савву Чаленка. Мы не имѣемъ свѣдѣній о дальнѣйшей судьбѣ этого человѣка, но едва-ли и она не была сходна съ судьбою Чаленка. Въ одномъ документѣ 1792 г., въ напечатанномъ въ „Архивѣ юго-западной Россіи" [1]) встрѣчается случайное упоминаніе о могилѣ какого-то полковника Шелеста,—именно положеніе одного земельнаго участка опредѣлено слѣдующими словами: „prosto Buteni, na gruntach Tunickich, koło szlachu Pustowoytowskiego, gdzie *krzyż Szelesta pułkownika* był leżącego" Весьма вѣроятно, что упоминаемый здѣсь „полковникъ" есть бывшій сотникъ Кондратъ Шелестъ, тѣмъ болѣе, что мѣстность, гдѣ погребенъ этотъ полковникъ, находится вблизи владѣній Кондрата Шелеста: с. Туники лежитъ верстахъ въ 2-3 отъ с. Юхны. Самый же способъ погребенія—не на кладбищѣ, а на большой дорогѣ наводитъ на предположеніе о насильственной смерти...

В. Щербина.

[1]) Арх. Ю.-З. Россіи. ч. VI, томъ 2, стр. 466.

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ ОБЪ ОТРАВЛЕНІИ ЗМѢИНЫМЪ ЯДОМЪ.

Содержаніе.

Предисловіе.—Варіанты малорусскіе, великорусскіе. бѣлорусскіе. польскіе, чехоморавскіе, сербскіе, болгарскіе, литовско-латышскіе, мадьярскіе, албанскій, румынскій, нѣмецкіе, англійскіе и италіанскіе.—Обзоръ мотивовъ.—Предположеніе о происхожденіи нѣкоторыхъ галицко-русскихъ и малорусскихъ варіантовъ.—Предположеніе о происхожденіи всего цикла пѣсенъ.

Въ устной словесности западно-европейскихъ и славянскихъ народовъ существуетъ обширный циклъ пѣсенъ о сестрѣ отравительницѣ. Эти пѣсни и являются предметомъ настоящаго нашего изслѣдованія. Мы дали имъ другое оглавленіе на слѣдующемъ основаніи: отравленіе змѣинымъ ядомъ составляетъ самую характерную черту этихъ пѣсенъ. Сестра отравительница выступаетъ въ большинствѣ варіантовъ славянскихъ; но въ западно-европейскихъ и, главное, въ старинныхъ италіанскихъ варіантахъ отравительницей является дѣвушка или вдова,, а жертвой ея—невѣрный любовникъ. Такимъ образомъ, терминъ ,,сестра отравительница“ не обнимаетъ всего цикла пѣсенъ. Въ виду большого количества малорусскихъ варіантовъ—мы настоящее изслѣдованіе начнемъ съ ихъ разсмотрѣнія и на нихъ преимущественно сосредоточимъ наше вниманіе. Несомнѣнно, что въ народѣ циркулируетъ много незаписанныхъ еще пѣсенъ этого разряда; затѣмъ, мы должны оговориться, что изъ записанныхъ, вѣроятно, многія ускользнули отъ нашего вниманія; при всемъ томъ, многочисленность и сходство изданныхъ варіантовъ даютъ намъ поводъ предполагать о сходствѣ неизданныхъ и открывать возможность приступать къ научному ихъ обзору, систематизаціи и, если не къ рѣшенію, то, по крайней мѣрѣ, къ

постановкѣ вопросовъ объ ихъ происхожденіи и путяхъ распространенія.

№ 1—2. Двѣ пѣсни изъ Литинскаго уѣзда Подольской губ.:

Ой у поли кирныченька,
Тамъ дивчина воду брала
Съ козаченькомъ розмовляла ..

Она предлагаетъ козаку посватать ее; козакъ предлагаетъ ей отравить сначала брата. Дѣвушка говоритъ, что мать не научила ее чаровать. Козакъ тогда говоритъ:

Ой у лиси на ялыни
Ой тамъ высыть три гадыни;
На гадыну сонце пече
А зъ гадыны рона тече.

Пидставъ дивча коновочку
Пидъ гадячу головочку,
Якъ прыйде братъ зъ дороги,
То ты чары приготовышь...

Дѣвушка предлагаетъ брату „цёго пыва“; братъ хочетъ, чтобы она сначала выпила; но она говоритъ, что уже пила.

Якъ братъ пыва да и напывся,
По коныку покотывся,
По коныку вороному,
По сидельци золотому.

Дѣвушка возобновляетъ свое предложеніе о сватовствѣ и получаетъ отказъ: счарувала брата, говоритъ козакъ, счаруешь и меня *(Чубин.* V. стр. 432, 433).

№ 3. Въ варіантѣ изъ Балтскаго уѣзда начало: „Ой у поли дви тополи.“ Армяне (вармяне) подговариваютъ дѣвушку уйти съ ними. Дѣвушка боится брата и, по совѣту армянъ, отравляетъ его. Змѣя одна, виситъ на калинѣ; „болить ій головочка“; армяне отказались взять отравительницу,—„ни брата, ни вермана.“ Вышла она за жебрака, носила за нимъ торбу и часто получала отъ него удары „въ морду“ (*Чуб.* V. 433).

№№ 4—6. Въ трехъ варіантахъ изъ галицкаго Покутья, почти тождественныхъ съ №№ 1—2, въ концѣ пѣсни соблазнитель названъ „сербиномъ“; отравительница выходитъ замужъ за нищаго и также получаетъ отъ него удары „въ морду“ (*Kolberg*, Pokucie II. 44—46).

№ 7. Въ вар. изъ стрійскаго округа (въ Галиціи) сербъ выступаетъ уже въ самомъ началѣ пѣсни:

Ходитъ Сербинъ по надъ рѣку,
За нѣмъ бѣжитъ дѣвка въ вѣнку.
„Ой сербине, сербиноньку,
Возьми меня дѣвчиночку.

Сербинъ говоритъ, что боится ея брата. Дѣвушка предлагаетъ отравить брата и при этомъ сама объясняетъ, что ядъ достанетъ изъ змѣиной головы. По возвращеніи брата съ охоты, сестра подноситъ ему отраву въ черномъ пивѣ. Пѣсня оканчивается отказомъ серба жениться на отравительницѣ брата (*Голов.* I 207),

№ 8. Близкій варіантъ изъ Липовецкаго у. Кіев. губ. „Ой Свербыно, Свербыночку" изданъ въ *Zbiòr wiadomosci* т. VIII 169.

№ 9. Въ галицко-рус. варіантѣ первый стихъ оригиналенъ: „Сѣдятъ ткачи на варштатѣ, звѣдуются о своемъ братѣ." Воевода проситъ у дѣвушки вѣнокъ (символъ цѣломудрія). Опасаясь противодѣйствія со стороны старшаго брата, дѣвушка отравляетъ его. Въ этомъ вар. подробно описано приготовленіе яда; по совѣту воеводы:

Идь до саду вишнёваго,
Ламай гинча зеленого,
Частуй брата при обѣдѣ;
Готуй же го подъ пецками,
Уварь же го въ зимней водѣ,
Намочь же го до скляницы,
Та го вынесь до свѣтлицы.

Пѣсня оканчивается такъ: братъ отравленъ, а сестра отравительница закована въ цѣпи и осуждена на висѣлицу (*Голов.* I 207—208).

№ 10. Въ близкомъ галицкомъ вар. дѣвушка отравляетъ брата по совѣту „чуджоземца." Отравой служитъ зѣлье. По смерти брата сестра раскаивается и проситъ сжечь ее, пепелъ развѣять по полю; „няй зъ мя росте бѣлый квѣтъ, няй то знае цилый свѣтъ"—такъ кончается этотъ варіантъ (*Голов.* I 208).

№ 11. Въ вар. изъ Галиціи начало: „Ой ты зъ-за горы, а я зъ-за другой." Здѣсь развитъ способъ приготовленія яда изъ гада рябенькаго и ящерицы. Особенностью представляется еще то, что у брата послѣ первой ложки „одно личко слѣзло,"

послѣ второй—другое лицо, а послѣ третьей „цѣла тварь облѣзла“ (*Голов.* I 209).

№ 12. Малор. вар. (изъ Залеванщины), изд. въ сборникѣ г. Поповскаго въ „*Zbiór wiadomosci*“ VIII стр. 8, представляетъ повтореніе вар. № 1—2, 7 и 8. Начало: „Ой Сердене, Серденочку, сватай мене дивчиночку“. Сердене, очевидно, народно-этимологическое толкованіе слово „сербинъ“. Пѣсня оканчивается, какъ №№ 3, 4, 5, 6.

№№ 13—14. Два варіанта изъ Угорской Руси говорятъ вообще объ отравленіи молодца дѣвицей за невѣрность, они близки извѣстной малор. пѣснѣ „Ой не ходы, Грыцю“. Брата нѣтъ. Способъ приготовленія ядовитаго зелья изъ кореньевъ напоминаетъ великорусскія пѣсни (*Де-Волланъ*, Угро-рус. нар. пѣс. 40—41).

№ 15. Въ вар. изъ Ушицкаго у. дивчина Настя отравляетъ парубка перепелкой на маслѣ и смѣется надъ нимъ во время его мученій (*Чубин.* V 434).

№ 16. Въ одномъ вар. (безъ обозначенія мѣста) начало: „Жене Васыль волы съ поля, въ сопилочку грае...“ Дѣвушка у криницы приглашаетъ Василя къ себѣ; ея мать даетъ ему сначала пирогъ съ шалфеемъ и мятой, чтобы вызвать любовь; потомъ пирогъ со змѣей. Василь пришелъ домой и проситъ у матери совѣта (*Чуб.* V 434).

№№ 17—19. Къ этому варіанту близко стоятъ три галицкихъ, изъ Покутья. Отравительницей является въ двухъ Парася, въ одномъ Одокія; жертва во всѣхъ трехъ вар. названа Иваномъ. Начало 1-го „Иванъ коне наповайе, а въ сопивку грае“, во 2-мъ также упоминается сопилка. Отрава поднесена въ пирогѣ и въ яблокахъ. Дана отрава дѣвушкѣ ея матерью (*Kolberg*, Pokucie II, 42—44).

№ 20. Буковинскій вар. у *Купчанка* 141 очень близокъ къ помѣщеннымъ у Кольберга изъ Покутья. Соблазнитель—Иванъ, отравительница—Парася. Отрава упоминается мимоходомъ. При смерти Ивана присутствуютъ односельчане.

№ 21. Въ вар. изъ Харьковской губ. „Ой дивчино черноброва“ дѣвушка накопала въ лѣсу ядовитаго коренья, вымыла

его въ Дунаѣ, положила въ стаканъ меду и отравила своего брата. Она спрашиваетъ, какъ онъ чувствуетъ у себя на сердцѣ. Козакъ отвѣчаетъ, что у него на сердцѣ „черни камушки лежатъ“ (*Чуб.* № 435)—пѣсня краткая и испорченная.

№ 22. Въ другомъ вар. Харьковской губ. („ой, сонъ, маты, ой, сонъ, маты, головоньку клонитъ“) дѣвушка кладетъ отраву въ пирогъ. Она говоритъ, что отрава тогда пройдетъ, когда въ полѣ ири дорогѣ разовьется сухой дубъ (*Чуб.* V 436).

№ 23. Въ третьемъ вар. изъ Харьковской губ. „Маты сына научала“ не ходить на вечерницы. Дѣвушка его напоила отравленнымъ медомъ. Парубокъ идетъ домой и проситъ мать послать за ворожкой. Пѣсня оканчивается сожалѣніемъ парубка, что ему болѣе нельзя ходить на улицу (*Чуб.* № 436).

№ 24. Въ вар. изъ Полтавской губ. („Ой дивчино, дивчинонько“), мужчина проситъ дѣвушку полюбить его и, чтобы братъ не побилъ ее, отравить его. Далѣе слѣдуетъ совѣтъ достать ядъ изъ змѣи—почти дословное повтореніе вар. № 1—2. Отрава положена въ пиво. Отравительница выходитъ замужъ за нищаго и получаетъ отъ него побои (*Чуб.* V 915).

№ 25. Весьма замѣчателенъ слѣдующій галицко-русскій варіантъ, по близости къ западно-европейскимъ. Это соединительное звено между восточно-малорусскими и западно-европейскими пѣснями о сестрѣ отравительницѣ:

Сынку Васыльку, жалости мой!
Ой цы ходывъ ты до вдовы на вечерныци.
Ходывъ я, ненько, щире серденько.
До тои чаровныци.

Мать спрашиваетъ, что вдова варила? Сынъ отвѣчаетъ, что варила рыбку зъ лабочками (?). Мать спрашиваетъ, гдѣ она ее поймала? О.—Въ огородѣ въ лободѣ. Вопросъ: Гдѣ она ее вправляла? О.—Ожогомъ подъ порогомъ. Вопросъ: Цы вдова еи ила? О.—Не ѣла, говорила, что у нея голова болитъ. Вопросъ: Ѣли ли дѣти ея? О.—Не ѣли, бо спатоньки хотѣли. Этими словами и оканчивается пѣсня. Смыслъ ея ясный—отравленіе парубка. (*Голов.* II 584). Въ этомъ варіантѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія его діалогическая форма.

Отъ объемистаго ствола пѣсенъ о сестрѣ отравительницѣ пошло нѣсколько могучихъ вѣтвей. Первой такой вѣтвью представляются пѣсни объ отравленіи дѣвицей невѣрнаго любовника на мотивъ весьма популярной пѣсни „Ой не ходы, Грыцю, на вечерныци". Пѣсни этого рода встрѣчаются почти во всѣхъ сборникахъ малорусскихъ пѣсенъ. Извѣстны онѣ и въ Бѣлоруссіи (*Шейнъ*, стр. 235). Второй вѣтвью, повидимому, являются тѣ также весьма многочисленныя пѣсни, въ которыхъ отравленіе молодца дѣвушкой является не какъ фактъ, а какъ уподобленіе, сравненіе, напримѣръ—слѣдующая угорско-русская пѣсня;

На дворѣ хмарно и вѣтеръ вѣе,
Самъ я не знаю, что ми ся дѣе,
Дѣвчина любила, серденько явила,
И приваду дала, та и зачаровала.
„Ей такъ бы ты знала изъ сѣни до хати,
Якъ я тебе знала да чимъ чаровати;
У мене чароньки черныи бровеньки
И приваду доньки румняни личоньки".
О якъ болитъ, кедь укуситъ
Люта гадинонька;
Еще лучше, кедь счаруетъ
Люба дѣвчинонька.
Кедь укуситъ гадинонька,
Найдешь зеля лѣки;
Кедь счаруетъ дѣвчинонька—
Пропалъ есь на вѣки (*Де-Волланъ*, 42).

№ 26. Въ Великороссіи пѣсня о сестрѣ отравительницѣ хорошо извѣстна.

Стругалъ стружки добрый молодецъ,
Брала стружки красна дѣвица,
Бравши стружки на огонь клала
Все змѣй пекла, зѣлье дѣлала.
Сестра брата известь думала,
Выходила посередъ двора,
Наливала чашу прежде времени,
Подносила брату милому.
Ты пей, сестра, напередъ меня.
„Пила, братецъ, наливаючи.
Тебя, братецъ, поздравляючи.

Канула капля коню на гриву
У коня грива загорѣлася...

Братъ срубилъ сестрѣ голову.

И онъ сжегъ ея тѣло бѣлое
Чго до самаго до пепла;
Онъ развѣялъ пухъ (sic!) по чисту полю,
Заказалъ всѣмъ тужить и плакати (*Сахаровъ*, Сказанія рус. нар. III[4] 202).

Этотъ варіантъ, самый грубый и жестокій изъ извѣстныхъ мнѣ варіантовъ, записанъ до 1841 г., года изданія Сказаній Р. Н. Подобная суровость могла существовать и въ инородныхъ варіантахъ; въ италіанскомъ братъ грозитъ убить.

№ 27. Своеобразная версія у Сахарова ib. стр. 206: Дѣвушка копаетъ ядовитые коренья и отравляетъ милаго дружка (не брата). Умирающій проситъ похоронить его на распутьѣ, посадить въ головахъ дерево и т. д.

№ 28—29. Два близкихъ великорусскихъ варіанта въ сборникѣ *П. В. Шеина* 327 № 56 и 57. Что пѣсни эти представляютъ великорусскую передѣлку пѣсенъ о сестрѣ отравительницѣ, видно изъ 57 № сб. Шеина „Разнегодная дѣвчонка“ по лугу гуляла, накопала ядовитыхъ кореньевъ, наварила и поднесла ихъ „братцу родному“. Къ вечеру братъ „поразохался“, и въ полночь „попа спросилъ“, а къ бѣлу свѣту умеръ. завѣщавъ похоронить его межъ трехъ дорогъ (петербургской, московской и тверской“. Проѣзжающіе Богу молятся (за брата) и проклинаютъ сестру. Варіанты Шеина записаны № 56 въ Рязанской, № 57 въ Тверской губ.

№ 30. Въ Терской области записанъ великорусскій варіантъ „Свѣтила звѣзда, она передъ мѣсяцемъ“. Дѣвица поднесла молодцу стклянницу“ вина съ отравой. Молодецъ проситъ дѣвицу выпить, получаетъ отказъ; онъ вылилъ вино на землю:

Мать сырая-то земля, она загоралася,
А лютая змѣя, она взвивалася,
А красная-то дѣвица, она испугалася,
И доброму то молодцу на шею бросалася.

Этими словами и заканчивается вся пѣсня (*Сборн. матер.* для изуч. Кавказа VII 83)[1]).

[1]) Въ сборникѣ „Древнихъ Россійскихъ стихотвореній“ Кирши Данилова, составленномъ, вѣроятно, въ началѣ XVIII ст., а впервые изданномъ въ 1804 г.,

№№ 31—32. Бѣлорусскіе варіанты въ сборникахъ *Шеина* стр. 234, № 409 и *Романова* I, 48 представляютъ почти буквальное повтореніе великорусскихъ Сахарова (безъ убійства отравительницы) и Шеина (подъ № 57). Въ обоихъ бѣлорусскихъ варіантахъ сестрѣ не удается отравить брата: онъ выливаетъ вино на гриву коня, грива загорается и братъ бранитъ сестру.

№ 33. У поляковъ циркулируетъ много пѣсенъ о сестрѣ-отравительницѣ, и значительная часть ихъ вошла въ I т. Lud *Кольберга* (стр. 115). Въ однѣхъ пѣсняхъ отравительницей являетя краковянка (Krakowianka, otrój brata etc.), въ другихъ подолянка. Приведемъ здѣсь варіантъ изъ Прасныша, написаннаго *Хельховскимъ* въ Вислѣ 1888 II 139. „Na Podoli bialy kamnien"; на камнѣ сидитъ подолянка; къ ней подходитъ подо-

---

находится любопытный великорус. варіантъ пѣсни о сестрѣ отравительницѣ, причемъ вмѣсто змѣинаго яда отрава приготовляется изъ кореньевъ. Въ этомъ вар все вниманіе пѣвца сосредоточено на приготовленіи отравы. Пѣсня краткая

Кабы по горам[illegible], горамъ, высокіимъ горамъ,
Кабы по доламъ, доламъ, по широкіимъ доламъ,
А и покрай было мо[illegible]я синяго,
И по тѣмъ хорошіимъ зеленымъ лугамъ.
Тутъ ходила, гуляла душа красна дѣвица.
А копала она коренья, зѣлье лютое.
Она мыла тѣ кореньица въ синемъ морѣ,
А сушила кореньица въ муравленой печи,
Растирала тѣ коренья въ серебряномъ кубцѣ,
Разводила тѣ кореньица меды сладкими,
Разсычала коренья бѣлымъ сахаромъ—
И хотѣла извести своего недруга;
Не вначае извела своего друга милаго
Она по роду братца родимаго.
И расплачется дѣвица надъ молодцемъ,
Она плачетъ, дѣвица, убиваючи,
Она жалобно, дѣвица, причитаючи:
„Занапрасно головушка погибнула".

Пѣсня эта—искаженіе пѣсенъ о сестрѣ-отравительницѣ, Ошибка встрѣчается въ болгарскомъ вар.; но ошибка какъ разъ обратная: сестра вмѣсто брата отравила любовника. Варіантъ Кирши Данилова представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что указываетъ на распространеніе пѣсенъ о сестрѣ отравительницѣ въ Великороссіи въ началѣ XVIII в.

лянецъ и проситъ у ней вѣнокъ. „Я дала бы, да боюсь брата, говоритъ она. Отрави брата, совѣтуетъ подолянецъ. Подолянка говоритъ, что не знаетъ чѣмъ. „Отыщи змѣиныхъ листьевъ, свари ихъ и напой брата". Братъ возвратился съ похода, привезъ сестрѣ подарки (sukienecki). Сестра потчиваетъ его отравленнымъ виномъ. Братъ падаетъ съ коня и проситъ сестру позаботиться о его дѣтяхъ. Колоколъ звонитъ о смерти брата, а сестру ведутъ въ тюрьму. Пѣсня оканчивается раскаяніемъ отравительницы. Любопытно, что конецъ этого польскаго варіанта совпадаетъ съ началомъ галицко-русской пѣсни, отмѣченной выше подъ № 9.

Siedzo siewcy na warstacie
Spivajo pieśń o jy bracie,
Okujciez me w biały kamnień,
Niech nie slyse pieśni o niem.

№№ 34—35. Съ этимъ варіантомъ почти дословно сходны два польскихъ вар. въ сб. *Kozlowskiego*, Lud (pieśni, podania etc. z Mazowsza Czerskiego) стр. 52—53. Начало тожественное „Na podolu biały kamien". Подолянку къ отравѣ склоняетъ подолянецъ. Послѣднихъ 4 строкъ (Siedzo...) нѣтъ. Эти варіанты оканчиваются просьбой брата, обращенной къ сестрѣ отравительницѣ, позаботиться о его дѣтяхъ. Отрава обычная—змѣя. Въ одномъ изъ варіантовъ братъ названъ Ясей. Козловскій въ примѣчаніи говоритъ, что такого рода пѣсни распространены у поляковъ, чеховъ и венгерскихъ словаковъ. Указаны польскіе вар. у Кольберга, Войцицкаго, Конопки и Жег. Паули.

№ 36. Чехамъ и моравцамъ пѣсня о сестрѣ-отравительницѣ хорошо извѣстна (сборники *Кукулевича*, *Эрбена*, *Сушила*). Моравскіе варіанты отличаются полнотой; въ нихъ какъ-бы сведены мотивы пѣсни. Таковъ, напр., слѣдующій варіантъ, который приводимъ вполнѣ:

Uliańka čista panna
U Dunaja šaty prala.
Dojeli tam tře husaři,
Pod' Uliško pojeď s nami.
Ja bych s wami rada jela,
Dybych tu bratra nemela.
Bratra možeš otraviti,

Možeš s nami předca jeti.
Jak bych ja ho otravila?
Temu sem sa neučila.
Bož do lesa doboveho,
Najdeš hada jedoveho.
Uvař mu hozsnidaničku,
Jak rybičku s černu mačku.

Už Janiček z hory jede,
Malovane dřevo veze.
Hned mu wrata otvirala
Vrane koně vyprahala.
Ulianko, co noveho,
Ze vypřahaš kona meho?
Pod' Janičku k snidaničku,
Maš přichystann rybičku.
A co suto za rybičky
Dyt' nema žadna hlavičky,
Hlavičky sem urubala
Pod okenko zakopala.
Jak ten prvni kusek zedl
Hned na leve ličko zbledl.
Jak ten druhy kuzek zedl
Hned na obě lička zbledl.
Jak ten třeti kusek zedl,
Hned nacele telo zbledl.
Bež Uliško pro pivečko
Ať si ovlažim srdečko
Donesla mu lužovice:
Pij, Janičku, pij velice.
Bež, Uliško, pro perinku,
Nech položim svu hlavenku.
Donesla mu tvrdy kamen'
Ostavaj tu s panem Bohem
Bojanovske zvony zvoňa,
Ulianku drabi hoňa.
Ty Mutenske zezwanaju,
Ulianku dohaňaju.
A Hodonske dozvonily,
Ulianku dohonili.
Janička na krchny nesu,
Ulianku kati vezu.
Zazdite mia do kameni
Nech o mne pesničky neni.
Zednici ju zazdivali
Panny pesničku skladaly.
Ulianku už zazdili
Panny pesničku složily.

Sušil, Moral. národ. písne, II, 167—168.

Въ варіантахъ ничтожныя особенности. Вездѣ братъ жалуется, что у него заболѣло сердце. Способъ приготовленія яда не сложный.

№ 37. Въ сербской пѣснѣ: „Сунце зађе међу две планине“; парубокъ лежитъ между двумя дѣвицами; одну любитъ, другую не любитъ.

Ан' говори лепота девојка:
„Љуб' и мене, момче нсженьено!
Њој говори момче неженьено:
„Љубно б'те, лепото довојко!
Али не смем од брата твојега:
У тебе је братац кавгација [1]),
Кудгод иде, онъ замеђе кавгу“.
Кад то чула лепота девојка,
Она иде у гору зелену,
Те преметђе дрвље и каменье.
Док је нашла гују [2]) отравницу.
Заклала је златђеним прстеном,
Уточила по кондира [3]) једа,

[1]) Спорщикъ, кавга—споръ, ссора.
[2]) Гуја—змѣя.
[3]) Кондиръ—чаша.

Оно друго вином доточила,
Па га дала свом брату роѣном,
Те је свога брата отровала;
Па отиде момку неженьену;
„Љуби мене, момче неженьено,
Ја сам мога брата отровала".
Аи' говори момче неженьено:
„Ид' одатле, једна отровнице!
Кад си свога брата отровала,
Отроваѣеш и мене јунака (*Караджичъ*, Срп. нар. пјесме I, 215 № 302).

№ 38. Въ сборникѣ сербскихъ народныхъ пѣсенъ *Райковича* подъ № 251 (стр. 221) находится краткій варіантъ „Шокица": начало обычное у сербовъ (сунце дало меѣу горицата). Молодецъ Іово предлагаетъ дѣвушкѣ отравить брата; дѣвица говоритъ, что она попроситъ вилу собрать ядовитаго зѣлья:

Іа ѣу реѣи погоркиња вили
Да сабере од отрава биља,
Па ѣу свога брата отровати"—
—Курво, кучко, бијела Шокице...
Кад би свога брата отровала
И мене би млађака јунана.

Отравленіе не происходитъ. Пѣсня очень краткая и несомнѣнно, выродилась изъ пѣсенъ съ отравленіемъ.

№ 39. Въ сборникѣ *Мажуранича* „Hrvatske narodne piesme" I, стр. 152: „Солнце между горами, Юро между дѣвицами" и пр.—сходно съ сербскими. Въ половину сосуда налитъ змѣиный ядъ; долитъ виномъ. Братъ возвращается съ охоты. „Junak pije na zemlju se sruši". Юро отвергаетъ отравительницу:

Odi z Bogom mlajahna divojko,
Kad si svoga brata otrovala,
Kormo l'nebiš tudjega junaka.

Сербскіе варіанты, сравнительно съ моравскими, польскими и малорусскими, отличаются краткостью.

№ 40. Въ болгарской пѣснѣ—передаю ее въ переводѣ—Стоянъ склоняетъ красавицу Бояну къ уходу; но братъ не даетъ ее. Стоянъ совѣтуетъ Боянѣ отравить брата. „Я отравила бы, отвѣчаетъ Бояна, но нечѣмъ". Пойди въ глухое мѣ-

сто (*осой*), возьми двѣ змѣи, свяжи ихъ зеленымъ снуркомъ (гайтаномъ, собств. кантомъ) и повѣсь на зеленый яворъ: Яворъ будетъ цвѣсти, а ядъ капать. Нацѣди его въ чашку и дай брату напиться. Бояна такъ и поступила. Напился братъ яду (люта ракіа), упалъ съ коня (отъ коня падна) и ударился объ остріе сабли (*Миладиновъ* Бълг. нар. пѣс. 363—364).

№ 41. Въ другой болгарской пѣснѣ, неизданной въ печати, мотивъ о сестрѣ отравительницѣ получилъ такую своеобразную обработку: Турокъ хочетъ увезти дѣвицу: отецъ и мать ея согласны: братъ не согласенъ. Турокъ предлагаетъ отравить брата змѣинымъ ядомъ. По ошибкѣ дѣвица поднесла ядъ своему любовнику и горько о томъ сожалѣетъ.

№ 42. Въ сборникѣ македонскихъ болгарскихъ пѣсенъ *Верковича* (№ 317) родные мужа приготовляютъ ядовитое кушанье изъ двухъ змѣй и отравляютъ молодую и прекрасную замужнюю женщину Стану.

№№ 43—44. Пѣсни о сестрѣ отравительницѣ извѣстны латышамъ и литовцамъ. Въ литовской пѣснѣ изъ Трокскаго уѣзда Виленской губ.: "Ой на горѣ на высокой Аленушка ленъ таскала. Генералъ предлагаетъ А. уйти съ нимъ. А. говоритъ, что братъ не позволитъ. Генералъ предлагаетъ отравить брата. А. говоритъ, что у ней нѣтъ такого зѣлья. Генералъ совѣтуетъ сорвать въ саду ядовитую траву, сварить ее съ чаемъ, слить въ стаканъ и отнести въ свѣтлицу. Братъ умеръ. Генералъ побоялся жениться на отравительницѣ. Пѣсня оканчивается словами сестры: "нужно и мнѣ теперь нищенствовать и за братца молиться". (*Перетцъ* въ Кіев. Стар. 1892, VI, 466). Въ близкомъ литовскомъ варіантѣ братъ возвращается съ охоты; приготовленіе отравы буквально сходное. Упавъ съ коня, братъ проситъ сестру приготовить ему постельку; генералъ отказывается отъ женитьбы, и отравительница рада выйти и за нищаго (*Kolberg*, въ Zbiór wiadomości III 208—209). Послѣдняя подробность о нищенствѣ отвѣчаетъ тѣмъ малорусскимъ варіантамъ, гдѣ отравительница идетъ замужъ за нищаго. По описанію приготовленія яда, эта литовская пѣсня представляетъ очень близкій, мѣстами дословный варіантъ галицко-русской пѣсни № 9.

№ 45. Въ албанской пѣснѣ мужчина подговариваетъ дѣвушку извлечь изъ головы змѣи ядъ и въ смѣси съ виномъ отравить брата.

№ 46. Въ румынской пѣснѣ свекруха приказываетъ повару сварить три змѣиныхъ головы и отравить невѣстку; существуютъ сходныя новогреческія и италіанскія пѣсни (*Child* I. 156).

№ 47. Пѣсни о сестрѣ, отравившей брата, распространены и среди мадьяръ. Братъ носитъ имя Ивана. Отравительницей является не родная сестра, а золовка. Мать спрашиваетъ, гдѣ онъ былъ? О.—у золовки! В. Что ѣлъ? О.—Пятнистую жабу (въ вар. рака). Умирающій (Иванъ) оставляетъ матери горе, братьямъ быковъ и лошадей, сестрамъ домашнія вещи, золовкѣ—вѣчное проклятіе (*Child* I 154, II 499).

№№ 48—50. Въ нѣмецкихъ пѣсняхъ о „Schlangenköchin" сынъ (Генрихъ) на вопросы матери отвѣчаетъ, что онъ былъ у своей любовницы, ѣлъ пеструю рыбу (=змѣю), остатки которой далъ собакѣ, и собака издохла. Умирая, Генрихъ желаетъ своимъ родителямъ всего хорошаго, а отравительницѣ адскія мученія. Въ одномъ нѣмецкомъ вар. мать спрашиваетъ у сына, гдѣ постлать ему постель и получаетъ, отвѣтъ: на кладбищѣ. Въ варіантахъ отравительницей является бабушка или тетка. Подобнаго рода пѣсни записаны въ Швеціи и Даніи. Отравительницей является въ нихъ мачиха или тетка, жертвой—дѣвушка. Въ концѣ пѣсенъ обычныя благопожеланія роднымъ и проклятіе отравительницѣ (*Child* I 152—154).

№ 51. Сербо-лужицкая пѣсня объ отравленіи молодаго человѣка въ сборникѣ *Гаупта и Шмалера* (I, 110) представляетъ передѣлку германскихъ пѣсенъ и сходна съ ними даже въ мелочахъ.

№ 52. Уже въ концѣ XVIIв. въ Англіи были распространены баллады объ отравленіи брата. Около 20 варіантовъ издано въ послѣднее время въ превосходномъ сборникѣ Чайльда. Въ одномъ изъ лучшихъ варіантовъ фигурируетъ лордъ Рандаль и по его имени названы другія англійскія и шотландскія баллады этого рода. Всѣ баллады изложены въ діалогической

формѣ. Гдѣ ты былъ, мой сынъ?—спрашиваетъ мать. О. Въ лѣсу зеленомъ. В. Кого тамъ встрѣтилъ? О. Любовницу мою. В. Что она дала тебѣ? О. Зажаренную змѣю. В. Кому бросилъ остатки? О. Моимъ собакамъ. В. Что съ ними сдѣлалось? Поздыхали. Мать: Ты отравленъ, мой сынъ. Сынъ: Сердце болитъ. Далѣе идутъ вопросы матери, что сынъ завѣщаетъ своимъ роднымъ, и отвѣты, что онъ оставляетъ братьямъ и сестрамъ коней, быковъ, родителямъ горе и бѣдность, своей возлюбленной адскій огонь. Всѣ англійскіе и шотландскіе варіанты начинаются съ вопроса матери:

O where have you been, Lord Ronald, my son?... т. е. гдѣ ты былъ, мой сынъ (имя рекъ), далѣе съ повтореніемъ, гдѣ ты былъ мой красавчикъ? и затѣмъ слѣдуютъ отвѣты сына (*Child* 157—166, II 498, IV 498, VI 499 и VIII 449).

№ № 53—54. Существуетъ много италіанскихъ варіантовъ разбираемой пѣсни, причемъ древнѣйшіе слѣды ихъ восходятъ къ 1629 и 1656 годамъ. Мать спрашиваетъ сына, гдѣ онъ былъ? Онъ былъ у милой, отравленъ угремъ (змѣей), посылаетъ за врачомъ, умирая, оставляетъ матери дворецъ, братьямъ лошадей, сестрамъ приданное, любовницѣ висѣлицу (*Child* I 153). Встрѣчаются буквальныя совпаденія съ малорусскими пѣснями, напр. „el mio cuor sta mal“, „e la n'a dato m'anguila zostita“... Въ нѣкоторыхъ варіантахъ жена добываетъ изъ змѣи ядъ и пытается отравить мужа, по возвращеніи его съ охоты; но мужъ заставляетъ ее выпить отраву. Между нѣкоторыми италіанскими и галицко-русскими пѣснями обнаруживается замѣчательное, совпаденіе, на примѣръ:

Dove si stà jersira.
Xiglinol mio caro, fiorito e gentil?
Dove si stà jersir?
Son stà dalla mia dama;
Signora Mama, mio core sta mal [1]) (*Child* I 153).

Съ этимъ началомъ италіанской пѣсни совпадаетъ слѣд.:

Сыну Васильку, жалости мои,
Ой цы ходывъ ты къ вдовы на вечерыци,

[1]) Буквальный переводъ: Гдѣ ты былъ вчера вечеромъ, мой милый дорогой сынъ? Гдѣ ты былъ вчера вечеромъ? Я былъ у моей дамы, матушка, и мое сердце болитъ....

Ходивъ я, неньку, щире серденько. (*Голов.* II 584).

. . . . . .

Братъ ся пива напивае
За серце ся истискае (*Голов.* I 207).

Италіанскія пѣсни этого рода называются L' Avvelenato, т. е. отравленный. Любопытно совпаденіе по діалогической формѣ и по содержанію, доходящее до мелочей, напр. jersira (вчера вечеромъ) вполнѣ отвѣчаетъ лалорусскимъ вечерницамъ.

Вообще, италіанскіе варіанты имѣютъ замѣчательно большое сходство съ славянскими, напр., слѣдующій (Donna Lombarda) изъ Піемонта, напечатанный въ "Canti popolari del Piemonte" (1888 г.) *Игры* (передаю въ переводѣ на рус-языкъ). Полюби меня, милая ломбардка; "какъ мнѣ любить тебя, когда у меня мужъ"; отрави мужа; "укажи, какъ это сдѣлать".—Въ саду за домомъ есть змѣя, поймай ее, столчи и брось въ окно; когда мужъ возвратится съ охоты, дай ему вина. "Отчего, милая ломбардка, такое мутное вино?" (спрашиваетъ мужъ).—Вѣтеръ съ моря его помутилъ. Далѣе мужъ заставляетъ ее выпить вино, угрожая мечомъ. За первымъ глоткомъ у ломбардки измѣнился цвѣтъ лица, за вторымъ она позвала священника, а за третьимъ могильщика. Этотъ италіанскій варіантъ почти буквально совпадаетъ съ галицко-русскимъ подъ № 11.

Сравненіе варіантовъ, западно-европейскихъ и славянскихъ, показываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ одной пѣснью. Сходство варіантовъ настолько велико, что не представляется достаточнаго основанія для постановки теоріи о версіяхъ пѣсни. Можно намѣтить только такія особенности: въ западно-европейскихъ варіантахъ болѣе выдержана діалогическая форма пѣсни, въ славянскихъ она выдержана лишь въ весьма немногихъ варіантахъ, сохранена еще кое-гдѣ въ началѣ пѣсенъ и совсѣмъ потеряна въ концѣ. Крупнѣе другая особенность: въ европейскихъ варіантахъ обычны пожеланія умирающаго и роздача роднымъ имущества, въ славянскихъ—нѣтъ ни пожеланій, ни просьбъ, ни завѣщаній, если не считать проскальзывающей въ нѣкоторыхъ варіантахъ просьбы умирающаго позаботиться о его дѣтяхъ.

Обратимся къ болѣе детальному обзору мотивовъ пѣсни о сестрѣ отравительницѣ.

Относительно зачѣва нужно сказать, что въ славянскихъ варіантахъ нѣтъ опредѣленнаго зачѣва, а въ западно-европейскихъ установившимся пріемомъ начала пѣсенъ этого рода оказывается обращенный къ сыну вопросъ матери, гдѣ онъ былъ. Изъ славянскихъ варіантовъ сходство по зачѣву обнаруживается лишь въ сербскихъ (молодецъ между двумя дѣвицами) и отчасти великорусскихъ (струганье стружекъ, какъ символъ любви, на основѣ матеріальнаго характера)

Славянскіе варіанты начинаются съ того мотива, что дѣвица проситъ мужчину жениться на ней. Мѣсто дѣйствія первой ихъ встрѣчи—криницы въ полѣ, поле, лугъ, берегъ рѣки (Дуная въ № 21), во многихъ варіантахъ совсѣмъ не обозначается.

Соблазнитель въ малорусскихъ пѣсняхъ сербъ, армянинъ, вообще чужестранецъ или инородецъ; въ моравскихъ—гусары, вообще сторонніе люди; въ болгарскихъ и польскихъ также замѣтно такое обособленіе (турокъ № 41, подолянецъ №№ 33—34).

Отравительницей является въ западно-европейскихъ варіантахъ большею частью любовница, въ славянскихъ сестра; жертвой—любовникъ или братъ. Въ древнѣйшемъ италіянскомъ варіантѣ дѣвушка отравляетъ своего возлюбленнаго. Въ малорусскихъ, великор. и бѣлор. варіантахъ собственныя имена встрѣчаются рѣдко; въ галицко-русскихъ отравительница названа Параской, а жертва Иваномъ. Послѣднее имя усвоено моравскими и мадьярскими пѣснями. Въ западно-европейскихъ пѣсняхъ личныя имена обычны (Генрихъ, лордъ Рандаль, Тиранти).

Въ малор. вар. (№№ 16—19) обнаруживается тенденція вину преступленія перенести на мать дѣвушки; она дала яду.

Въ отраву въ громадномъ большинствѣ западно-европейскихъ и славянскихъ варіантовъ идетъ змѣя, иногда двѣ или три змѣи; въ одномъ галиц.-рус. съ добавленіемъ ящерицы; въ многихъ варіантахъ змѣя прямо не названа, а лишь подразумѣвается подъ „пестрой рыбой“; изрѣдка она замѣнена

жабой (мадьярскій варіантъ), иногда (вар. малор., англ.) упоминается отрава, безъ указанія, изъ чего она составлена. Въ одномъ малорусскомъ варіантѣ (№ 3) у змѣи болитъ голова, что отвѣчаетъ народному повѣрью, будто у змѣй всегда болитъ голова, вѣроятно, отъ присутствія въ ней яда. Въ нѣкоторыхъ варіантахъ (№ 26 и др.) сила яда характеризуется тѣмъ, что отъ капли загорается у коня грива.

Повѣрье о возможности отравленія змѣинымъ ядомъ раздѣляютъ многіе народы. Въ русской сказкѣ, записанной въ Терской области, колдунья даетъ такой совѣтъ: „пусть царица испечетъ хлѣбъ на змѣиномъ салѣ и дастъ его сыну: какъ только онъ съѣстъ его, такъ его и разорветъ на нѣсколько частей“ (*Сборн.* матер. для изуч. Кавказа VII, 144). Это повѣрье прочно держалось въ древней Россіи. Такъ, лѣтописецъ по поводу эпидеміи 1286 г. говоритъ слѣдующее: „Татаре многа зла сотвориша Русской землѣ, а же не мечемъ и не огнемъ, понеже Русь помогаху имъ, но чарами своими: иземше бо серце человѣческое мочаху въ ядѣ аспидномъ и полагаху въ водахъ и отъ сего воды вся въ ядъ обратишася и аще кто отъ нихъ піяше, абіе умираше, и отъ сего великій моръ бысть по всей Русской землѣ“! Въ кабардинской сказкѣ про Шшибадиноко всѣ нарты съ богатыремъ Сосруко во главѣ совѣщаются, какъ погубить Шшебадиноко: они налили въ чашу бѣлаго сане (вина?) и опустили туда три ядовитыхъ змѣи (*Сборн.* матер. для изуч. Кавказа XII, 34).

Весьма интересна одна подробность въ малор. (№№ 1—2) и болгар. (40) вар.: змѣю вѣшаютъ на дерево, чтобы ядъ стекалъ въ поставленный внизу сосудъ. У Лопарей существуетъ обычай вѣшать убитыхъ змѣй на дерево (*Харузинъ* 206). Въ дѣтствѣ я живалъ въ Малороссіи, въ мѣстности очень низменной и обильной змѣями. Припоминаю, что деревенскіе ребятишки за лѣто убивали много змѣй и почему-то вѣшали ихъ на деревѣ лентами. Случайная ли это игра дѣтей, или она вызвана какимъ-нибудь повѣрьемъ, отвѣчаетъ лопарскому обычаю и, быть можетъ, стоитъ въ связи съ разобраннымъ пѣсеннымъ мотивомъ—судить не берусь.

Въ нѣкоторыхъ варіантахъ обозначена посуда, въ малор. (1—2) коновочка, въ сербскихъ (37) кондиръ (т. е. чаша или бокалъ), большею частью склянка (10, 30, 43).

Приготовленіе яда въ иныхъ пѣсняхъ обойдено молчаніемъ, въ другихъ объяснено: простое извлеченіе изъ змѣиной головы (1—2), настой на хододной водѣ и пр. (9, 11). Тенденція къ объясненію приготовленія яда обнаруживается почти исключительно въ малорусскихъ пѣсняхъ.

Ядъ большею частью смѣшивается съ другимъ напиткомъ, чаще всего съ пивомъ (1—2, 7, 24), изрѣдка виномъ (30, 33), медомъ (23) или преподносится въ пирогѣ (11).

Братъ возвращается обыкновенно съ охоты (7, 34, 44, 53, 54), иногда съ дороги (1), чаще всего безъ обозначенія. Такъ какъ возвращеніе съ охоты встрѣчается въ пѣсняхъ разныхъ народовъ (малоруссовъ, поляковъ, латышей, италіанцевъ), то эту подробность нужно признать одной изъ наиболѣе древнихъ.

Въ одномъ малорусскомъ вар. (16) обнаруживается сначала любовная приворожба и потомъ слѣдуетъ отравленіе—очевидная амплификація, плохо мотивированная.

Дѣйствіе яда обнаруживается въ томъ, что братъ падаетъ съ коня (1, 33, 39, 40, 44), жалуется на боль въ сердцѣ (21, 36, 62, 53), измѣняется въ лицѣ (11, 36, 54).

Въ одномъ малорусскомъ варіантѣ (22) встрѣчается описательное выраженіе „никогда“, взятое изъ другихъ пѣсенъ, вѣроятно, изъ цикла пѣсенъ о смерти солдата (см. мою ст. въ Этнограф. Обозр. 1893, II).

Умирающій въ западно-европейскихъ варіантахъ высказываетъ послѣднюю свою волю; въ малорусскихъ удержалось (въ № 9) пожеланіе для отравительницы висѣлицы. Такое пожеланіе встрѣчается въ италіанскихъ и англійскихъ вар. Въ нѣмецкихъ, англійскихъ, шведскихъ и датскихъ для отравительницы оставлены адскія мученія.

Въ одномъ болгарскомъ вар. дѣвушка по ошибкѣ подноситъ ядъ любовнику (41).

Въ польской пѣснѣ (33) преступность сестры усилена той чертой, что братъ привезъ ей подарки.

Въ англійскихъ, германскихъ (и отрасли ихъ сербо-лужицкомъ) вар. умирающій проситъ мать постлать ему постель. Въ славянскихъ пѣсняхъ этотъ мотивъ встрѣчается изрѣдка (въ моравскихъ). Обращеніе умирающаго къ матери довольно обычно въ малорусскихъ пѣсняхъ (23).

Въ малор. вар. при смерти брата присутствуютъ односельчане (20)—оригинальная черта.

Отравительница въ немногихъ пѣсняхъ (10, 33) обнаруживаетъ раскаяніе.

Почти во всѣхъ варіантахъ соблазнитель отказывается отъ женитьбы на отравительницѣ.

Отравительница выходитъ замужъ за нищаго въ малор. и латышскихъ пѣсняхъ (3, 4, 5, 24, 43, 44), въ послѣднихъ, вѣроятно, въ зависимости отъ малорусскихъ.

Казнь отравительницы встрѣчается въ славянскихъ и западно-европейскихъ пѣсняхъ (9, 26, 33, 36, 53, 54): ее садятъ въ тюрьму, вѣшаютъ; братъ обезглавливаетъ ее (26) или только грозитъ казнью (53); сожигаютъ (10, 26).

Умершаго брата хоронятъ со звономъ въ нѣкоторыхъ польскихъ и моравскихъ варіантахъ (33, 36).

Есть намеки (напр. въ № 9) на пѣсни, сложенныя о сестрѣ отравительницѣ.

Пѣсни объ отравленіи змѣинымъ ядомъ издавна были популярны въ Европѣ. Онѣ легко переходили отъ одного народа къ другому. Пути ихъ движенія и распространенія переплетались, и опредѣлить ихъ въ настоящее время весьма затруднительно. Пѣсня первоначально возникла гдѣ-то въ западной Европѣ, быть можетъ, въ Италіи, гдѣ она циркулировала уже въ началѣ XVII в. Въ Малороссію пѣсни этого рода проникли, повидимому, разными путями и въ разное время. Самый интересный галицко-русскій варіантъ (№ 25) несомнѣнно идетъ прямо съ запада; онъ стоитъ въ ближайшемъ родствѣ съ мадьярскими, нѣмецкими и италіанскими пѣснями этого рода. Сходство простирается даже на мелочи. Другой любопытный галицко-русскій варіантъ (№ 9) стоитъ въ близкомъ родствѣ съ польскимъ (33) и моравскимъ (36). Третій галицко-русскій ва-

ріантъ (№ 11) вмѣстѣ съ моравскимъ (36) прямо примыкаетъ къ италіанскому (54). Въ виду того, что во многихъ малорусскихъ варіантахъ упоминается сербинъ, можно думать о посредствующемъ значеніи для нѣкоторыхъ малорусскихъ пѣсенъ сербскихъ варіантовъ, хотя въ извѣстныхъ въ печати сербскихъ пѣсняхъ этого рода не обнаруживается большого сходства съ малорусскими. Возможно, что „сербинъ“ попалъ случайно въ значеніи чужеземца вообще. Изъ Малороссіи пѣсни о сестрѣ-отравительницѣ легко могли проникнуть въ Великороссію, гдѣ къ нимъ приросъ новый запѣвъ, въ Бѣлоруссію, въ Литву. Великорусскія обработки въ искаженіи могли возвращаться въ Малороссію, и такимъ выродкомъ можно считать харьковскій варіантъ (№ 21). Въ малорусскихъ варіантахъ (№ 1—2) можно усмотрѣть вліяніе болгарскаго (40), по большому сходству полученія яда. Главный токъ шелъ, повидимому, съ запада чрезъ Чехію и Моравію къ южнымъ и восточнымъ славянамъ.

Вопросъ о происхожденіи цикла пѣсенъ объ отравленіи брата сестрой—вопросъ темный. Можетъ быть, мы подойдемъ къ его разрѣшенію, если пріймемъ во вниманіе, что въ сказкахъ разныхъ народовъ, сказкахъ весьма распространенныхъ, извѣстныхъ уже съ давняго времени, встрѣчается попытка матери отравить сына. Мать влюбляется въ великана, чудовище, чародѣя или просто сосѣдняго царя, убиваетъ мужа и хочетъ извести своего сына, который оказывается обыкновенно богатыремъ и мститъ потомъ матери и ея любовнику. Изъ сказокъ этотъ мотивъ проникъ въ повѣсти, напр., въ сѣверо-французскій романъ о Бовѣ Королевичѣ и его многочисленныя италіанскія передѣлки (*Веселовскій*, въ Ист. литер. Галахова, 453), равно какъ и въ русскіе переводы. Въ. старинномъ русскомъ переводѣ „прекрасная королева Милитриса, вшедъ въ королевскія палаты, начала мѣсить два хлѣбца своими руками на змѣиномъ салѣ въ пшеничномъ тѣстѣ“. Она послала эти хлѣбцы съ дѣвкой Бовѣ въ темницу; но дѣвушка пожалѣла Бову, бросила хлѣбы собакамъ; „и сколь скоро выжлецы хлѣбцы съѣли и скорпія того ихъ разорвало по макову зерну (*Памятн. древн.*

письм. 1879 I, 58). Припомнимъ, что въ нѣкоторыхъ славянскихъ варіантахъ братъ бросаетъ хлѣбъ собакамъ, которыя издыхаютъ. Извѣстно, что пѣсни жили въ тѣсномъ общеніи со сказками. Легко могло случиться, что сказочный или даже повѣствовательный мотивъ о матери отравительницѣ въ XIV или XV вѣкѣ получилъ въ западной Европѣ во Франціи и въ Италіи пѣсенную обработку съ замѣной сына и матери братомъ и сестрой. Этотъ мотивъ могъ распространяться въ устной словесности европейскихъ народовъ параллельно съ распространеніемъ сказки о Бовѣ Королевичѣ.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Отрывки изъ записокъ Автонома Акимовича Солтановскаго.[1]

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Печатая отрывки изъ записокъ А. А. Солтановскаго уже второй годъ и почти подходя къ окончанію ихъ, мы вынуждены теперь, благодаря нѣкоторымъ обстоятельствамъ, объяснится передъ читателями по поводу этихъ записокъ, или—лучше сказать—повторить въ цѣльномъ объясненіи то, что разновременно указано было нами въ примѣчаніяхъ къ нимъ.

Дѣло въ томъ, что въ послѣднее время мы получили по поводу этихъ записокъ нѣсколько писемъ, упрекающихъ насъ въ печатаніи матеріала, неправильно освѣщающаго теченіе событій и характеристику выводимыхъ лицъ. Упреки эти, какъ намъ кажется, вытекаютъ изъ неосновательнаго смѣшенія воззрѣній редакціи съ воззрѣніями автора записокъ. Между тѣмъ мы имѣли случай опредѣленно высказаться по этому вопросу, когда въ одномъ изъ примѣчаній къ запискамъ А. Солтановскаго (№ 6-й 1892 г., стр. 424) сказали: „мемуары—это такой матеріалъ, который имѣетъ цѣну даже при условіяхъ неточнаго и невѣрнаго освѣщенія фактовъ и лицъ, т. к. самое это освѣщеніе служитъ характеристикой и мемуариста, и—еще болѣе—того круга, въ какомъ онъ вращался, что является до извѣстной степени отголоскомъ общественныхъ настроеній“. Въ виду этого мы всегда помѣщаемъ тѣ факты, которые имѣются въ

[1] См. „Кіевская Старина“ 1893 г. № 9.

мемуарахъ, не измѣняя ихъ и только дѣлая поправки въ тѣхъ случаяхъ, когда намъ возможно провѣрить фактическую сторону сообщаемаго, а также оговаривая общія положенія, если чувствуемъ, что авторъ одностороненъ и своеобразенъ въ своихъ взглядахъ. И то, и другое нами было постоянно дѣлаемо при печатаніи мемуаровъ А. Солтановскаго. Такъ, по поводу стремленій его почти всѣ бѣды сваливать на польскую интригу, мы сдѣлали совершенно опредѣленную оговорку, сказавши, что это у автора составляетъ какую-то болѣзненную особенность (см. № 6, 1892 г, стр. 422 и 426; въ № 11-мъ 1832 г. стр. 235). Равнымъ образомъ, нами дѣлались всѣ фактическія поправки въ тѣхъ случаяхъ, которые мы могли провѣрить, какъ напр.: кіевскій и ровенскій періоды его воспоминаній. Поэтому, повторяя еще разъ, что редакція не можетъ отвѣтствовать за направленіе печатаемыхъ въ изданіи мемуаровъ такъ, какъ она должна отвѣтствовать за помѣщаемыя оригинальныя статьи, мы просимъ только всѣхъ интересующихся возстановленіемъ истинной передачи фактовъ сообщать намъ свои дополненія и поправки, особено если окажется что-либо извращеннымъ у автора мемуаровъ.

Городъ Маріамполь находится по перворазрядному петербургско-варшавскому шоссе отъ Сувалокъ въ 60 верстахъ. Первая почтовая станція—около колоніальной деревни Шиплишки, вторая почтовая станція—уѣздный городъ Кальварія и третья—уѣздный городъ Маріамполь. Кальварія и Маріамполь переполнены жидами, ведущими съ Пруссіей оживленную контрабанду. Въ Кальваріи имѣетъ свое мѣстопребываніе протестантскій Суперъ-Интендантъ. Я сказалъ, что Шиплишки колоніальная деревня. Сувалкскій, Кальварійскій, Маріампольскій и Владиславовскій уѣзды сувалкской губерніи наполнены такими деревнями и селеніями. Домы въ этихъ колоніяхъ тянутся по обѣ стороны дороги, по прямой линіи на три, четыре версты. Около каждаго дома все его хозяйство: и токъ, и садъ, и огородъ, и пахотное поле, и сѣнокосъ. Было время, когда предполагалось такимъ

образомъ заселить все царство Польское. Опытъ начатъ съ сувалкской губерніи: но почему-то, все дѣло пріостановилось, хотя колоніальное устройство крестьянскаго хозяйства имѣетъ за собою всѣ преимущества. Все у хозяина подъ рукою; за всѣмъ наблюдать легко, и не теряется попусту время на переходы къ пахотнымъ полямъ и сѣнокосамъ, часто отстоящимъ отъ усадьбы въ нѣсколькихъ верстахъ. Я прибылъ въ Маріамполь часа въ четыре. Остановился въ еврейской гостинницѣ и отправился пообѣдать въ кондитерскую. Начальнику Дирекціи Высочайшимъ указомъ предоставлены были обширныя права. Поэтому меня ожидали въ Маріампольской прогимназіи съ порядочнымъ страхомъ. Инспекторъ гимназіи старикъ Лянгри, человѣкъ умный и практическій, поручилъ знакомымъ телеграфировать о выѣздѣ моемъ изъ Сувалокъ въ Маріамполь, но никто не зналъ, куда я направлюсь, почему Лянгри не извѣстили телеграммой. Лянгри поручилъ мишуресамъ (прислужникамъ) во всѣхъ заѣзжихъ домахъ сейчасъ извѣстить его въ случаѣ моего пріѣзда. Когдая занялъ квартиру въ гостинницѣ, мишуресъ сейчасъ явился ко мнѣ съ записною книгой, требуя, чтобы по военному положенію, я внесъ въ книгу указанія: кто я? откуда и куда ѣду? Я отвѣчалъ ему по польски, что ночую у нихъ и завтра утромъ распишусь. Едва я расположился обѣдать за столомъ, вошелъ молодой человѣкъ высокаго роста, брюнетъ, съ усиками и сѣлъ противъ меня за столомъ обѣдать. Кондитерская стала пополняться офицерами, гренадерами Астраханскаго полка. Всѣ они оказались знакомыми брюнета. Завязался разворъ. Вдругъ одинъ изъ офицеровъ спрашиваетъ брюнета: „Что же вашъ сатрапъ еще къ вамъ не собрался?“—Ждемъ съ трепетомъ каждую минуту.—Зачѣмъ же такъ трепетать?“—замѣтилъ другой офицеръ.—Какъ зачѣмъ?—возразилъ брюнетъ:—его права надъ нами таковы: войдетъ въ классъ, окинетъ тебя взглядомъ; не понравилась физіономія—и убирайся вонъ!—„Это уже слишкомъ“, сказалъ одинъ изъ офицеровъ: „этого и у насъ не водится“. Изъ кондитерской я отправился посмотрѣть зданіе прогимназіи. Въ открытыя на площади двери входили и выходили ученики. Вошелъ и я. Прошелъ корридоромъ и вмѣстѣ съ учениками сталъ подыматься по лѣстницѣ на вто-

рой этажъ, откуда слышалось пѣніе костельныхъ пѣсенъ. Ученики торопливо стали сторониться, давая дорогу какому-то толстому старику, сходившему внизъ по лѣстницѣ. Посторонился и я. Старикъ, окинувъ меня глазами, и, видимо, принимая за кого-нибудь изъ родственниковъ одного изъ учениковъ, важно прошелъ мимо меня. На второмъ этажѣ происходили классы церковнаго пѣнія. Разспросивъ учениковъ о времени начала занятій въ классахъ и узнавъ отъ нихъ, что проходившій мимо меня старикъ—инспекторъ Лянгри, я въ сумерки возвратился на свою квартиру въ гостинницу. Подавая мнѣ самоваръ, мишурисъ опять сталъ меня допрашивать: „панъ у насъ еще никогда не останавливался, вѣрно ѣдетъ издалека". Я отвѣтилъ, что живу въ сейненскомъ уѣздѣ. „Панъ тамъ имѣетъ majątek?"—Да.—Жидъ успокоился. Значитъ, не начальникъ, не москаль. Утромъ, едва стало разсвѣтать, какъ зазвонили въ монастырѣ Маріановъ, а вслѣдъ за тѣмъ сталъ звонить гимназическій колокольчикъ. Мишурисъ принесъ самоваръ. Я сталъ одѣваться и видѣлъ черезъ площадь, какъ со всѣхъ сторонъ къ дверямъ прогимназіи потянулись ученики. Прибыли учителя и стали на площади строить въ рядъ учениковъ по классамъ. Наконецъ вышелъ Лянгри, и ученики потянулись мимо гостинницы въ направленіи къ волковишско-кабартскому шоссе. Вошедшій мишурисъ объяснилъ мнѣ, что они идутъ на мшу въ монастырь Маріановъ, который расположенъ далеко отъ прогимназіи на концѣ города; что ходятъ туда каждое утро молиться, не смотря ни на какую погоду. Я вручилъ мишурису записку и поручилъ ему догнать инспектора и передать ее ему. Мишурисъ сказалъ, что сейчасъ нельзя, что это можно сдѣлать, когда будутъ возвращаться изъ костела. Тогда я объявилъ мишурису, что я начальникъ дирекціи. Мишурисъ бросился съ запискою со всѣхъ ногъ. Вслѣдъ за тѣмъ послышался топотъ, и ученики бѣглымъ шагомъ, имѣя впереди тучнаго Лянгри, пронеслись въ зданіе прогимназіи. Минутъ черезъ пять уже представлялся мнѣ въ мундирѣ, весь запыхавшійся и раскраснѣвшійся, Лянгри. Я его обласкалъ, порасспросилъ обо всѣхъ ихнихъ порядкахъ, и мы отправились въ прогимназію. На ниж-

немъ этажѣ направо дверь вела въ 3-ій классъ. Мы вошли. Передъ нами, у доски, назначая урокъ, стоялъ вчерашній брюнетъ. Онъ узналъ меня, поблѣднѣлъ, затрясся и выпустилъ изъ рукъ мѣлъ. Я подошелъ къ нему, подалъ ему руку, сталъ ласково его распрашивать, и, занявши на ученической скамьѣ мѣсто, просилъ его продолжать урокъ. Онъ скоро оправился и очень толково назначилъ урокъ и затѣмъ сталъ спрашивать учениковъ. Прежде всего онъ заставилъ двухъ или трехъ передѣлать назначенный имъ урокъ. Это мнѣ очень понравилось, я изъявилъ ему свое удовольствіе. Учитель весь просіялъ. Это былъ учитель математики Т-ій, получившій воспитаніе въ Царствѣ Польскомъ, но хорошо усвоившій себѣ русскій языкъ, на которомъ онъ разговаривалъ съ офицерами въ кондитерской. Около десяти часовъ явился въ прогимназію законоучитель ксендзъ Ч—ъ, монахъ—генералъ ордена Маріановъ. Ему было не болѣе 28 лѣтъ. Онъ изъ крестьянской литовской семьи. Родители его живутъ въ одномъ изъ селеній маріампольскаго уѣзда. Ч—ъ кончилъ академію, весьма умный и симпатичный человѣкъ. Послѣ смерти генерала, онъ единогласно избранъ былъ на мѣсто покойнаго капитуломъ, въ которомъ было нѣсколько старыхъ монаховъ изъ важныхъ титулованныхъ польскихъ фамилій. Это лучше всего рекомендуетъ умъ и характеръ Ч—а. Въ инспекторской Лянгри и Ч—у я заявилъ, что прогимназія—заведеніе свѣтское, и потому, достаточно ученикамъ посѣщать костелъ въ воскресные и праздничные дни. Что ежедневное посѣщеніе костела, отстоящаго отъ прогимназіи далеко, въ зимнее время можетъ имѣть вредное вліяніе на здоровье учениковъ и, сверхъ того, обременяя дѣтей, можетъ сдѣлать ихъ равнодушными къ религіи. Ч—ъ возразилъ, что это такой издавна обычай; что въ прогимназіи большинство—дѣти литвиновъ крестьянъ, и что многіе изъ нихъ по желанію родителей изъ 7-го класса поступаютъ въ сейненскую духовную семинарію. Я отвѣчалъ, что имъ тогда и время и необходимость будетъ въ посѣщеніи частомъ костела, такъ какъ семинарія—духовно-учебное заведеніе, спеціально приготовляющее однихъ пастырей. Ч—ъ объявилъ: я согласенъ, пусть ограничатся праздничными и воскресными днями. Я за-

мѣтилъ, что вполнѣ увѣренъ, что Ч—ъ мое предложеніе не смѣшаетъ съ поползновеніемъ на притѣсненіе католической религіи, чего у меня и въ умѣ не можетъ быть, и что противорѣчило бы требованіямъ правительства. Онъ заявленіемъ моимъ остался доволенъ. Впослѣдствіи, при содѣйствіи инспектора Терновскаго, когда прогимназія была преобразована въ гимназію, мнѣ удалось убѣдить Ч—а читать З. Божій или на языкѣ большинства учениковъ—литовскомъ, или на языкѣ государственномъ. Ч—ъ сначала сталъ читать по литовски, производя объясненія на русскомъ языкѣ, а потомъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что литовскій языкъ понятенъ не для всѣхъ учениковъ, продолжалъ чтеніе на языкѣ русскомъ. Примѣръ его далъ мнѣ возможность ввести чтеніе З. Божія на русскомъ языкѣ. Литовскіе крестьяне охотно опредѣляютъ своихъ дѣтей въ учебныя заведенія. У нихъ существуетъ родъ майоратства. Старшій сынъ наслѣдуетъ отъ отца все наслѣдство. Другіе, если имѣютъ охоту и способности, поступаютъ въ учебныя заведенія, затѣмъ нѣкоторые въ семинарію и служатъ чиновниками или пастырями. Неспособные же просто служатъ или у старшаго брата или у чужихъ батраками. Успѣхи въ маріампольской гимназіи были выше успѣховъ въ Сувалкской гимназіи. Это произошло отъ незначительнаго участія маріампольской прогимназіи въ революціи. Въ банды пошло только нѣсколько поляковъ, дѣтей служащихъ правительству чиновниковъ, и то они были взяты поголовно жандармами-вѣшателями. Литовскіе крестьяне своихъ дѣтей не пускали въ лѣсъ, и Лянгри имъ въ этомъ содѣйствовалъ всѣми мѣрами. Когда въ Маріамполь являлись вербовщики, побуждая молодежь пистолетами и кинжалами идти въ банды, Лянгри болѣе взрослыхъ учениковъ пряталъ на гимназическомъ чердакѣ, въ голубятникѣ, и по ночамъ только самъ приносилъ имъ пищу, боясь довѣрять сторожамъ, чтобы не выдали. Лянгри былъ хорошій патріотъ; но, во первыхъ, не вѣрилъ въ успѣхъ возстанія, во вторыхъ, полагалъ, что грѣшно втягивать въ такое дѣло учащуюся молодежь. Онъ самъ разсказывалъ, что не столько боялся кинжальщиковъ, которые на часъ только налетали на городъ,

сколько начальниковъ уѣзднаго и особенно жандармскаго, которые главенствовали въ революціонной организаціи маріампольскаго уѣзда. Не только литовскіе крестьяне, но вообще крестьяне всего Царства Польскаго, и поляки и русины-уніаты, не сочувствовали возстанію. Ихъ гнали насильно. Добровольно поступала только панская и ксендзовская прислуга. Литовскіе крестьяне, весьма зажиточные, вслѣдствіе маіоратной системы, имѣютъ прекрасныхъ, рослыхъ лошадей, весьма дорого стоющихъ. Они закапывали свои деньги и цѣнности въ землю, а лошадей прятали, пересылая съ мѣста на мѣсто, при приближеніи банды. Одни только евреи, ловя рыбу въ мутной водѣ, вполнѣ сочувствовали революціи. Въ бандахъ они по своей трусости не участвовали, но давали повстанцамъ деньги, шпіонили, доставляли изъ-за границы контрабандой оружіе, свинецъ и порохъ. Были между ними такіе артисты, которые въ одно и то же время служили шпіонами и полякамъ, и русскимъ. Много ихъ за свои продѣлки попало на висѣлицу. По разсказамъ жандармскіе уѣздные начальники-поляки и нижніе жандармскіе чины-поляки знали о долженствовавшей произойти рѣзнѣ русскихъ съ 10-го на 11 января 1863 года. Жандармы пѣли въ костелахъ, лежали кржыжемъ, а нижніе чины передали при разныхъ случаяхъ свое оружіе повстанцамъ. Правительство въ нѣсколькихъ случаяхъ заподозрило жандармовъ-поляковъ и поспѣшило замѣнить ихъ русскими, предоставивъ уволь-ненным ъ и офицерамъ и нижнимъ чинамъ пансіонъ. Я засталъ курьера въ Плоцкой Дирекціи, отставнаго жандарма-поляка. Онъ получалъ пенсію въ треть 12 р. и жалованье по своей должности. Уволенъ онъ послѣ того, какъ, объѣзжая свой участокъ, былъ въ одномъ мѣстѣ окруженъ повстанцами, которые отняли у него коня и оружіе, а самого, какъ поляка, отпустили во-свояси. Общій голосъ указывалъ, что бойкая, молодая жена его, посѣщавшая на разсвѣтѣ ежедневно монастырь, съ согласія мужа предупредила ксендзовъ о его выѣздѣ изъ Плоцка и договорилась о порядкѣ его обезоруженія. Муравьевъ поручилъ генералу, Никол. Степ. Ганецкому, пройтись по лѣсамъ сувалкской губерніи и выбить оттуда банды, врывавшіяся черезъ Нѣманъ

въ сѣверозападный край. Небольшой русскій отрядъ, состоявшій изъ пѣхоты, козаковъ и одной пушки, провѣдалъ о бандѣ, скрывавшейся въ лѣсахъ помѣщика Годлевскаго, расположенныхъ между Ковно и Маріамполемъ. Эта банда такъ ловко увиливала отъ русскихъ, имѣя повсюду шпіоновъ, что отрядъ дня три путалъ напрасно по лѣсу. Молодой лѣсной сторожъ нѣмецъ предложилъ свои услуги указать мѣстопребываніе банды. Онъ просилъ только, чтобы его одѣли по военному, вооружили и помѣстили въ ряды солдатъ, и затѣмъ, чтобы онъ до окончанія возстанія съ молодой женой у двумя дѣтьми могъ оставаться и питаться при отрядѣ. (Цивилизованные нѣмцы: помѣщики, пасторы, купцы, фабриканты были на сторонѣ повстанцевъ; но простонародіе, съ которымъ повстанцы обращались жестоко,—при случаѣ женщинамъ обрѣзывали носъ, груди, уши, а мужчинъ насильно брали въ банды,—было на сторонѣ правительства). Одну изъ родственницъ жены лѣснаго сторожа въ ковенской губерніи повстанцы изнасиловали, повыдергали косы, обрѣзали груди и нагую повѣсили за ноги внизъ головою на деревѣ, Она была своевременно снята родными съ дерева и осталась въ живыхъ. Но лѣсной сторожъ поклялся мстить повстанцамъ. Онъ навелъ русскій отрядъ на банду такъ неожиданно, что банда была моментально разбита и разсѣяна. Нѣмца въ рядахъ солдатъ никто не узналъ. Но маріампольскій жандармскій начальникъ скоро открылъ виновника пораженія банды. Жондъ приговорилъ его къ смерти. Нужно было только достать его изъ русскаго отряда. И вотъ кальварійскій судъ прислалъ въ отрядъ повѣстку нѣмцу, чтобы онъ въ назначенный срокъ явился въ означенный судъ въ качествѣ свидѣтеля о порубкѣ кѣмъ-то лѣса у помѣщика Годлевскаго. Нѣмецъ, конечно, не явился. Судъ посредствомъ уѣзднаго маріампольскаго начальника требуетъ его выдачи и отправки въ судъ. Начальникъ отряда отказался выдать полиціи нѣмца. Тогда въ отрядъ является съ двумя жандармами жандармскій уѣздный маріампольскій начальникъ и убѣждаетъ начальника отряда не противиться закону, отпустить съ нимъ нѣмца въ судъ. Жандармскимъ честнымъ словомъ онъ ручается возвратить его въ от-

рядъ послѣ трехъ сутокъ невредимымъ. Нѣмца, не смотря на его и жены его слезы, передали жандармамъ. Жандармскій начальникъ при отношеніи передалъ его уѣздному начальнику, указавъ въ отношеніи, что такъ какъ повстанцы готовы покуситься на жизнь нѣмца, а между тѣмъ онъ на честное жандармское слово отпущенъ изъ отряда, то въ Кальварію нѣмца слѣдуетъ отпустить не иначе, какъ подъ крѣпчайшимъ карауломъ, Въ сумерки шесть человѣкъ караульныхъ, вооруженныхъ палками, повели нѣмца въ кальварію. На дорогѣ есть небольшая липовая рощица, а близъ нея корчма. Караульные пожелали зайти въ корчму. Нѣмецъ настаивалъ продолжать путь; но его не послушали. Нѣмецъ едва вошелъ въ корчму, какъ изъ другой горенки вышли шесть жандармовъ-вѣшателей. Оторопѣвшій и обезумѣвшій отъ страха нѣмецъ бросился въ топившуюся печь. Его удержали, раздѣли до нага, истязали, сняли съ плечъ кожу, вынули сердце и понесли въ липовую рощу, гдѣ и повѣсили на деревѣ, прибивъ гвоздями къ спинѣ повѣшеннаго декретъ народоваго жонда. Уѣздный и Жандармскій начальникъ поспѣшили по своему донести объ этомъ происшествіи. Но военное вѣдомство подняло слѣдствіе, и жандармскій и уѣздный начальники переведены были въ другія мѣста Царства Польскаго. Слѣдствіе продолжалось до самой смерти обоихъ этихъ начальниковъ, и за ихъ смертью было прекращено.

Законоучитель начальн. католич. сувалк. училища, молоденькій викарій Ф—ій и учит. этого училища, пожилой человѣкъ С—ій, по отзыву начальства, считались неблагонадежными. С—ій былъ однимъ изъ сборщиковъ податей для Жонда, и нажилъ себѣ деньги и порядочный домъ. Подати собиралъ со всѣхъ, и даже съ евреевъ. С—ій мнѣ прямо заявилъ, что онъ никогда не училъ дѣтей русскому языку и учить не будетъ. Польскимъ дѣтямъ этотъ языкъ чужой и совсѣмъ не нужный. Конечно, я его постарался скоро удалить отъ должности. Онъ въ городѣ пользовался между поляками всѣхъ слоевъ большимъ значені-

емъ. Совѣтники губернскаго правленія и члены гражданскаго трибунала были съ нимъ за панибрата. При новомъ учителѣ, который изъявилъ готовность преподавать всѣ предметы на русскомъ языкѣ, въ томъ числѣ и З. Божій, мнѣ удалось наконецъ удалить изъ этого училища и викарія Ф—аго. Разъ послѣ обѣда я зашелъ въ училище, желая послушать его преподаваніе. Въ училищѣ стоялъ страшный шумъ. Учитель, воспользовавшись приходомъ на урокъ Ф—аго, вышелъ по своимъ дѣламъ. Ф—ій же, указавъ ученикамъ по книжкѣ къ слѣдующему уроку, тоже вышелъ. Ученики, оставшись безъ надзора, зашумѣли. На вопросъ—гдѣ ксендзъ, одинъ бойкій десятилѣтній мальчуганъ брякнулъ: пошелъ до „паненокъ". И всѣ ученики, подмигивая одинъ другому, стали улыбаться. „До какихъ паненокъ?" спросилъ я.—А вотъ живутъ рядомъ, во второмъ этажѣ.—„Онъ каждый урокъ ходитъ къ нимъ?"—Каждый, отвѣчали ученики: назначитъ по книжкѣ, что выучить, да и идетъ до паненокъ.—Я послалъ за Ф—имъ. Онъ прибѣжалъ весь красный, распотѣвшій, съ волосами, прилипшими къ вискамъ, и сталъ извиняться, что на минуту только забѣжалъ къ кузинѣ отдать письмо. Я предложилъ ему слушать урокъ. Онъ взялъ въ руки книжку и, читая вопросъ то тому, то другому ученику, слѣдилъ за его отвѣтомъ по книжкѣ. Если ученикъ передавалъ ему отвѣтъ вполнѣ вѣрно своими словами, Ф—ій говорилъ ему: Не!—и читалъ отвѣтъ изъ книжки. На предложеніе мое назначить слѣдующій урокъ, онъ прочиталъ его изъ книжки и не прибавилъ ни одного объясняющаго слова. Между тѣмъ явился учитель и сказалъ мнѣ, что въ сосѣдствѣ съ училищемъ помѣщается публичный домъ. На другой день я уволилъ Ф—скаго отъ должности и о его поведеніи и преподаваніи сообщилъ епископу Г—фу Лубенскому, а при содѣйствіи военнаго начальника Август. Отдѣла успѣлъ удалить публичный домъ.

Въ Волковышск. уѣздѣ я засталъ слѣд. училища: 1) Волковышск. католич. (1802), 2) Волковышск. Еванг. (1833 г.) 3)

Вержболов. католич. (1807) 4) Вержболов. Еванг. (1850 г.) 5) Выштинецкое католич. (1552) 6) Посвонское католич. (1839) и 7) Посвон. Еванг. (1850).

Я первый разъ объѣзжалъ начальныя училища въ сопровожденіи бухгалтера дирекціи, литвина, который служилъ мнѣ переводчикомъ въ литовской мѣстности. Часа въ 3 послѣ обѣда весною 1865 г. мы подъѣзжали къ селенію-колоніи—Посвонь. Солнце ярко свѣтило, и было до вольно тепло. Далеко вдали потянулась колонія Посвонь, а предъ нами съ правой стороны на большомъ холмѣ, поросшемъ соснами, стоялъ костелъ на самомъ верху, а кругомъ его между сосенъ виднѣлись кресты—это было приходское кладбище. Во всей литовской мѣстности мнѣ весьма часто встрѣчались костелы и вокругъ нихъ кладбища на холмахъ, поросшихъ соснами. У подошвы холма въ Посвони стоялъ порядочный домикъ. Налѣво отъ дороги, саженяхъ во ста отъ костела и кладбища, ближе къ колоніи, виднѣлся большой фольварокъ. Людей нигдѣ никого не было видно, и потому не у кого было спросить, гдѣ училищный домъ. Бухгалтеръ побѣжалъ къ домику у подошвы холма, полагая найти тамъ костельнаго сторожа. Но сейчасъ-же воротился и доложилъ, что это и есть училищный домъ. Я отправился туда. Когда мы отперли дверь въ теплыя сѣни, то оттуда понесло вонью свинаго хлѣва и послышалось хрюканье. Бухгалтеръ, ступившій въ сѣни ногою, загрязъ почти по колѣни въ вонючей грязи. Въ середину оказалось проникнуть весьма труднымъ. Я обошелъ кругомъ домъ. На одной его половинѣ я сквозь окна увидѣлъ скамейки, классную доску, распятіе на стѣнѣ и штукъ сорокъ индѣекъ, а также множество гусей и гусенятъ. На другой его половинѣ, вѣроятно служившей нѣкогда жилищемъ учителю, помѣщался курятникъ, гдѣ, кромѣ множества куръ, цыплятъ, были утки. Въ спискѣ училищъ, полученномъ мною изъ Правит. коммиссіи, въ Посвони значился попечителемъ, законоучителемъ и учителемъ мѣстный администраторъ ксендзъ Игнатій Бученевскій. Повсемѣстно попечителями и законоучителями начальныхъ училищъ были мѣстные ксендзы. Въ нѣкоторыхъ же училищахъ въ одномъ ксендзѣ сосредочивались всѣ три должности: и по-

печительская, и законоучительская, и учительская. За каждую изъ этихъ должностей полагалось денежное вознагражденіе, которое, по раскладкамъ, утвержденнымъ губернскимъ правленіемъ, собиралось со всѣхъ жителей города, мѣстечка или гмины безъ исключенія. Въ раскладку включались всѣ гражданскіе чиновники, въ томъ числѣ и губернаторы. Иногда пробощъ или администраторъ считался только попечителемъ, а законъ Божій преподавалъ викарный ксендзъ. Гимназіи и прогимназіи были вполнѣ въ рукахъ своихъ капелланов, начальныя училища—въ рукахъ прочаго духовенства. На должности капелланов назначались лица образованныя и по большей части принадлежавшія къ ордену іезуитовъ. Они сдѣлали свое дѣло. Цѣлыя поколѣнія, прошедшія черезъ стѣны гимназій и прогимназій, навсегда остались врагами русскаго правительства, русскаго народа, православія и всего русскаго. Во время повстанія эти заведенія послали много бойцевъ въ ряды бандъ, главный контингентъ которыхъ состоялъ изъ лицъ, получившихъ воспитаніе въ этихъ заведеніяхъ. Прочее же духовенство, по разнымъ причинамъ, по своей распущенности, лѣни, малообразованности, жадности, пренебреженію къ простому народу и дружбѣ съ панами, притѣснявшими мужиковъ,—не съумѣло воспользоваться тѣмъ положеніемъ, которое создано было для него руками русскаго правительства, служившаго въ этомъ случаѣ орудіемъ ловкой польской интриги. Духовенство не успѣло внушить народу посредствомъ воспитанія вражды къ русскому правительству. Наканунѣ самой революціи оно спохватилось; но для пропаганды избрали не школу хлопскую, а таинство исповѣди, и старались особенно дѣйствовать на женщинъ, запугивая ихъ, что москали хотятъ всѣхъ католиковъ обратить въ схизму и дѣтей ихъ забрать въ солдаты и загнать въ Сибирь. Не знаю, какъ могъ терпѣть такой порядокъ воспитательнаго дѣла въ царствѣ его строгій намѣстникъ князь Варшавскій Паскевичъ. Или онъ не придавалъ этому никакого значенія, разсчитывая усмирить силою всякую революціонную попытку, или онъ былъ въ еденъ въ обманъ недалекими лицами, занимавшими мѣста попечителей Варшавскаго учебнаго округа, а также іезуитскими пріемами ксендзовъ.

Каждый ученикъ гимназіи, прогимназіи и начальнаго училища долженъ былъ также твердо, какъ *Отче Нашъ*, знать катехизисъ *o czci Cesarza*. Визитатору сейчасъ же тыкали въ носъ отвѣтъ учениковъ изъ этого катехизиса и пускали въ ходъ увѣренія о своей преданности и преданности учащихся Najjaśniejszemu Panu. Русскій недалекій визитаторъ удовлетворялся этимъ, находилъ, что духовенство хорошо руководитъ школами, и въ такомъ духѣ писалъ отчетъ о своихъ визитаціяхъ. Полякъ же визитаторъ видѣлъ все въ настоящемъ свѣтѣ и по мѣрѣ силъ старался заставить лѣнивое духовенство усерднѣе приняться за дѣло. Разсказывали мнѣ, что попечителя Варшавскаго округа, Муханова, на всѣ манеры обманывали. Такъ какъ ему часто приходилось, благодаря довѣрчивости, попадать въ просакъ и получать нахлобучки, то онъ пересталъ, наконецъ, довѣрять окружавшимъ его чиновникамъ полякамъ. Когда ему докладывали о чемъ нибудь съ указаніемъ рѣшенія дѣла, то онъ сталъ класть резолюціи, прямо противоположныя докладу. Чиновники сейчасъ смекнули въ чемъ дѣло и стали ему докладывать какъ разъ наоборотъ желаемому. Мухановъ, оставаясь вѣрнымъ принятой имъ методѣ, клалъ резолюціи согласно съ настоящими цѣлями поляковъ.

Отыскавши училищный домъ, мы двинулись далѣе искать учителя, ксендза Бученевскаго. Остановившись у воротъ фольварка, мы подозвали проходившаго мимо батрака, и мой спутникъ спросилъ его, гдѣ живетъ пробощъ, гдѣ пробство. Это и есть пробство, отвѣтилъ батракъ. Оставивъ бухгалтера у повозки, я пошелъ съ батракомъ въ главный домъ. Предъ домомъ стоялъ изящный фаэтонъ, запряженный четверней. Кучеръ и лакей въ ливреѣ. Около дома стоялъ флигель. Далѣе еще какія то службы, далѣе сараи и амбары, гумна и, наконецъ, огородъ и садъ. По двору сновала прислуга, мужчины и женщины. Оставивъ въ прихожей пальто верхнее, я въ легкомъ пальто, которое закрывало вицмундиръ, вошелъ въ гостинную направо. Въ передней изъ-за дверей налѣво слышались женскіе голоса и смѣхъ. Минуты черезъ три въ гостинную вбѣжалъ раскраснѣвшійся молодой ксензъ и спросилъ, что мнѣ нужно. Я отвѣчалъ, что

имѣю дѣло къ пробощу. Подождите, пробощъ теперь прочитываетъ вечернія молитвы; я ему скажу о васъ. Минутъ черезъ десять въ передней послышались шаги, женскіе и мужскіе голоса и смѣхъ. Я догадался, что уѣзжаютъ гости, вѣроятно посѣщавшіе какую-нибудь сестру или родственницу ксендза, и подошелъ къ окну, уставленному горшками съ цвѣтами. Изъ передней выпорхнули двѣ элегантныя молодыя дамы. Около одной бочкомъ семенилъ и смѣялся ксендзъ, лѣтъ за 50; а около другой—уже видѣнный мною молодой ксендзъ. Не допустивъ лакея, ксендзы усадили дамъ въ экипажъ и отошли на крыльцо. Дамы, уѣзжая, оглядывались и посылали ксендзамъ воздушные поцѣлуи. Старикъ ксендзъ махалъ имъ темнымъ клѣтчатымъ платкомъ. Сдѣлавъ какія то распоряженія прислужникамъ, старикъ вошелъ въ гостинную, имѣя въ одной рукѣ серебряную табакерку, а въ другой темный носовой платокъ. Какъ то стороною взглянувъ на мое старое пальтишко, Бученевскій прошелъ къ столу и, не оглядываясь, спросилъ пренебрежительно: czego pan potrzebuje?—Я начальникъ Учебной Дирекціи, прибылъ ревизовать ввѣренное вамъ училище.—При этомъ я разстегнулъ пальто и обнаружилъ вицмундиръ. Какъ на винтѣ повернулся Бученевскій и, отвѣшивая низкіе поклоны, приблизился ко мнѣ и поклонился низко еще разъ, хватая руками мое колѣно: Ach jaśny panie! Какъ я счасливъ васъ видѣть. Мы и ждали и не ждали васъ. Думалось, послѣ праздниковъ. Я и дѣтей уже распустилъ по домамъ; но ихъ можно будетъ къ завтрему собрать. Ксендзъ викарій! ксендзъ викарій, заоралъ онъ, бросаясь въ боковую дверь. Скорѣе зовите Шимона, скорѣе подавать самоваръ. Я объявилъ Бученевскому, что ночевать не имѣю времени, что за чай благодарю—не буду пить; что онъ не вправѣ былъ такъ рано отпустить на праздники учениковъ; что нечего дѣлать, въ другой разъ познакомлюсь съ его учениками, а теперь желаю осмотрѣть училищное помѣщеніе. Оно очень далеко отсюда, возлѣ кладбища! отвѣчалъ Бученевскій. Ничего,—пойдемъ!—

Ксендзъ викарій! ксендзъ викарій! опять заметался Бученевскій: Шимона! ключъ отъ училища. Бученевскій, наконецъ, самъ побѣжалъ искать ключъ. Спустя нѣсколько минутъ онъ

заявилъ, что ключъ гдѣ то запряталъ органистъ, а самъ пошелъ провожать учениковъ въ колонію. Я настоялъ, чтобы осмотрѣть хоть снаружи училище. Бученевскій первый подскочилъ къ дверямъ училищнаго дома и, будто силясь ихъ отпереть, заявилъ: авось не заперты! Нѣтъ, нѣтъ! нельзя отпереть! Я подошелъ къ окну и сказалъ ему: смотрите, да вѣдь училище полно учащимися, всѣ скамейки ими заняты".—Не можетъ быть! сказалъ Бученевскій, смотря въ окно. Какъ же это ихъ заперъ органистъ! Правда, правда, много народа! продолжалъ Бученевскій, считая меня близорукимъ, и думая какъ-нибудь извернуться, хотя уже два раза солгалъ, заявивъ разъ, что ученики распущены на праздники, а другой разъ—будто органистъ пошелъ ихъ провожать въ колонію. А знаете, Господинъ Начальникъ, залебезилъ онъ около меня. У насъ есть ученики, которые хорошо читаютъ по русски. Я всегда въ училищѣ придавалъ большое значеніе русскому языку. Но бухгалтеръ, которому я подмигнулъ, прервалъ рѣчь Бученевскаго, сказавъ, что дѣйствительно весь классъ наполненъ народомъ, но только индючьимъ. А, такъ вы опекаете индюковъ и ихъ обучаете! замѣтилъ я. Попеременно Бученевскій то блѣднѣлъ, то багровѣлъ и сдѣлался молчаливымъ. Бухгалтеръ отперъ дверь въ сѣни. „Вѣдь дверь не заперта"—сказалъ я. Оттуда выскочили нѣсколько свиней. „Г. Бученевскій, прошу васъ въ теченіе недѣли убрать изъ училища свиней, индюковъ, куръ и утокъ, училищный домъ вычистить и выбѣлить и по исполненіи этого донести мнѣ рапортомъ. Не прощаясь съ Бученевскимъ, я сѣлъ въ подъѣхавшую нейтычанку и уѣхалъ. Къ пасхѣ я освободилъ Бученевскаго отъ всѣхъ трехъ его должностей и назначилъ туда особаго учителя, который обязанъ былъ преподавать и З. Божій. Отъ него я послѣ узналъ, что въ училищномъ домѣ никогда не происходило ученія; что нѣсколько дѣтей обучалось за условленную плату въ квартирѣ органиста, и, что въ случаѣ визитацій, а визитаторы обыкновенно ночевали у Бученевскаго, изъ колоніи приглашали нѣсколько юношей, учившихся въ Маріампольской прогимназіи, и заставляли ихъ читать по-русски и рѣшать ариѳметическія задачи. Вотъ вслѣдствіе какихъ

причинъ училище Бученевскаго въ глазахъ визитаторовъ стояло выше другихъ училищъ.

Въ Владиславовскомъ уѣздѣ я нашелъ слѣдующія 11 училищъ: 1) Владислав. Католич. (1802); Владисл. Еванг. (1802); 3) Шаки Еванг. (1802); Судорга Кат. (1847); 5) Судорга Еванг. (1859); 6) Гришкибуда Катол. (1840); 7) Лукше Катол. (1816); 8) Сынтовты Кат. (1839); 9) Гелгудышки Кат. (1833); 10) Гелгудышки Еванг. (1833) и 11) Словики Кат. (1846). Словики—колоніальная колонія возлѣ самой прусской границы. Костелъ съ кладбищемъ на холмѣ, покрытомъ соснами, и у подножья холма училищный домъ, а по другую сторону холма плебанія, т. е. обширный, прекрасно обставленный фольварокъ, все это саженяхъ въ 60-ти отъ пограничнаго столба и рва, по дну котораго сочится какая-то рѣченка. Подъѣзжая, мы сейчасъ же признали училищный домъ; но были удивлены тѣмъ, что крыша его не была ничѣмъ защищена отъ дождей и снѣга. Заглянулъ я въ окно—классная пустая комната. Входимъ въ сѣни. Входная дверь сорвана съ петель и только приставлена къ дверямъ. Отворяю дверь налѣво, гдѣ должна быть квартира учителя, мнѣ представляется слѣдующее зрѣлище: довольно просторная комната съ развалившимся очагомъ безъ всякой утвари и рухляди. Посреди комнаты тлѣетъ костеръ на каменномъ полу. Вокругъ костра семь душъ: высокая женщина въ одной грязной рубахѣ съ распущенными по плечамъ черными косами, и шестеро совершенно нагихъ дѣтей, въ числѣ ихъ красавица дѣвушка брюнетка лѣтъ 15-ти или 16-ти. Завидѣвъ меня, она съ крикомъ бросилась въ уголъ комнаты, присѣла на корточки ко мнѣ спиной и закрыла лицо руками. На кострѣ, въ котелкѣ грѣлась вода, въ которую старая женщина бросала кусочки свѣжаго картофеля, вырѣзанные изъ гнилыхъ картофельныхъ обрѣзковъ, лежавшихъ тутъ-же въ кучѣ. На крикъ дочери старуха поднялась и грозно меня спросила: за чѣмъ я пожаловалъ? Я объявилъ ей зачѣмъ. Нужны намъ ваши визитаціи! я жена учителя, а это мои дѣти! любуйтесь! Всѣ какъ

Богъ создалъ. Двое зимою опухли и умерли отъ холода и голода. Ксендзъ пробощъ, опекунѣ училища, зимою всю солому стянулъ съ крыши на подстилку своему скоту. Мы не можемъ выпросить у него куска хлѣба; все продала, даже дѣтскія рубахи. Только еще на мнѣ осталась одна дырявая рубаха, за нее никто ничего не дастъ. Мужъ три года каждый день ходитъ къ войту гмины за жалованьемъ, но войтъ три года смѣется,—говоритъ: прійди завтра! а завтра повторяется тоже самое. Прежде войтомъ былъ панъ, то не диво, что мужу не хотѣлъ платить жалованья, а теперь крестьянинъ, человѣкъ добрый, отъ души радъ бы помочь; не смѣю, говоритъ, противиться ксендзу опекуну и паничу писарю! „За что же на васъ озлился ксендзъ?“.—Какъ за что? Онъ мужа силою отдалъ въ банду, а мужъ бѣжалъ и скрывался за границей, пока не пришли москали и не побили повстанцевъ.—„Чѣмъ же вы питаетесь съ семьей?“—Теперь ничего не имѣемъ. Вотъ вчера экономка ксендза сажала картофель и гнилые обрѣзки выкинула на улицу за заборъ. Мои голыя дѣтки пригоршнями подобрали ихъ. Попадаются между ними не совсѣмъ сгнившіе кусочки; ихъ мы обрѣзываемъ и вотъ сегодня полакомимся картофельнымъ супомъ. Я послалъ бухгалтера за ксендзомъ. Онъ его зналъ лично и засталъ его на гумнѣ, но тотъ отказался явиться ко мнѣ, ссылаясь на нездоровье. Я далъ несчастному семейству своихъ десять рублей. Жена учителя, которая была еще далеко не стара, а казалась старушкою отъ голода, бросилась цѣловать мои ноги и звать дѣтей благодарить благодѣтеля. На зовъ ея и взрослая красавица, закрываясь руками, подбѣжала и упала у моихъ ногъ. Я обѣщалъ учительшѣ, что если ей въ теченіе мѣсяца не уплатятъ за три года всего жалованья и не доставятъ за эти же годы топлива, то я изъ своего жалованья удовлетворю ихъ. Послѣ я узналъ, что пробощъ, притѣсняя это семейство, руководствовался не одними патріотическими побужденіями. Онъ надѣялся, что заставитъ родителей отдать ему на поруганіе свою красавицу дочь. Онъ велъ переговоры черезъ свою экономку, а разъ, въ отсутствіе учителя, самъ явился въ его семейство и предлагалъ золотыя

горы, чтобы сейчасъ только отпустили къ нему красавицу дочь. Учительша стала бранить и клясть его. Но пробощъ, не обращая на это вниманія, распаленный страстью, схватилъ нагую красавицу на руки и хотѣлъ ее унести силою. Мать оборвала сѣдому селадону ухо и вырвала клокъ сѣдыхъ волосъ, исцарапала ему лице и руки и таки отстояла свою дочь. Побѣжденный и поруганный, онъ выскочилъ изъ комнаты, крича: постой подлая, ты сама приведешь ко мнѣ свою дочь. Съ этого времени учитель, учительша и дочь лишены были права пользоваться таинствомъ исповѣди и евхаристіи. Конечно, все это не безъизвѣстно было мѣстнымъ властямъ; но ксендзъ засыпалъ ихъ подарками, давалъ деньги и угощалъ ихъ на славу. Воротившись въ Сувалки, я сейчасъ же обо всёмъ этомъ сообщилъ, и письменно и изустно, начальнику августовскаго военнаго отдѣла, Николаю Степановичу Ганецкому. Онъ былъ страшно возмущенъ и при мнѣ составилъ и послалъ военному владиславовскому начальнику грозную телеграмму. Сдѣлавъ ему угрожающій выговоръ, Ганецкій предписалъ объявить пробощу арестъ, приставить къ нему стражника, изъ средствъ ксендза въ теченіе пяти дней покрыть училищную крышу, починить мебель, двери, окна, печи, выбѣлить весь домъ, за три года удовлетворить учителя жалованьемъ и топливомъ, и объ исполненіи телеграммой донести. Въ случаѣ сопротивленія ксендза, заковать его и прислать въ военно-судную коммиссію въ Сувалки; а предписаніе выполнить на счетъ всего имущества ксендза. Въ пять дней все было исполнено. Посѣщая вторично Сувалки, я уже не засталъ этого ксендза.

(Продолженіе слѣдуетъ).

„ЧЕРНОКНИЖНИКЪ“

(ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ БАБУШКИ).

Хорошая, добрая старуха была покойная моя бабушка Елена Петровна Бурчемуха... Давно уже отошла она въ вѣчность, и вѣроятно давно уже и косточки ея въ гробу превратились въ прахъ, а воспоминанія о ней, связанныя съ воспоминаніями невозвратнаго счастливаго дѣтства, никогда не изгладятся изъ моей памяти!...

Ея согбенная фигурка, ея симпатичное покрытое морщинами, блѣдное лицо съ сѣдыми завитушками на вискахъ, впалые благородные глаза, торопливая чопорная походка; всегда озабоченный видъ въ хлопотахъ по хозяйству, не смотря на свои 80 съ лишнимъ лѣтъ... мягкій, ласкающій голосъ, когда она уговаривала насъ не шалить, а заниматься уроками съ старымъ типичнымъ „метромъ“ учителемъ, прозваннымъ нами въ насмѣшку „Ромбамбулею“...—все это и теперь, какъ живое, стоитъ передъ моими глазами и не забудется никогда.

Да и не у однихъ насъ родныхъ образъ этого милого человѣка запечатлѣлся навсегда: ее и до сихъ поръ помнятъ старики с. Пятыгорки, кіевской губерніи, гдѣ мы жили тогда и гдѣ она такъ много помогала бѣдному, крѣпостному люду своими совѣтами, помощью въ несчатныхъ случаяхъ и „ликамы“... Чего, чего только она не знала и отъ какой болѣзни не было у нея снадобьевъ или „зилля“!..

— „Хороша, проста була людына, хай надъ нею земля перомъ... А що то за мягке сердце и скилько намъ, биднымъ,

допомагала у всякій прыгоди и нужди"...—Такъ ее поминаютъ крестьяне старожилы с. Пятыгорки.

Сколько страшныхъ сказокъ, разсказовъ и воспоминаній о глубокой старинѣ передали намъ ея уста.... Съ какимъ благоговѣйнымъ вниманіемъ мы, дѣтвора, да и не только дѣтвора, а и всѣ присутствовавшіе тогда въ нашемъ дому, выслушивали ея интересныя повѣствованія, когда она, бывало, въ длинные, зимніе вечера, торжественно усѣвшись съ работой у камина, начнетъ своимъ симпатичнымъ голосомъ передавать какую нибудь быль или преданіе... Ея украинская, смѣшанная съ польской, рѣчь звучала какъ-то монотонно, придавая еще болѣе таинственности ея разсказу и перенося насъ въ далекую, невозвратную пору...

Какъ трепетно бились наши юныя сердца, какимъ суевѣрнымъ страхомъ проникались мы, какъ живо рисовались въ нашемъ воображеніи образы разныхъ „видьмъ", „упырей", „колдуновъ", „заколдованные замки", „средневѣковые польскіе рыцари" и всѣ несчастныя жертвы дьявольскаго навожденія!...

Много она пережила, много и перестрадала на своемъ вѣку... Многому сама была свидѣтельницей, многое слышала отъ старыхъ людей... О многомъ разсказывалъ и отецъ ея, а нашъ прадѣдъ, блаженной памяти, уніатскій священникъ Петро Бурчемуха... А онъ былъ человѣкъ бывалый, жилъ во времена старой Польши, былъ родомъ изъ древней украинской шляхты, и потому на его глазахъ творилось не мало чудесъ и дѣлъ кровавыхъ, когда „крывда побывала правду"...

Отъ тѣхъ разсказовъ и страшно становилось и хорошо, да такъ хорошо, что слушалъ-бы и не наслушался!...

— „Еще во времена владычества надъ нами Польши"...—такъ начала бабушка свой новый разсказъ, въ одинъ скучный зимній вечеръ, усаживаясь по обыкновенію въ мягкомъ креслѣ, у камина, съ неизбѣжнымъ вязаньемъ въ рукахъ...—„поселился тутъ, недалеко отъ насъ, въ своемъ богатомъ помѣстьи-мѣстечкѣ около Бердичева, знатный польскій панъ, Стольникъ Королев-

скій, Янъ Сангайло... Прибылъ онъ въ наши края съ многочисленной дворней прямо изъ Варшавы, а имѣніе это получилъ въ даръ отъ короля за особыя заслуги и отличіе при дворѣ...

Надо вамъ знать, что имѣніе это принадлежало раньше другому вельможѣ польскому, графу какому-то, фамилію его, хотя мнѣ и называли, но теперь я забыла,—давно это было... Графъ за какую-то провинность былъ казненъ въ Варшавѣ, а имѣніе его конфисковано въ королевскую казну и впослѣдствіи уже подарено Стольнику Яну Сангайло.

Пріѣздъ пана Стольника надѣлалъ много шуму... И дѣйствительно, явился онъ къ намъ съ особенной пышностью и окружилъ дворъ свой неслыханной роскошью.. О его позолоченныхъ экипажахъ, лошадяхъ арабской крови, внутренней обстановкѣ и убранствѣ „палаца", о широкой жизни, разсказывали просто чудеса; хотя знакомства онъ ни съ кѣмъ изъ сосѣдей-помѣщиковъ не заводилъ, т. к считалъ всѣхъ недостойными его особы.

Къ нему только изрѣдка наѣзжали гости, но все больше разные магнаты изъ Варшавы, и тогда у Стольника въ палацѣ происходили балы, маскарады и разныя увеселенія, разсказы о которыхъ съ завистью выслушивала наша „шляхта околичная", но проникнуть туда имъ не удавалось,—панъ Стольникъ всегда грубо ихъ выпроваживалъ, гнушаясь такимъ знакомствомъ.

Стольникъ Янъ Сангайло, не смотря на свои уже немолодыя лѣта, былъ еще очень красивъ и статенъ. Высокій ростъ, атлетическое сложеніе, орлиный взглядъ темныхъ очей, громадныя съ просѣдью усы, подбритая съ чубомъ голова—все въ немъ было эфектно. Да и вообще вся его мощная фигура дышала жизнью и здоровьемъ... Но было что-то несимпатичное въ его лицѣ,—оно какъ-то сразу поражало своею горд стью и надменостью, такъ что безъ страха нельзя было на него смотрѣть.

Нрава онъ былъ самаго крутого, съ подданными обращался строго и деспотически. На его конюшняхъ по цѣлымъ днямъ раздавались душу раздирающіе крики несчастныхъ, наказуемыхъ „хлоповъ". А наказывалъ онъ праваго и виноватаго одинаково и такимъ образомъ вселялъ въ своихъ крѣпостныхъ—холоповъ неимовѣрный страхъ и рабское повиновеніе..

Часто уѣзжалъ онъ надолго въ Варшаву ко двору и тамъ тратилъ безумно громадныя средства на разныя забавы и удовольствія, и поэтому обложилъ своихъ крѣпостныхъ двойными поборами и налогами.

Стольникъ былъ вдовъ и имѣлъ единственную дочь, панну Казимиру, которая воспитывалась въ Варшавѣ, въ монастырѣ Кармелитокъ, и только по достиженіи совершеннолѣтія была имъ привезена сюда въ имѣніе.

Панна Казимира красавица была неописанная... Стройна какъ тополь, глаза небеснаго цвѣта; золотистые роскошные волосы и вся ея нѣжная фигура, въ противоположность отцу, напоминала что-то ангельское, неземное... Когда она иногда появлялась въ ближайшемъ костелѣ, всѣ окрестные обыватели съѣзжались посмотрѣть и полюбоваться на нее... Но панъ Сангайло держалъ ее взаперти, никуда, кромѣ костела, и то очень рѣдко, не пускалъ и ни съ кѣмъ не знакомилъ. Оставалась она на попеченіи старухи-няни, на видъ очень сердитой женщины, и кромѣ этой няни, въ домѣ у нихъ никого не было—ни родственниковъ, ни близкихъ друзей.

Такъ прожилъ панъ стольникъ въ нашихъ краяхъ нѣсколько лѣтъ, окруживъ свой палацъ какой-то таинственностью и недоступностью. Возвращался онъ изъ своихъ частыхъ поѣздокъ въ Варшаву все какимъ-то болѣе и болѣе раздраженнымъ и злымъ, что, конечно, отражалось на его подданныхъ, съ которыми онъ обращался еще строже. А однажды, по возвращеніи его изъ столицы, всѣ замѣтили въ немъ большую перемѣну: онъ постарѣлъ, сгорбился, опустился, потерялъ свой прежній надменный видъ и какъ будто сталъ мягче и ласковѣй... Поселился въ имѣніи навсегда и положительно никуда уже не выѣзжалъ.

Разсказывали, что за какую-то вину онъ былъ лишенъ королевскихъ милостей и водворенъ на безвыѣздное проживаніе въ своемъ имѣніи.

Понемногу онъ совсѣмъ смирился и зажилъ уединенной, замкнутой жизнью, предаваясь иногда чрезмѣрному употребленію разныхъ „старокъ“ и „наливокъ“, которыхъ у него былъ

неистощимый запасъ въ громадныхъ подвалахъ и погребахъ палаца.

Панна Казимира, между тѣмъ, пышно разцвѣтала... Но жизнь ея молодая была куда какъ неприглядна!.. Лишенная подругъ, свѣта и людей, постоянно замкнутая въ четырехъ стѣнахъ, гдѣ она видѣла только пьянаго-деспота отца, да злую старуху няню, сварливую, вѣчно ничѣмъ недовольную особу,— породили въ красавицѣ-дѣвушкѣ какую-то апатію ко всему. Она была постоянно грустна, задумчива, ничѣмъ особенно не интересовалась, да и не было къ тому никакой возможности... Панъ Стольникъ, по прежнему, не принималъ никого изъ сосѣдей, хотя сначала многіе добивались знакомства съ нимъ, но послѣ неудачныхъ попытокъ, понемногу совсѣмъ какъ-будто и забыли о его существованіи.

Страшная буря и ураганъ разразились надъ помѣстьемъ пана Стольника въ одну изъ майскихъ ночей... Вѣтеръ неистово ревѣлъ и завывалъ, ломая и вырывая съ корнемъ старыя деревья въ заглохшемъ панскомъ саду Сангайлы.... Молнія безпрерывно сверкала и освѣщала бушующую стихію, частые раскаты грома съ страшнымъ грохотомъ поминутно раздавались и заставляли трепетать все живущее... Дождь лилъ, какъ изъ ведра, и стучалъ безпрерывной дробью въ окна жилищъ... Сорванныя вѣтромъ листья съ деревьевъ и солома съ крышъ сельскихъ хатокъ носились и кружились въ воздухѣ.... Вѣтряныя мельницы съ трескомъ замахали крыльями, будто руками, взывая о помощи... Скотъ въ хлѣвахъ ревѣлъ... Воробьи безпокойно чирикали подъ крышами, пробужденные разбушевавшеюся природой.... Вороны каркали, перелетая съ мѣста на мѣсто, уносимые сильными порывами вѣтра.... Домашняя птица тоже пробудилась, повыползала на необыкновенный свѣтъ молніи и оглашала воздухъ безпокойнымъ крикомъ, точно воплями отчаянія... А молнія все сверкала и уже сливалась въ одинъ общій, какой-то зловѣщій, матовый свѣтъ.... Происходило въ природѣ по истинѣ свѣтопредставленіе.... Такую ночь у насъ называютъ „воробьиной“...

Во многихъ хатахъ селяне позажигали передъ св. иконами „громницы“ [1]) и со страхомъ и трепетомъ прислушивались къ неистовому грохоту бури... Раздавался плачъ испуганныхъ дѣтей и громкая молитва стариковъ...

А буря все бушуетъ съ новой силой... Раскаты грома не замолкаютъ... Ливень разражается потоками, потоки, шумя съ горъ, затопляютъ улицы, площади и дворы... Небольшая рѣченка Гнилопята выступаетъ изъ береговъ и заливаетъ ближайшіе сѣнокосы и огороды!..

Въ такую-то ночь, къ парадному подъѣзду палаца пана Стольника, подъѣзжала, запряженная четверкой-цугомъ усталыхъ коней, элегантная карета... Раздались три удара „бича“, и карета остановилась у подъѣзда... Изъ нея поспѣшно выскочилъ закутанный въ плащъ человѣкъ и нетерпѣливо схватился за ручку звонка.

Стольникъ въ это время сидѣлъ задумчиво въ своемъ кабинетѣ, прислушиваясь къ завыванію бури и понемногу тянулъ изъ небольшого серебрянаго кубка старый медъ... А панна Казимира въ своей комнатѣ тихо молилась у образа Богоматери...

Вдругъ раздался давно наслыханный звонокъ... Это всѣхъ переполошило...

Панъ стольникъ вздрогнулъ и громко окликнулъ слугу-камердинера.

— Эй, Вавжыне, что это значитъ?..

— Не могу знать, ясновельможный пане—со страхомъ отвѣтилъ старый слуга,—кажется кто-то къ намъ пріѣхалъ?..

— Какого это чорта могло принесть въ такую непогоду?... Пойди, узнай!...

Слуга схватилъ свѣчу и побѣжалъ отворять заржавѣвшую дверь параднаго подъѣзда...

Дверь со скрипомъ отворилась—и въ корридоръ вошелъ незнакомецъ въ плащѣ.

— Чей это палацъ?... спросилъ онъ.

— Ясновельможного пана стольника, Яна Сангайло.

---

[1]) Страстныя свѣчи.

— А-а, слыхалъ... Передай ясновельможному пану Стольнику, что сбившійся съ дороги по случаю непогоды родовитый шляхтичъ проситъ его пріюта на эту ночь. .

— Заразъ, вельможный пане...

И слуга, оставивши въ корридорѣ зажженную свѣчу, бросился вверхъ по лѣстницѣ въ кабинетъ Стольника доложить, какъ ему передалъ незнакомецъ.

— Пусть войдетъ. Приготовить комнату и взять на конюшню его лошадей!..—съ неохотой отдалъ приказаніе панъ Стольникъ... И въ это время подумалъ: „вѣроятно, какой нибудь захудалый шляхтичъ-сосѣдъ“...

Незнакомецъ вошелъ въ переднюю, и пока козачекъ снималъ съ него плащъ, самъ панъ Стольникъ вышелъ навстрѣчу съ зажженной канделяброй въ рукахъ...

— Имѣю честь видѣть пана Стольника?.. спросилъ незнакомецъ.

— Да, я самъ... А кого имѣю честь принимать въ своемъ домѣ?

— Родовитый шляхтичъ Юзефъ Вишневскій; ѣду изъ Варшавы къ себѣ въ имѣніе, на Украину; застигла непогода, прошу пріюта!..

— Изъ Варшавы?.. удивился панъ Стольникъ и, уже любезнѣе прибавивъ „прошу“..., ввелъ гостя въ парадную гостинную и молча указалъ на кресло... Шляхтичъ, поклонившись, сѣлъ

Это былъ молодой, красивый человѣкъ, довольно большого роста, курчавый брюнетъ, съ черными какъ смоль волосами и такими же громадными усами, молодцовато закрученными вверхъ... Блѣдно-матовый цвѣтъ лица и большіе, круглые, каріе глаза, съ какимъ-то быстрымъ, пронизывающимъ взглядомъ... Одѣтъ онъ былъ въ роскошный „кунтушъ“, шитый золотомъ и украшенный драгоцѣнными каменьями.

Послѣ небольшой паузы, во время которой они оглядывали другъ друга, панъ Стольникъ началъ разговоръ.

— Что новаго въ Варшавѣ?..

— Да все по старому... Недавно былъ сеймъ... шумѣли... Иностранцы одолѣваютъ... Скоро нашей шляхтѣ родовитой, кажется, не будетъ мѣста при дворѣ...

Такой отвѣтъ пана Юзефа сразу понравился Сольнику.

— Охъ, правда, правда... Я вотъ давно не былъ въ Варшавѣ, да и не поѣду... Обидно...

— Поговариваютъ о новомъ раздѣлѣ...

— Доигрались!.. Впрочемъ, оно иначе и быть не можетъ... Мы стали посмѣшищемъ всего цивилизованнаго міра...

И разговоръ на эту тему продолжался еще долго.

Стольникъ воодушевлялся давно имъ забытыми политическими вопросами, а панъ Юзефъ по многимъ вопросамъ сходился и соглашался съ мнѣніемъ Стольника,—это ему даже льстило... Такъ что въ концѣ концовъ Стольникъ положительно увлекся замѣчательнымъ умомъ и краснорѣчіемъ молодого человѣка, повеселѣлъ и былъ въ восторгѣ отъ такого неожиданнаго знакомства.

Къ ужину была вызвана и представлена новому гостю панна Казимира.

Панъ Вишневскій былъ пораженъ необыкновенной красотой панны.... Онъ въ продолженіе всего ужина не сводилъ съ нея глазъ, а панна Казимира дрожала отъ его взгляда, и ей, не привыкшей къ обществу постороннихъ, становилось неловко и даже какъ-то страшно.... Все время она сидѣла потупившись и съ нетерпѣніемъ ждала окончанія ужина, чтобы скорѣе удалиться въ свою комнату... Панъ Вишневскій, повидимому, произвелъ на нее непріятное впечатлѣніе...

Наконецъ, ужинъ кончился... Стольникъ совсѣмъ повеселѣлъ, острилъ, смѣялся, шутилъ и таки изрядно хватилъ разныхъ наливокъ, старокъ и венгерскаго...

Я благословляю непогоду!... воскликнулъ онъ,—такъ какъ, благодаря ей, въ моей замкнутой, одинокой жизни появился свѣтлый лучъ, и я могу душу отвесть интереснымъ разговоромъ съ такимъ пріятнымъ во всѣхъ отношеніяхъ и умнымъ собесѣдникомъ!...

— И я въ свою очередь въ восторгѣ, во первыхъ потому, что мнѣ привелось свесть столь пріятное знакомство съ такимъ именитымъ шляхтичемъ, какъ шановный панъ Стольникъ Крулевскій Янъ Сангайло, а во вторыхъ,—я здѣсь встрѣтилъ диво-

красоту и очарованъ прелестями божественной дочери его, панны Казимиры!...

При этомъ Вишневскій съ чувствомъ поцѣловалъ руку панны.

Казимира отъ такихъ похвалъ покраснѣла и молча удалилась къ себѣ. Стольникъ-же съ паномъ Юзефомъ еще долго бесѣдовали и разошлись положительно друзьями, а прощаясь, даже заключили другъ друга въ крѣпкія объятія.

Буря и непогода на дворѣ стихли... И скоро все замолкло и погрузилось въ сладкій сонъ....

Недѣля на исходѣ, а панъ Вишневскій все еще гоститъ въ палацѣ Стольника, и панъ Сангайло отъ него въ восторгѣ, ни за что не отпускаетъ, все проситъ еще погостить.

Какъ вдругъ, въ одну ночь въ палацѣ поднялась страшная тревога... Поднято на ноги все населеніе мѣстечка, собранъ народъ и изъ окрестныхъ селъ; гонцы отправлены въ разныя стороны на розыски!...

Разнеслась по окрестностямъ неслыханная вѣсть... Таинственный незнакомецъ, гостившій у пана Стольника, тайно бѣжалъ изъ палаца и увезъ съ собой его единственную дочь, панну Казимиру!... Самые тщательные розыски и погоня ни къ чему не привели... Всѣ гонцы возвращались съ недоброй вѣстью: „ни слуху, ни духу... пропали, какъ въ воду канули!...“

Панъ Стольникъ съ горя сошелъ съ ума... Онъ въ припадкѣ отчаянія бросился изъ окна верхняго этажа своего палаца и скончался въ страшныхъ мученіяхъ.

Этотъ, по истинѣ, ужасный случай произвелъ на всѣхъ потрясающее впечатлѣніе...

Было наряжено самое строгое слѣдствіе и отъ „жонду“, но тоже ни къ какимъ результатамъ не привело...

Пана Стольника похоронили съ особенной торжественностью въ Бердичевскомъ кляшторѣ, а имѣніе, впредь до возвращенія наслѣдницы, опять поступило въ королевскую казну.

Долго еще объ этомъ выдающемся случаѣ судила и толковала околичная шляхта. Одни говорили, что неблагодарная

дочь сама бѣжала съ любовникомъ, другіе, что насильно увезена,—словомъ всякій на свой ладъ, т. к. дѣйствительной причины никто не зналъ... Но понемногу случай этотъ сталъ забываться, какъ и все на свѣтѣ забывается скоро...

Прошло много лѣтъ...

Много воды утекло съ тѣхъ поръ, много во всемъ и перемѣнъ произошло.

Къ отцу моему, а вашему прадѣду, блаженной памяти священнику уніатскому, Петру Бурчемухѣ, однажды пришла, неизвѣстно откуда, и попросила, пріюта какая-то старуха-странница.

По симпатичнымъ чертамъ лица и хорошему обращенію, можно было заключить, что она не простого, а шляхетскаго происхожденія. Замѣчательно тихаго нрава, добрая, простая, ласковая, она сразу заслужила общую симпатію семьи.

Прожила она у насъ нѣсколько времени и хотѣла было удалиться, но мы ее всѣ такъ полюбили и привыкли къ ней, что, какъ родную, пріютили и оставили жить до самой смерти.

Все время она была молчалива, никому ничего не разсказывала о себѣ и о своей жизни. Кто она и откуда, такъ и оставалось для всѣхъ тайной.... Вѣры она была католической и почти ежедневно посѣщала ближайшій костелъ, гдѣ усердно молилась Богу.

Хотя мы и интересовались ея прошлымъ, однако она объ этомъ никогда не заводила рѣчи и даже словомъ не обмолвилась.

Такъ прожила она у насъ нѣсколько лѣтъ.

Возвращаясь какъ-то изъ бердичевскаго костела, куда ходила „на отпустъ“, она простудилась въ ненастную погоду, заболѣла, слегла въ постель и уже больше не вставала.

Передъ смертью подозвала къ себѣ отца и мать моихъ и повѣдала имъ свою печальную повѣсть.

Тутъ только обнаружилось, что она была несчастная Казимира Сангайло.

Разсказала она слѣдующее.

„Я еще не очень стара, но горе и страданія, какія я пережила въ своей жизни, меня преждевременно состарили. Отецъ мой былъ родовитый шляхтичъ, стольникъ при дворѣ польскаго короля. Жили мы роскошно и богато, а мать я потеряла, когда еще была малымъ ребенкомъ и почти совсѣмъ ея не помню.. Воспитаніе получила хорошее, въ Варшавѣ... Отецъ мой, когда я достигла совершеннолѣтія, увезъ меня въ деревню, и я тамъ жила одинокой безъ родныхъ и друзей. По придворнымъ интригамъ отецъ скоро попалъ въ немилость короля, ему запретили въѣздъ въ Варшаву, и мы съ тѣхъ поръ поселились навсегда въ деревнѣ...

Скучно и однообразно тянулась наша жизнь. Озлобленный на всѣхъ отецъ удалялся отъ людей, жилъ отшельникомъ, былъ характера грубаго, притомъ часто напивался и со мной обращался строго. Но все таки онъ любилъ меня...

Однажды, въ темную, бурную ночь, къ намъ неожиданно заѣхалъ неизвѣстный молодой человѣкъ и попросилъ пріюта отъ непогоды...

Отецъ мой принялъ его ласково, что съ нимъ случалось очень рѣдко. Разговорились—и Юзефъ Вишневскій (такъ назвался онъ), понравился старику въ особенности за то, что тоже былъ недоволенъ и озлобленъ на несправедливости тогдашняго „жонда"... Панъ Вишневскій, удерживаемый отцомъ, прогостилъ у насъ довольно долго.. Онъ былъ красивъ и статенъ, но мнѣ не понравился... Я помню, когда впервые меня отецъ съ нимъ познакомилъ, я потупилась, испугалась и не могла выносить демоническаго взгляда его темныхъ, какъ ночь, очей. Вѣроятно, у меня было и тогда предчувствіе чего-то недобраго... Онъ говорилъ мнѣ всегда массу любезностей, отъ которыхъ я только краснѣла и молчала. Кромѣ неподдѣльнаго страха, онъ мнѣ ничего не внушалъ, и какъ ни старался быть любезнымъ, я боялась его все болѣе и болѣе... И неудивительно, я тогда была еще очень молода и людей не знала совсѣмъ...

Прожилъ онъ у насъ больше недѣли.. Была чудная лунная лѣтняя ночь... Соловьи въ нашемъ паркѣ, неумолкая перекликались своей чарующей трелью... Ароматъ цвѣтущей сирени

и жасмина благоухалъ повсюду... Мнѣ вдругъ пришла охота выйти въ паркъ и насладиться этой дивной ночью... Я вышла и незамѣтно, увлекаемая волшебнымъ пѣніемъ соловья, зашла далеко въ глубину сада, почти къ самому пруду... Прислонясь къ стволу высокой липы и глядя въ прозрачныя, блестѣвшія серебромъ при лунномъ свѣтѣ струи пруда, я прислушивалась къ тихому плеску волнъ и невольно задумалась о своемъ одиночествѣ и жизни непривольной...

Вдругъ, точно изъ земли, передо мною выросла фигура нашего таинственнаго гостя съ его демоническимъ взглядомъ.. Я обмерла, вскликнула и со страха не могла произнесть ни одного слова!...

— Не бойся, панна, я тебѣ зла не сдѣлаю никакого; а что случится съ тобой, такъ знай — это предопредѣленіе судьбы!

Я еще больше испугалась и только почувствовала, что силы меня оставляютъ и я падаю... Затѣмъ чувствовала его прикосновеніе; помню, какъ онъ схватилъ меня на руки и несъ. Что же дальше было, я не помню...

Не знаю, долго-ли я пролежала въ обморокѣ, но очнулась я уже въ каретѣ, которая насъ мчала съ страшной силой... Я стала звать на помощь, рвалась выскочить изъ кареты, но онъ взялъ меня за руку, усадилъ опять на мѣсто и твердо сказалъ:

— Напрасны, панна, твои усилія: тебя никто здѣсь не услышитъ, т. к. мы далеко отъ твоего дома!... Покорись своей судьбѣ, такъ видно ей угодно...

И дѣйствительно, усилія къ освобожденію были напрасны. Мы проѣзжали темнымъ, дремучимъ лѣсомъ, и никто не могъ слышать моихъ криковъ и воплей. Я рыдала, просила, умоляла отпустить, но онъ оставался непоколебимъ...

Наконецъ, выбившись изъ силъ, въ безполезныхъ попыткахъ освободить себя, я умолкла... Со мной случился опять обморокъ, въ которомъ я пролежала вѣроятно очень долго...

Сознаніе вернулось... Я оглянулась и увидѣла, что лежу на роскошной постели, окруженная заботливымъ уходомъ молчаливыхъ слугъ... Мой похититель сидѣлъ у изголовья...

— Гдѣ я и что со мной?...

— Успокойся, милая панна, ты теперь въ моемъ замкѣ, тутъ тебя никто не обидитъ, и ты найдешь здѣсь довольство и любовь.

— Гдѣ же отецъ мой?

— О, его уже нѣтъ на свѣтѣ...

— Какъ нѣтъ?

— Онъ не перенесъ разлуки съ тобой!...

— Боже мой!... воскликнула я и зарыдала.

— О, злодѣй! Что ты сдѣлалъ съ нами?... Зачѣмъ похитилъ мой покой?... Чего ты хочешь отъ меня?...

— Любви твоей, панна!... Тихо сказалъ онъ и началъ страстно цѣловать мою руку.

— Ты ея никогда не получишь,—я могу только презирать и проклинать тебя!...

— Перестань, вѣдь это все равно ни къ чему не приведетъ... Тебѣ нѣтъ возврата... А лучше покорись своей участи, полюби меня!... Я окружу тебя довольствомъ и всѣми прелестями жизни... Я богатъ. знатенъ... Чего же тебѣ желать лучшаго?...

— Я боюсь тебя!...

— Привыкнешь—и, повѣрь, скоро вся ненависть забудется.

Да, мнѣ несчастной оставалось только покориться своей судьбѣ и переносить все безропотно... Вѣдь никто не спасетъ меня... я сама, безпомощна, одинока...

И я покорилась.

Юзефъ, такъ его дѣйствительно звали, окружилъ меня неслыханной роскошью... Его чудный домикъ, поражалъ богатствомъ и блескомъ... Громадныя залы были отдѣланы дорогими тканями, рѣдкія картины въ золоченныхъ рамахъ, чудная заграничная мебель, статуи, зеркала и все вообще убранство и обстановка ослѣпляла пышностью и заключала несмѣтное богатство.

А все таки я чувствовала себя одинокой, точно въ тюрьмѣ, въ этихъ пышныхъ хоромахъ и не разъ проливала слезы о судьбѣ своей злосчастной!

Панъ Юзефъ часто выѣзжалъ куда-то и пропадалъ по нѣскольку дней и недѣль сряду.

Я все его еще боялась и никакъ не могла свыкнуться со своимъ положеніемъ. Юзефъ обращался со мной необыкновенно ласково и ни словомъ, ни жестомъ не позволялъ оскорбить меня. По временамъ ласкалъ, завѣрялъ въ любви, но все это мнѣ не нравилось, и душа моя не лежала къ нему... Я со страхомъ принимала его ласки и тогда только отдыхала свободно, когда оставалась одинокой въ своей комнатѣ, гдѣ я долго и усердно молилась Пресвятой Дѣвѣ, изливала передъ Ней всѣ свои душевныя страданія и муки!...

Что особенно непріятно поражало меня въ замкѣ, это какая-то таинственность и тишина, въ которую все было облечено. Никто посторонній къ намъ никогда не показывался. Слуги молча исполняли приказанія и отличались какою-то угрюмостью и несловоохотливостью... Вообще мы жили точно отшельники на необитаемомъ островѣ, что еще больше нагоняло на меня тоску и отчаяніе.

Юзефъ, когда бывалъ дома, по цѣлымъ днямъ и ночамъ занимался въ своемъ кабинетѣ, входъ въ который былъ всѣмъ безусловно воспрещенъ. Чѣмъ онъ тамъ занимался, никто не зналъ. Меня вначалѣ это и не интересовало, но съ теченіемъ времени явилось невольное любопытство узнать, по крайней мѣрѣ, чѣмъ онъ занимается и что за человѣкъ такой. Главное— почему самъ онъ никогда и словомъ не обмолвился о себѣ и вообще о своей таинственной жизни! Я уже говорила, что онъ часто уѣзжалъ изъ дому неизвѣстно куда и зачѣмъ... Уѣзжая, онъ всякій разъ приходилъ ко мнѣ, нѣжно цѣловалъ въ голову и говорилъ:

— Я уѣзжаю, мой другъ! Будь умница и не скучай безъ меня, я скоро вернусь...

И за тѣмъ удалялся... Мнѣ, впрочемъ, было тогда все равно, есть ли онъ дома или нѣтъ.

Я запиралась въ своей комнатѣ, которую очень полюбила, и тамъ просиживала по цѣлымъ днямъ. Я даже боялась выходить изъ замка въ садъ. Хотя садъ былъ прекрасный, съ густой тѣнистой зеленью: массой цвѣтовъ и всякихъ рѣдкихъ тропическихъ растеній. Замокъ и садъ обнесенъ былъ громадной каменной стѣной, а за стѣной виднѣлись верхушки густого, темнаго лѣса, и никакихъ признаковъ посторонняго жилья не доносилось изъ-за стѣнъ высокихъ. Не слышно было ни лая дворовыхъ псовъ, ни крика домашней птицы,—значитъ, за стѣнами былъ одинъ дремучій лѣсъ, который шумѣлъ и нагонялъ тоску... Мнѣ становилось еще страшнѣе въ этомъ саду, я убѣгала и опять пряталась въ своей комнатѣ.

Теперь любопытство узнать, чѣмъ онъ занимается, и кто онъ, росло во мнѣ съ каждымъ днемъ.

Я часто рѣшалась подходить къ его таинственному кабинету, прислушивалась и даже заглядывала въ отверстіе замка когда онъ занимался тамъ, но никогда ничего не могла разсмотрѣть.

Однажды онъ засталъ меня за этимъ... Я смутилась, покраснѣла... Но онъ кротко замѣтилъ мнѣ:

— Дитя мое, никогда не старайся проникнуть въ эту дверь; я тебѣ запрещаю, иначе ты дорого можешь поплатиться за свое любопытство.

Мнѣ показалось такое его замѣчаніе очень обиднымъ, Я ушла въ свою комнату и долго проплакала....

Однако, съ тѣхъ поръ любопытство мое еще болѣе увеличилось, и теперь у меня было только одно желаніе, которое не давало мнѣ покоя ни днемъ, ни ночью: во что-бы то ни стало прослѣдить за нимъ и узнать все.

Случай къ тому не замедлилъ представиться.

Панъ Юзефъ уѣхалъ куда-то. Онъ по обыкновенію простился со мной и сказалъ, что вернется не скоро....

Я заперлась было въ своей комнатѣ, съ намѣреніемъ никуда не выходить, т. к. уже ночь наступила, но подстрекаемая любопытствомъ, я не утерпѣла, взяла свѣчу и потихоньку отправилась взглянуть хоть издали на эту таинственную дверь, такъ тщательно оберегаемую моимъ сожителемъ.

Каково же было мое удивленіе и радость, когда я замѣтила, что ключъ въ дверяхъ оставленъ!.. Вѣроятно, Юзефъ второпяхъ забылъ его вынуть и взять со собой?..

Я замерла отъ восторга.... Теперь-то я непремѣнно узнаю все!...

Тихонько, на цыпочкахъ, я обошла кругомъ всѣ комнаты и, убѣдившись, что всѣ слуги спятъ, съ замирающимъ отъ волненія сердцемъ, приблизилась къ дверямъ кабинета и схватилась дрожащею рукою за ключъ.... Повернула два раза.... Раздался металлическій звонъ пружины и эхомъ понесся по пустымъ комнатамъ.. Я испугалась этого зловѣщаго звука и со страхомъ отскочила отъ двери... Но почемногу овладѣла собою... Еще разъ прислушалась.... все было тихо, какъ въ могилѣ....

Войти или нѣтъ?...

Я рванула за ручку двери и... вошла!...

Въ это время мнѣ послышался какъ-будто тяжелый стонъ, отъ котораго мурашки пробѣжали по тѣлу! .. Свѣча, которую я трепетно сжимала въ рукахъ, озарила все своимъ дрожавшимъ свѣтомъ... И когда я рѣшилась взглянуть, я обмерла отъ ужаса и едва удержалась на ногахъ, что-бы не упасть!...

Глазамъ моимъ представилась необычайная обстановка!...

Всѣ комнаты были обиты чернымъ сукномъ съ какими то бѣлыми изображеніями и фигурами—не то буквы, не то знаки .. Кругомъ невообразимый безпорядокъ и хаосъ, такъ что вначалѣ нельзя было ничего разобрать... Все было разбросано по полу или развѣшано по стѣнамъ... Я замѣтила между прочими предметами много поломанныхъ металлическихъ крестовъ и какихъ-то символическихъ изображеній, попранныхъ подъ ноги... По полу, тутъ и тамъ, валялась масса человѣческихъ череповъ, отъ которыхъ изъ впадинъ отъ глазъ исходилъ фосфорическій свѣтъ... Въ разныхъ мѣстахъ и по угламъ комнаты стояло нѣсколько скелетовъ въ бѣлыхъ покрывалахъ, въ разныхъ причудливыхъ позахъ, и я замѣтила даже какъ-будто выраженіе ужаса на ихъ костяныхъ лицахъ со всклоченными волосами.... Свѣтильникъ на подставкѣ съ шестью потухшими саженными черными восковыми свѣчами возвышался чуть-ли не до пото-

лка.... На полкахъ стояло нѣсколько большихъ стекляныхъ шаровъ и банокъ, соединенныхъ между собою стекляными же трубками, и въ нихъ бурлила, клокотала и переливалась какая то жидкость, издававшая трупный запахъ.... Валялись въ безпорядкѣ изломанные гроба съ остатками человѣческихъ костей... Это былъ по истинѣ кабинетъ смерти!... А по срединѣ комнаты возвышался громадный траурный аналой и на немъ лежажала раскрытая большая черная книга, черные-же пергаментные листы съ бѣлыми по нимъ выпуклыми непонятными буквами, гіеролифами и изображеніями....

Въ ужасѣ я тогда поняла все!... Юзефъ былъ „чернокнижникъ“!...

Непомня себя отъ страха, я схватила съ аналоя эту дьявольскую книгу, убѣжала съ ней въ свою комнату и бросила въ горѣвшій каминъ.... Пламя сразу ее охватило.... Пергаментные листы затрещали, свернулись, покоробились.... раздался душу раздирающій крикъ, за тѣмъ послѣдовалъ страшный взрывъ, точно ударъ грома!... Изъ камина хлынулъ потокъ краснаго пламени и искръ и охватилъ всю комнату.... Въ пламени копошились и выскакивали какія-то невиданныя безобразныя фигуры не то людей, не то звѣрей съ искаженными лицами,—все это издавало нечеловѣческій плачъ и визгъ!...

Не знаю, какъ я выбѣжала изъ замка и очутилась на дворѣ и стала звать на помощь.... Но никто не являлся ко мнѣ... Я осѣнила себя крестнымъ знаменіемъ и начала громко читать молитвы....

Моментально весь замокъ обратился въ бушующее море пламени, громадные языки котораго доходили подъ самое небо!... Изъ пламени все еще выскакивали нечеловѣческіе образы съ искаженными лицами... Все это производило невообразимый трескъ, шумъ, адскій крикъ и визгъ!... Поднялся страшный ураганъ, молнія пронизывала небо и раздавались частые раскаты грома!... А пламя разгоралось и разгоралось, казалось—горѣли даже камни и земля, издавая смрадный запахъ!...

Вдругъ послышался стукъ копыть.... Я оглянулась.... То мчался на конѣ Юзефъ.... Лицо его было искажено ужасомъ,

глаза налиты кровью.... Онъ соскочилъ съ коня, который тутъ же палъ, и бросился ко мнѣ съ крикомъ:

—„Казимира, Казимира!.. Что ты надѣлала?“

Онъ хотѣлъ вѣроятно убить меня, но кровь хлынула у него изо рта и глазъ, и онъ грохнулся замертво на землю... Пламя въ отвратительномъ образѣ человѣческомъ съ страшнымъ хохотомъ простерло къ нему свои огненныя руки и пожрало его!...

Я бросилась бѣжать!...

Меня нашелъ лежавшей безъ чувствъ, въ лѣсу одинъ бѣдный крестьянинъ и привезъ къ себѣ въ хижину... Долго я у него пролежала въ горячкѣ и бреду.... Однако начала понемногу поправляться, выздоравливать, и наконецъ оправилась и совсѣмъ.... Съ тѣхъ поръ я посвятила себя Богу.... Много святыхъ мѣстъ я обошла и горячо молилась Господу Вседержителю о прощеніи грѣховъ моихъ и раба Божьяго Юзефа.... Я никогда никому не разсказывала о произшедшемъ со мною.... Теперь, почуявъ близкій часъ смерти, я исповѣдываюсь передъ вами.... Никого небыло у меня на свѣтѣ ближнихъ, а вы призрѣли, пріютили меня несчастную—и Богъ васъ за это не оставитъ.... Я благословляю небо, что умираю здѣсь, гдѣ когда-то жилъ мой несчастный отецъ.... А теперь прошу ко мнѣ отца духовнаго!...

Къ утру старушки не стало....

Вотъ что творилось когда-то на свѣтѣ Божьемъ!!.. Такъ окончила бабушка свой печальный разсказъ.

К. Ванченко-Писанецкій.

Частная переписка Григорія Андреевича Полетики.[1]

(1750—1784 г.).

46) Брата Степана Андреевича, изъ Коровинецъ, 1758 г., 21 октября.

Милостивый государь, братецъ Григорій Андреевичъ. На полученное мною сего октября 21 числа, чрезъ Матвѣя Можневскаго писмо, симъ отвѣтствую. О хлѣбѣ коровинскомъ нѣкакого слѣдствія, какъ въ представленіи генералной войсковой канцеляріи написано, не било, но генералная канцелярія утвердясь толко на поданномъ въ 1749 году отъ умершого Семена Полуботка доношеніи о томъ къ гетману, змислила представленіе сама собою, оной же хлѣбъ зъ сѣмянъ при селѣ Коровинцахъ находячихся приобрѣтенъ билъ, а не зъ его собственнихъ, какъ подданніе показуютъ; сію крайную обиду намъ первоначално началъ, здесь обрѣтаючійся плутъ Туманскій, которой за брата своего, по Крижановскому, и на мене весма золъ, и всякіе дѣлаетъ здесь интриги къ обидѣ моей, при чемъ и представленіе о хлѣбѣ онъ змислилъ, нарушивъ всѣ бывшія опредѣленія генералной канцеляріи, чтобъ оному бить при наслѣдникахъ максимовскихъ, какъ вы можете усмотрѣть зъ сообщающогося при семъ къ вамъ генералной войсковой канцеляріи представленія къ гетману, при которомъ и доношеніе посилалъ умершого Павла Ласкевича; сія лихая искра хотѣла поле спа-

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1893 г., № 10.

лить, но сама первіе погибла. О хлѣбѣ всемъ перемолоченномъ вѣдомость посылаю и при томъ покорно прошу совѣта, ежели отъ генералной войсковой канцеляріи пришлютъ отбѣрать хлѣба, отдавать ли оной? Притомъ же Полуботокъ претентуетъ двѣ тисячѣ копъ оного и болѣе, но того по вимолоту не явилось нѣ десятой долѣ, едно что его столко и не било, а другое за гнилостью много пропало; ежели будутъ усилять додавать до претендуемаго числа, то я на сіе вздумавъ проектъ сей, чимъ сіе дѣло до получения вами резолюціи въ сенатѣ на аппеляцію (которую вы какъ найскорѣйше подавайте) проволочитъ и отдачи не учинитъ, и вамъ въ разсмотрѣние пишу. Теперь я наряженъ на шесть мѣсяцей въ походъ къ Богу рѣки, куда сего числа и виижжаю, где потомъ буду жить безотлучно поколь отъ васъ отвѣтъ получу, а отецъ имъ отказать можетъ, что какъ дѣло, такъ и хлѣбъ въ моемъ вѣдомствѣ, и онъ де за поворотомъ съ походу рощитатся и возвратить можетъ, а вы между тѣмъ объ указѣ можете постараться. Я безмѣрно удивляюсь о нечаянной перемѣнѣ сребролюбивой души, которой видимо по всему, что совѣсть и постоянство держитъ въ сребрѣ, и людямъ дѣлаетъ что либо за тоже, еднакъ ему заслужить обѣщался какъ за свое, такъ и за сые Антонъ Стефановичъ, которой такожъ его превознѣсъ похвалами, вашимъ ровними. Я зъ своимъ лубенскимъ вертопрахомъ [1]) уже примирился, когда билъ онъ въ Антона Стефановича; теперь, какъ сказуютъ, хочъ въ ухо вбгай, за то, что всѣмъ его дурачествамъ я далъ мѣсто. О сервѣзѣ я намѣренія не оставилъ, но что присилка денегъ на оной промедлѣлась, то причиною сему плутъ мой дебѣторъ Собецкій, которой будучи мнѣ полтори тисячи рублей виноватъ, просрочилъ, и понынѣ не отдалъ; я зъ другой стороны поисправившись денгамы, буду просить васъ, милостиваго г—ря братца, по замѣтки мною данной, заказать оной зделать, а теперича по написаніи сего виежжаю въ походъ, и желаю васъ и протчихъ братей моихъ, которимъ отъ мене нижайшій поклонъ, выдѣть по веснѣ, ежели буду живъ, въ Пѣтербурги.

[1]) И. П. Кулябка, полковникъ лубенскій.

Впрочемъ есмъ съ моимъ усердіемъ вашъ всего добра желательный братъ и покорный слуга Стефанъ Полѣтика.

47) Брата Степана Андреевича, (изъ Коровинецъ?), 1759 г., 23 января.

М. г. братецъ Григорій Андреевичъ. На полученное мною сего генваря 17 числа писмо, при взаимномъ моемъ новимъ годомъ поздравленіи, зъ желаніемъ въ ономъ всѣхъ вамъ, милостивому государю, братцу, благощастнихъ прогрессовъ, симъ въ отвѣтъ доношу, что я сего на датѣ положенного числа отежжаю въ Глинскъ, къ Антону Стефановичу, где исполнить всѣ ваши приказанія долженъ, и по полученіи потребного вамъ сообщить и о всемъ увѣдомить не оставлю. О хлѣбѣ коровинскомъ я уповаю, что вы въ полученнихъ письмахъ отъ мене получили всему хлѣбу сколко оного вимолочено вѣдомость, и для того теперича не сообщаю оной; о послѣдовавшихъ отъ лубенского вѣтрогона [1]) мнѣ обидахъ, я васъ тогда за печаллю моею и за скоримъ отездомъ куріера, обстоятелно увѣдомить не моглъ, для того, что его безчеловѣчнихъ поступокъ неможно описать и на десяти листахъ, еднакъ слава Богу, что онъ, якъ плутъ остался зъ своими намѣреніями, а я при моемъ прежнем состояніи зостаюсь; вы за обозного [2]) очень угадали, что сухая безъстия много наврала, которая за мои немаліе одолженія горше всѣхъ повредила, ввявши мзду сребролюбивой и безсовѣстной своей души отъ противной мнѣ стороны. За рекомендаціи я васъ покорно прошу, а о писмѣ къ вѣтрогону архипастира [3]) и нетрудѣте, якожъ я ихъ обоихъ держу единакового сложенія, и въ томъ мнѣ нынѣ и нужди не состоитъ, объ архіереѣ въ Петербурги пущай не просятъ Бога, лубенскій полкъ за его умолитъ, что намъ такого полководтца сходатайствовалъ, которой разоривши людей въ полку, долженъ и себѣ зъ дѣтми ожидать погибели, чрезъ свои сверхъ натурал-

[1]) Лубенскій полковникъ Кулябка

[2]) Иванъ Андреевичъ Марковичъ?

[3]) Сильвестръ Кулябка. См. Кіевск. Стар. 1893 г., № 1, стр. 171.

ніе и всей Малой Россіи удивителніе поступки. Я напослѣдокъ, милостивый государь, братецъ, и сего не пропущаю за куріозъ донесть, что его шатость [1]) засваталъ билъ умершого сотника лохвицкого Коченовского жену за себя, и сего генваря 14 числа, великолѣпною и шестинадцятилѣтъ птиметру приличною церемониею и щеголствомъ, состоящою со всего полку, пріехалъ билъ для полученія своего желанія въ Лохвицу, гдѣ въ еи домѣ, въ избахъ, приборъ засталъ, еи-же не получилъ, которая уехавши къ дѣверу своему маіору Качановскому, въ Парахвѣевку, звѣнчалась съ полковникомъ компанѣйскимъ Игнатомъ Часникомъ. Его же шатость съ превеликимъ стидомъ и присутствующіе ему въ Лубнѣ обратно возвратились. Протоколѣстъ Дергунъ, которій къ дому нашему пріятель и человѣкъ добрій, писалъ ко мнѣ чрезъ нарочного, чтобъ я, милостивій государь, братецъ, вамъ рекомендовалъ съ прозбою о неоставленіи его въ слѣдующей къ вамъ его прозбѣ, и я объ немъ, яко добромъ и въ интересахъ нашихъ услужномъ человѣку, васъ покорно прошу, въ прозбахъ его возможнихъ не оставить, чемъ его поощрите къ должнимъ услугамъ. А я напослѣдокъ остаюсь зъ должнимъ почтеніемъ вашъ всего доброжелательній братъ и покорній стуга Стефанъ Полѣтика.

48) Брата Степана Андреевича, 1760 г.—мая.

Милостивій государь, братецъ, Григорій Андреевичъ. На писмо ваше прошлого генваря отъ 22 отпущенное, чрезъ служителя Антона Стефановича, я и понынѣ не моглъ отвѣтствовать за всегдашними моими, по нынѣшнему моего наряду въ Пруссію, отъ дому отлучками, а нынѣ при виѣздѣ туда, какъ на оное въ отвѣтъ донесть, такъ и о обращеніяхъ домовыхъ обявить имѣю. По прописанному въ писмѣ вашемъ приказанію объ распоряженіи насъ и объ удовольствіи сестеръ, я всемѣрно отъ батюшки старался, о чемъ обстоятелно вамъ швагеръ Афанасій Прокофѣевичъ [2]), который сихъ чиселъ къ вамъ въ Пе-

[1]) Такъ называетъ П—ка своего полковника Кулабку, иронизируя надъ его легкомысліемъ. Шатость значитъ собственно непостоянство.

[2]) Шкляревичъ.

тербургъ намѣренъ зъ деома сыновями виѣздить, можетъ обявить, но вмѣсто того, чтобъ всѣмъ зделать тишину и удовольство, получилъ крайную себѣ обиду, ибо батюшка не токмо по писму вашему ничего учинить не похотѣлъ, но и остатнюю мелницу аксютинскую, мною владѣемую, отнялъ отъ мене, чѣмъ мене, при нынѣшнемъ моемъ походѣ, такъ несносно обидилъ и разорилъ, что я ей, братецъ, оставляю жену съ такимъ порядкомъ, что и каши нѣ іщего зварить, а причина сему—лугъ, купленный мною у козаковъ коровинскихъ Савченковъ, который батюшка, не імѣя никакой правилности, началъ билъ пустошить, за что отъ гетмана по козачей жалобѣ велѣно козаковъ совсѣмъ удоволствовать и не интересоватса, а притомъ и гвалти пополнить; я изъ сего видячи батюшкину обиду по инстинку (sic) нашихъ недоброхотовъ, чтобъ чемъ дѣло прекратить, старался о куплѣ оного, но зато, вмѣсто благодаренія, несносную претерпѣваю обиду. Хочай же я о возвращеніи оной мелницѣ нѣсколко разъ просилъ, но онъ потому отъ мене требуетъ, чтобъ я ему купленний лугъ уступилъ и деньги бы мною данныя отъ него принялъ, съ чего, милостивый государь, братецъ, можете отческое милосердіе признать, ибо вмѣсто того, чтобъ еще своимъ добромъ долженъ бы наградить всѣхъ равно, а не отнимать отъ дѣтей и собственное нажитое, мнѣ не жаль било, ежели бъ онъ, кромѣ насъ, имѣлъ бы другихъ дѣтей, да такъ несправедливо поступалъ, я въ семъ случаѣ иного средства не изобралъ, кромѣ, о семъ обявивъ, просить васъ, чтобъ вы къ нему писали о возвращеніи зъ забратимъ хлѣбомъ десять лѣтъ уже мною владѣемой мелницѣ, чтобъ моей женѣ не довелось бы по-подъ-окнами хлѣба просить, а о протчемъ роздѣлѣ, который батюшка намѣреваетъ безъ меня, васъ всѣхъ созвавъ въ домъ, зделать, я не согласую и моей части принять никому не повѣрю, яко жъ со всего видимо, что батюшка, (имѣя предъ симъ къ роздѣлу намъ всѣмъ наслѣднихъ частей довольное время и при битности вашей не единожди въ домѣ, ничего порядочного не сдѣлалъ, нынѣча избираетъ оному время въ отлучку мою въ отдаленный походъ), желаетъ мене вовся обидить, еднакъ я всѣ сіи несправедливие предпріятия оставлю на совѣст-

ное васъ всѣхъ благоразсмотрѣніе и братерскую любовъ, и поручаю жену и дитину мою подъ собственное, милостивый государь, братецъ, ваше призрѣніе, которой въ отлучку мою въ сеи отдаленный и опасный походъ, буди доведется мнѣ и жизнь тамо окончить, прошу нижайше не оставить и содержать то, что я за то при жизни и по жизни вашъ непрестанный благодарникъ вашъ покорнѣйшій слуга Стефанъ Полѣтика.

Съ Ласкевичами дѣло я пріостановилъ до возвращенія моего зъ походу и полученія отъ васъ резолюціи за хлѣбъ. Петро, послихавши объ отдачѣ Полуботчихѣ хлѣба, весма началъ билъ старатисъ, чтобъ дѣло рѣшено было въ гадяцкой полковой канцеляріи скорѣе по резону, что и онъ его не мало захватилъ, еднакъ въ семъ ему не удалось. Я особливо еще вздумалъ сіе, чтобъ свои съ ними дѣла зачать вмѣстѣ зъ Можневскими, которие согласились со мною искать на нихъ за неотдачу денегъ и такъ старатся буду, чтобъ всѣ вмѣстѣ рѣшени били, какъ и ордеромъ генералной войсковой канцеляріи, которой я испросилъ, велѣно, дабы ихъ симъ скорѣе принудить до крайнего окончанія и миру. Петро Васильевичъ будучи вмѣстѣ со мною въ Гадячѣ въ августѣ мѣсяцѣ сходился на миръ, но я съ миру усмотрѣлъ его плутовство: мирится не похотѣлъ, ибо онъ желалъ отдачи имъ всѣхъ купленныхъ дворовъ у Радченковой, въ Гадячѣ же мы съѣхались были для начатія дѣла, но не зачали затѣмъ, что Павелъ Ласкевичъ на повѣренного не давши полной вѣрующей, умеръ, а по едной Петровой вѣрующей я вступать въ дѣла не похотѣлъ, ибо жена бъ Павлова или дѣти могли бъ за другое на насъ искать; и такъ я требую, чтобъ была вѣрующая и отъ Павловой жены, которая когда подастъ, то въ тѣ поры и въ дѣло вступить имѣю.

49) Луки Татищева, изъ Лондона, 1761 г., 14 декабря.

Милостивый государь мой Григорій Андреевичъ! Какъ я не сумнѣваюсь о вашего высокоблагородія въ С.-П.-Бурхъ, до полученіи сего моего писма, изъ Малороссіи возвращеніи, такъ и не хочу болше медлить васъ, прежде всего съ тѣмъ усердно поздравя, въ протчемъ честь имѣть (sic) служить моимъ долж-

нымъ отвѣтомъ на ваше ко мнѣ почтенное послѣднее (письмо?) отъ 8 минувшого октября, принося вамъ, милостивому государю, моему во первыхъ покорнѣйшее благодареніе мое за столь благосклонной вашъ мнѣ подарокъ, которой я чрезъ шкипера Андерсона, якоже и послѣднія три книги, чрезъ обратно отъѣхавшаго сюды капитана Ганакта, съ покорною благодарностію моею, изъ здѣшней таможни получилъ. Я оныя принимая съ обязателнѣйшимъ признаніемъ повиновенія моего ко всемъ вашимъ повеленіямъ, которыя всегда съ особливою охотою исполнять обязуюсь, прошу въ протчемъ быть совершенно удостовѣрену о продожительномъ раченіи моемъ къ соблюденію вашей дражайшей дружбы. Безъ сомнѣнія вы уже изволили осмотреть посланные мною съ шкиперомъ Галакомъ разныя вещи; а нынѣ прилагая при семъ щетъ издержаннымъ мною при томъ случае отъ васъ, въ два раза, полученнымъ денгамъ, изъ онаго явствуетъ, коликое число по уплаченіи послѣдней Вистону суммы 12 фунтовъ и 18 шиллинговъ, у меня дѣйствительно остается; сожалѣю при томъ, что при такихъ весма трудныхъ обстоятельствахъ, я никакъ не могъ книгъ мимо таможни къ вамъ отправить. Мнѣ самому желателно было во угожденіе ваше извѣстную желаемую вами карету, купивъ съ протчими вещми, къ вамъ отправить, но къ моему сожалѣнію еще по нынѣ я оной не отыскалъ по причине: 1-е, что сумма у меня оставшая на то совсемъ не доволна, а 2-е, что здѣсь не принимаютъ кромѣ совершеннаго уплаченія, никакихъ задатковъ; и такъ я долженъ обжидать, пока оная сумма по вашему обѣщанію на то дополнится. Чтожъ до посланныхъ мною къ вамъ золотыхъ часовъ касается, я не сумнѣваюсь, что оныя вамъ совсемъ понравятся, лаская себя, что тожъ самое и съ брилиянтовымъ перстнемъ воспослѣдовать можетъ. О чемъ всемъ ожидаю вашего скораго увѣдомленія. За купленныя вами на мой щетъ вещи, какъ книги и мѣхъ, покорное мое благодареніе вамъ, милостивый государь мой, принося, издержанные вами на оные денги 31 р. 36¼ к. при семъ съ добримъ усердіемъ имѣю честь уплатить, сравнивъ оные съ тѣми 6-ю фунтами, которые я при расщете полученной мною въ начале сего года

отъ васъ суммы 800 р. и при уплаченіи Маршу 16 фунтовъ изъ оной за книги, изъ своихъ собственныхъ недостающия заплатилъ, ссылаясь о семъ на писмо мое отъ вамъ отъ 26 генваря сего истекающаго года, якоже и на предъ тѣмъ отправленной щетъ. Сверхъ же сего доведется вамъ еще отъ того около 5-ти шил. по курсу въ доплату имѣть, кои я на щетъ при семъ приложенной поставляю. Что же до ассюранціи касается, то я послѣдуя въ томъ поступкамъ всехъ торговыхъ людей, принужденъ былъ ассюровать при этомъ опасномъ времени почти весь капиталъ мною къ вамъ отправленной, то есть книги, перстень и часы, хотя правда не такъ еще дорого, какъ то я послѣ оныхъ въ отправленіи къ ихъ преосвященствамъ новгородскому и нынѣшнему с.-п.-бургскому архіепископамъ ихъ часовъ, а именно по 8 процентовъ учинить принужденъ былъ.—Столь великія издержки здѣсь въ таможнѣ платимыя мнѣ весма скучны, ибо я самъ такожде принужденъ былъ заплатить въ оной за посланныя отъ васъ ко мнѣ двѣ небольшія связки около 10 рублей, не смотря на то, что въ томъ я еще по рекомендаціи княжеской доношеніемъ въ оную представлялъ. Господинъ Осборнъ въ протчемъ съ великимъ желаніемъ ожидаетъ, и чаятелно такъ, какъ жиды своего мессію, прислания отъ васъ должной ему суммы, въ чемъ я его и увѣрить не преминулъ. Я съ особливою радостию увѣдомляюсь чрезъ писмо его высокородия Якова Алексѣевича о ея импер. велич. высочайшей къ вамъ довѣренности и милости, пожаловавъ васъ въ надворные совѣтники, съ чемъ ваше высокородие вседушно отъ сердца моего поздравляю, желая при томъ при наступленіи новаго года паки скораго возобновленія ея высочайшихъ знаковъ къ вамъ милостей, съ препровожденіемъ всякого пожеланного добраго благосостоянія здравия, въ чемъ я принимаю истинное участіе, имѣю честь въ протчемъ пребыть съ обыкновеннымъ моимъ высокопочитаніемъ и преданностію, вашего высокородия, всепокорнѣйшій слуга Лука Татищевъ.

Роспись издержанным деньгамъ на ниже писанныя вещи комисіи мнѣ отъ васъ данныя, изъ присланныхъ въ два разные времена, суммъ 1200 и 325 рублей, а именно:

	фун.	шил.	пнс.
Вистону въ уплату по реестру заплачено	70	— 0	— 0
Осборну по реестру, и за ящикъ и веревки,	29	— 5	— 6
Его расходы въ отправленіи книгъ на корабль	0	— 7	— 0
Давису по реестру	27	— 15	— 0
Его ящики и веревки	0	— 17	— 6
Въ отправленіи оныхъ на корабль	0	— 12	— 0
Athanasius	0	— 8	— 0
Вилкоху по реестру	3	— 8	— 6
Бекеру по реестру за книги	9	— 10	— 0
Ящики, веревки и при отправленіи оныхъ на корабль	0	— 12	— 6
За объявку въ таможню вышеозначенныхъ книгъ и протчіи тамъже по сему дѣлу издержки	5	— 6	— 6
Мною особливо всего издержано	1	— 7	— 0
Ассюранціи за 220 фунтовъ стерлинговъ по 5-ти процентовъ	11	— 11	— 0
Перстень брилліантовой	60	— 60	
Часы золотые	20	— 20	
Три пары шелковыхъ сѣрыхъ наилутчихъ чулковъ, по 15-ти шил. каждая пара	2	— 5	— 0
Две пари черныхъ по 13-ти шил. пара	1	— 6	— 0
Итого.	248	— 11	— 6
Въ первый разъ полученныя мною 1200 рублей по курсу учинили	235	— 10	— 0
Въ другой разъ 300 рублевъ учинили	60	— 0	— 0
Въ два раза переводъ	195	— 10	— 0
Сумма	248	— 11	— 6
Въ остатке	46	— 18	— 6

Издержки на Якова Алексеевича.

Охотничья фузея	3	— 0	— 0
12 паръ нитяныхъ исподнихъ чулковъ по 4 шил. и 2 пенса пара	2	— 10	— 0
Итого.	5	— 10	— 0
Полученные мною вышеупомянутые на его собственные издержки сверхъ 1500 р. 25 рублей учинили по курсу	5	— 0	— 0
Слѣдовательно отъ сего щета остается вамъ получить	0	— 10	— 0
	46	— 18	— 6
Вычетъ	46	— 8	— 6
Вистону по реестру	80	— 2	— 6
а 6 ящиковъ	1	— 16	— 0
Веревки, перевозъ, ботъ, выгрузку и проч.	0	— 19	— 6
	82	— 18	— „

Уплачено ему какъ выше показано	% —	0 —	0
Слѣдовательно теперь еще доплатить ему	12 —	18 —	0
	46 —	8 —	6
Фунтовъ стерл.	34 —	9 —	6
Упоминаемыя въ выше реченномъ писмѣ моемъ извѣстныя въ доплату вамъ надлежащия деньги.	0 —	5 —	0
Всего у меня остается	34 —	14 —	6

Лука Титищевъ.

50. Отца Андрея Павловича Полетики, изъ Хмѣлова, 1762 г., 12 декабря.

Любезнѣйшій сынъ мой Григорій Андреевичъ! Писмо ваше отъ 25 ноября съ Москвы пущенное, получилъ я исправно декабря 10-го. За присланныя отъ васъ прп томъ своихъ трудовъ двѣ книжки много вамъ благодарствую. Объявляете, что подали въ сенатъ апелляціонную челобитную и копію оной ко мнѣ прислали и стараться будете до отъѣзду своего исходатайствовать резолюцію о перенесеніи дѣла въ сенатъ, а пока того не получите, выѣзжать оттуда не намѣрены, тако жъ о дѣлѣ берестовскомъ [1]), заводномъ съ графомъ Гаврилою Ивановичемъ Головкинымъ и о протчемъ; на что вамъ порознь въ отвѣтъ пишу: 1) челобитная, кажется, написана порядочно и, какъ знаете, такъ и старайтеся; оное дѣло, ежели (Богъ дастъ) рѣшено будетъ въ ползу, больше нужно для васъ, а не для меня, и пріѣздъ вашъ сюда зависитъ на волѣ вашей, когда управитеся, тогда и пріѣзжайте, желаю здоровыхъ васъ видѣть; 2) кареты и хомутовъ уже не покупайте, ибо они нужны были для свадьбы Андреевой, которая обошлась и въ здѣшнихъ, каковы есть, колясках; ему жъ въ каретѣ не ѣздить, а кромѣ того, хотя старого манеру, такая какъ за Татьяною Павловною, однакъ красивая, трипомъ выбитая, карета ему за женою придана; я жъ кромѣ обыкновенной моей тарадайки, въ другой ѣздить не привыкну; 3) что жъ касается до наглостей прикащика берестовского, то можете увидѣть обстоятельнѣйше съ приложенныхъ при семъ копій, какова мнѣ невинно

[1]) За село Берестовку.

отъ его послѣдовала обида: Стефанъ задрался съ нимъ не напрасно, но потому, что онъ точно поля коровинскія пооралъ, пашни на нихъ насѣялъ, которыя Стефанъ велѣлъ выбить скотомъ козачимъ, а прикащикъ заграбилъ за то козачихъ болѣе ста лошадей; Стефану жъ разсудилось поступить инако нельзя, не допуская своего поля нагло завладѣть, а прикащику не должно было грабить, но розвестись, чье окажется поле, графское-ли или наше; но онъ, того не дѣлая, не токмо козачія заграбилъ лошади, но и мое стадо, которое отъ того мѣста въ нѣсколько десятъ верстъ было, и ни малѣйшей причины не было такой, за чтобъ меня онъ могъ грабить; съ Стефаномъ задрался, съ нимъ же было ему и росправится, а меня не зачепать невинного; я писалъ къ ему и билъ челомъ въ полковую лубенскую канцелярію, откуда предлагано ему тотъ скотъ возвратить, но онъ не послушалъ; теперь хотя я въ генералную войсковую канцелярію послалъ чрезъ Андрея доношеніе, однакъ не уповаю, чтобъ и оттуда съ пользою что послѣдовало, потому что крайне ослушенъ является, колми паче можетъ отказаться, когда уже своему господину далъ знать. Прилѣжно прошу о семъ доложить графу Гаврилѣ Ивановичу и просить о возвращеніи хотя моего скота, а съ Стефаномъ пускай розвѣдуются какъ хотятъ; ежели не схочетъ графъ безъ суда опредѣлить отъ себе депутатовъ о разборѣ между Берестовкою и Коровинцами границы, во пресѣченіе таковыхъ споровъ, когда жъ ни на то, ни на другое не согласится, то написавъ отъ меня и подписавъ мое имя, подать самому его ясневелможности доношеніе съ крайнимъ прошеніемъ о возвращеніи грабежей и о розборѣ, ежели не возможно коммиссіею безъ суда, то хотя и судомъ. Когда бъ то можно такую милость сыскать у его ясневелможности, чтобъ не судомъ, но нарочно опредѣлить коммиссію разобрать границу, весьма бъ хорошо, и такой волокиты какъ по судамъ не было бъ, о чемъ пожалуйте постарайтеся, и графъ Гаврила Ивановичъ конечно на сіе пристать не откажется; протчее припосылая отеческого моего вамъ благословенія, пребываю вашъ доброжелателный отецъ Андрей Полѣтика.

51) Брата Степана Андреевича, 1762 г.,—декабря.

Милостивый государь, братецъ Григорій Андреевичъ! Двѣ книжечки переводу и составу вашего я отъ батюшки получилъ, за коихъ одолженіе и въ оныхъ за доброе нравоученіе покорнѣйше благодарю. Я уповаю, что вы уже чрезъ письма батюшкины доволно извѣстни о происходимихъ обидахъ отъ приказчика берестовского [1]), который столь началъ усилововатся, что уже добрался и до опредѣленныхъ вамъ и мнѣ въ степѣ частей. Я, не могучи ракалѣи попустить себе въ обиду, мало его понудилъ, чтобъ подалѣ отсунулся, и то самимъ дѣломъ уже доказалъ, что мужики комличанскіе [2]) бросили брать захваченную землю. Еднакъ лучше всего бы, милостивый государь братецъ, ежели бы вы постарались въ графа Головкина, чтобъ онъ съ нами сдѣлалъ границю для общего покою, дабы въ слѣдующее лѣто прикажчикъ съ мужиками чего еще новаго не вздумали. Я васъ, уже другой годъ наступуетъ, ожидаю, какъ Израиль мессіи очей, и я получу обѣтованіе отче, еднакъ не дождусь вижу скоро, а остаюсь, какъ и сами знаете, милостивый государь, братецъ, противъ денежныхъ заборовъ, безъ владѣнія настояще моею наслѣдною частию въ обидѣ; я бы съ оной уповаю также (нажилъ) пятсотъ рублей своими трудами, какъ хто батюшкиными користуется, моглъ, который въ ту сумму изъ моей части людей владѣя оными собираетъ прибыли. Я тѣмъ будучи обиженъ, смѣю вамъ доложить, что я по той роспискѣ, на якой подписался доволнымъ, въ разсужденіи отдачи по веснѣ дворовъ коровинскихъ и части всей мнѣ, когда ей не имѣю во владѣніи, не доволенъ, и хочу получить равную часть и въ заборѣ денежномъ противъ прочихъ браттей моихъ. Впрочемъ все предавъ въ ваше справедливое разсуждение, въ ожиданіи вашего скораго пріѣзду, есмь съ моимъ почтеніемъ вашъ покорнѣйшій слуга Стефанъ Полѣтика.

---

[1]) См. выше письмо № 50.

[2]) Жители поселенной недалеко отъ Коровинецъ слободы Комычки.

52) Брата Степана Андреевича, изъ Коровинецъ, 1763 г., 24 февраля.

Милостивый государь, братецъ Григорій Андреевичъ! Росписку на взятие въ отдѣлку кровати хорошимъ мастерствомъ тулского ружейного мастерства Тихономъ Крижовымъ десять рублей деньги при семъ къ вамъ, милостивому государю, моему братцу, посылаю, по которой покорнѣйше прошу, въ проѣздъ чрезъ Тулу, приказать объ ономъ мастерѣ справится и ежели есть кровать сдѣлана, то оную взять или денги въ задатокъ имъ забратие отобрать. При томъ же мнѣ довелось теперича знать, что аптекарь Нейдгардъ визичилъ жителствующему въ городѣ Ромнѣ (кой уже умре) Якубовичу тридцать рублей денегъ, которихъ въ закладъ взялъ у оного Якубовича на Собецкого добра всѣ крѣпости, мнѣ же съ тѣхъ Собецкого добръ дворъ въ городѣ Ромнѣ съ лавками и лугъ надъ селомъ Волковцями состоящихъ, по куплѣ достались, почему и тѣ крѣпости мнѣ весма нужни, покорнѣйше прошу васъ, милостивого государя, моего братца, какъ я слыхалъ, что оного аптекаря Нейдгарда по умертвіи его жена нинѣ въ Москвѣ находится, приказать объ оной справится, и ежели по справкѣ сыщутся подлѣнніе въ оной крѣпости, то тѣ крѣпости, что ей подлежатиметъ заплативъ, викупить, я вамъ, милостивому государю, моему братцу, съ особливимъ благодареніемъ данныя за оние денги возвратить имѣю, въ чемъ отъ васъ и увѣдомленія скорого ожидать буду. О семъ же я пишу и къ Ивану Андрдевичу, къ которому при семъ и конвертъ прилагаю, покорнѣйше прошу чрезъ певную и вѣрную окказію къ нему сослать. Я же есмь съ должнѣйшимъ почтеніемъ вашъ всего доброжелателный братъ и покорнѣйшій слуга Стефанъ Полѣтика.

53) Брата Степана Андреевича, изъ Коровинецъ, 1763 г., 9 декабря.

Милостивый государь, братецъ Григорій Андреевичъ! На писмо ваше, со многими запросами ко мнѣ присланное, я какъ за недосужствомъ своимъ, а особливо за многими по тому дѣлу справками, иного вамъ чрезъ сіе отвѣта предписать

не могу, кромѣ слѣдующого: о требуемыхъ вами справкахъ вы инако отъ меня не можете быть завѣрены, буди вамъ того потребно, какъ при персоналномъ свиданиѣ, а чтобъ вы иногда въ надобности вашей могли знать и о дѣлѣ съ Ласкевичами и протчими гдѣ оно, то оное все подлинное (вамъ объявляю) содержится у батюшки нашего, которое мною, по стужателному его приказу, давно уже препоручено, о чемъ можете быть отъ него удостовѣрены; о хлѣбѣ же общемъ коровинскомъ увѣдомляю васъ, что осталной отъ согнитія и перемолоченный чрезъ нарочно присланного отъ суда полкового гадяцкого, содержится по порученіи оного нарочного въ моемъ присмотрѣ и понынѣ въ цѣлости, которой буди вамъ по какимъ-либо вашимъ утвержденіямъ нынѣ надобенъ, вы можете чрезъ тотъ приказъ перемолоченный получить отъ мене, которой и молотить велѣлъ, я же вамъ, милостивому государю, братцу, открываюсь, что какъ не былъ вашимъ рабомъ, такъ и впредь, нѣчемъ отъ васъ будучи не одолженъ и вашего собственного ничего же не занявши, и по обявленному вами съ Ласкевичами дѣлу служить не желаю, и предъ вами какъ претензію вашу всю, такъ и поступленние вами на бумажки пятисотные денги въ цѣлости оставляю, по коему вы отвѣтчикамъ равного себѣ и прокуратора сыскать можете. Впротчемъ, восписавши мой отвѣтъ, пребываю васъ, милостивого государя, братца, доброжелателный братъ и покорный слуга Стефанъ Полѣтика.

54) Графа Владиміра Григорьевича Орлова, изъ Москвы, 1767 г., 23 іюля.

Государь мой Григорій Андреевичъ! Я конечно не думалъ, чтобы то, о чемъ вы ко мнѣ пишете, такъ мѣдлительно списовалось. Когда вы съ своей стороны пищиковъ, какъ вы обещаете, найтить можете, то тѣмъ и поспѣшнѣе сіе дѣло пойдетъ, которихъ прошу и пріискать. А то, что вы переслать сюда намѣрены были, прошу оное на нѣсколко времяни удержать у себя. Братъ Федоръ Григорьевичъ доволенъ очень, что онъ былъ виною радости причиненной отцу вашему; благодаритъ васъ за писаніе и кланяется вамъ. Желая вамъ

всякаго благополучія, пребываю съ искреннымъ почтеніемъ, государь мой, вашъ покорный слуга г. Володимеръ Орловъ. (*Собственноручное*).

55) Брата Козьмы Андреевича [1]*), изъ Ромна, 1768 г., 2 іюня.*

Милостивый государь, братецъ, Григорей Андрѣевичъ! При отъѣздѣ Елены Ивановны, любезной супруги вашей, взялъ я на откупъ Педковщину и Бардаковщину, въ такихъ обязателствахъ, которые изъяснены у контрактахъ нашихъ. Мы какъ договоръ дѣлали горячо, то и теперъ оной меня сжетъ, ибо Андрѣй Андрѣевичъ и Петръ Афанасьевичъ [1]), будучи при договорѣ нашемъ, увѣряли меня, будьто Бардаковщина вся засѣяна рожью, а я на слова ихъ увѣрясь, заключилъ контрактъ, а послѣ увидѣлъ, что ржи на всемъ томъ полѣ ни зерна не посѣяно, кромѣ яриннаго хлѣба, которымъ по справедливости и слѣдовало бы мнѣ договоренную въ контрактѣ сумму хлѣба вамъ дать; и такъ въ разсужденіе и рѣшеніе ваше отдаю сію задачу, что ежели я принужденъ буду отдавать рожью, какъ я обязался, а не яриннымъ хлѣбомъ, то будущаго лѣта у васъ вся корысть можетъ пропасть, въ разсужденіи того, что я хотя купивши рожь за чистыя денги, или изъ другого моего хозяйства собравши, вамъ отдать долженъ, а убытокъ мой возвращать буду нанимая все поле на пастьбу во время ярманковъ, ежели вамъ заблагоразсудится, оставить оную Бардаковщину при мнѣ и на будущое лѣто, то есть до того же срока, какъ нанята Педковщина, то я выполню за сей годъ все по контракту; оное лѣто соглашусь держать изъ половины дохода сѣемаго хлѣба, о которомъ вашемъ согласіи прошу немедлѣнно мнѣ дать знать, ибо люди начинаютъ уже просить поля подъ рожь, а я не дождавшись отъ васъ отвѣта, того учинить не могу, равнымъ образомъ и будущею весною подъ засѣвъ яриннаго хлѣба, безъ крайняго моего убытка, дать не можно, а для увѣренія можетъ служить и одно ваше писмо, не перемѣняя

[1]) Козьма Андреевичъ Полетика, майоръ, род. 1737 † 1771. Былъ женатъ на Настасьѣ Ивановнѣ Марковичъ. Дѣтей не оставилъ.

[2]) Шкляревичъ.

контракта. Въ протчемъ увѣдомляю васъ, милостивого государя! братца, что въ фамиліи нашей все идетъ благополучно, кромѣ того, что братъ Стафанъ Андрѣевичъ, какъ то и неудивительно, безпрестанно всѣхъ безсовѣстіемъ своимъ безспокоитъ, и теперь чрезъ нахалной его грабежъ, на великомъ степу, у Чесночки и Телесницкого стада, наварилъ такого пива, которое со временемъ весма твердо ему покажется. Въ протчемъ съ должнымъ моимъ пребываю почтеніемъ, вашъ, милостивого государя, братца, покорнѣйшій братъ и слуга Козма Полѣтика. P. S. Прошу покорно не забыть о печаткѣ, о которой словесно я просилъ.

56) Брата Козьмы Андреевича, изъ Ромна, 1770 г., 1 февраля.

Милостивый государь мой, братецъ, Григорѣй Андрѣевичъ! Новымъ годомъ васъ, милостиваго государя. съ фамиліею Вашею поздравляю, желаю во всякомъ благополучіи оной проводить. За календарь покорнѣйше благодарствую. При семъ доношу, что безпутное наше въ Коровинцахъ владѣніе отчасу насъ разоряетъ за неучиненіемъ общаго и вѣчнаго роздѣла, которого дѣйствіе нами каждую весну полагается, но, за неприсутствіемъ вашимъ или повѣренного вашего, безъ дѣйствія остается. Повѣрьте, милостивый государь, братецъ, что Стефанъ Андрѣевичъ, показывая видъ толко одинъ, что желаетъ скоро вѣчного раздѣла, тѣмъ временемъ ползуется самъ почти всѣми невроздѣлѣ находящимися землями, къ крайнему нашему убытку. Дуброва почти въ пень вырубана для новозанятой его въ Коровинцахъ плотины; того ради просимъ всѣ здѣлать сему безпорядку конецъ. Ежели вы намѣрены сѣно ваше продать, то прошу скоро меня увѣдомить и объявить цѣну, или положится на томъ, что сторонніе люде за скитду будутъ давать, вы теперь сходною цѣною можете ихъ продать, ежели до лѣта онѣ не останутся. Я васъ, милосивый государь мой, братецъ, многократно просилъ и теперь покорнѣйше прошу о печаткѣ, которой у себя не имѣю; ежели оная здѣлана будетъ и прислана, то денги тотъже часъ съ благодареніемъ отданы будутъ кому отъ васъ приказано будетъ. Въ протчемъ объявляю, что въ

домѣ отческомъ все кажется благополучно, и пребываю съ должнымъ почтеніемъ вашъ, милостивого государя моего, покорнѣйшій слуга и братъ Козма Полѣтика.

57) Брата Степана Андреевича, изъ Коровинецъ, 1768 г., 30 сентября.

Милостивый государь мой, братецъ, Григорій Андреевичъ! Съ писма вашего, опущенного прошлого іюля отъ 27 числа, я увѣренъ, что отъ васъ повѣрено быть при роздѣлѣ принадлежащихъ до села Коровинецъ угодій Петру Афанасьевичу [1]), а сверхъ того, естьли ему не возможно будетъ при ономъ быть, то посылаете другую вѣрующую къ Василю Василіевичу Янжулу, но по выправки моей, объявилъ мнѣ Афанасій Прокофьевичъ, что ни Петръ Афанасьевичъ, ниже Янжулъ, который съ нимъ видѣвшись въ Ромнѣ объявлялъ, таковыхъ вѣрующихъ они не имѣютъ, съ чего видно, что вамъ, милостивый государь братецъ, продажа моего степу, о когоромъ я къ вамъ предъ симъ писалъ не нужна, ибо чрезъ неприсылку отъ васъ вѣрующей проходитъ уже время и нашей роздѣлки, а наступаетъ зѣма; оная жъ продажа отъ меня вамъ объявлена для той крайней причины, что батюшка мнѣ за подлежащую ему тысячу рублей денги отдыху не даетъ, и въ силу моглъ до нового году, давъ процентъ, упросить обождать; и такъ, я чрезъ сіе еще принужденъ къ вамъ адресовать, прося отъ васъ конечного объявленія о вашемъ желаніи, которое буди вы совершенно содержите, то прошу прислать кого, или кому повѣрите, для договору и для заплаты, не дожидая нашего роздѣлу, которой уже въ вашеи волѣ останется, а я оного степу часть, на меня надлежащую, иамѣренъ для васъ уступить за двѣ тысячи рублей, хочай то мнѣ присланній отъ графа Головкина повѣренный сулитъ то, что я пожелаю, только бъ въ торгъ ишолъ, но я не дождавшися отъ васъ отвѣта конечного, ниже слова съ нимъ о семъ не говорилъ; опасаться же вамъ Полуботковь иску, по моему мнѣнію, недлячего, для того, что ихъ доискъ по всѣмъ

[1]) Шкларевичъ.

законамъ сумнительній, другое что вы продавца имѣете такого, въ которого собственнихъ имѣній на болшую сумму, не дай Богъ хочай бы и то собилось, останется. Въ ожиданіи отъ васъ скорѣйшого увѣдомленія, есмь зъ всегдашнимъ моимъ почтеніемъ, милостивый государь, братецъ, вашъ доброжелателнѣйшій и покорнѣйшій слуга Стефанъ Полѣтика.

КЪ РИСУНКУ

(ДАРЪ ГЕТМАНА МАЗЕПЫ ГРОБУ ГОСПОДНЮ).

Въ алтарѣ церкви Воскресенія, въ Іерусалимѣ, въ храмѣ гроба Господня, съ давнихъ временъ сохраняется художественнаго чекана массивная серебряная доска, въ особо торжественныхъ случаяхъ возлагаемая на престолъ во время литургіи и служащая подножіемъ для Св Даровъ.

Драгоцѣнная доска эта, съ изображеніемъ плащаницы, принадлежитъ Сокровищницѣ Св. Гроба. Мало кому извѣстно, что это—одно изъ приношеній Гетмана Мазепы Патріархіи Іерусалимской.

При отсутствіи правильнаго веденія записей вкладамъ Святогробской ризницы, довольно трудно опредѣлить время принесенія этого дара. По всему вѣроятію, оно относится къ послѣднимъ годамъ патріаршества Блаженнѣйшаго Досиѳея (1669—1707), или же къ самому началу патріаршества Хрисанѳа (1707—1731). На самой же доскѣ не обозначено ни года чекана, ни времени вклада.

Доска эта, или, какъ называютъ ее въ Іерусалимѣ, антиминсъ, изображеніе коей прилагается [1]) укрѣплена на деревянномъ основаніи и имѣетъ 106 сантиметровъ длины при 83 ширины. Посреди ея, въ широкой рамкѣ богатаго орнамента,

[1]) Фотографическій снимокъ былъ *впервые* сдѣланъ по моему заказу въ началѣ текущаго года, съ разрѣшенія патріарха Герасима іеромонахомъ русской миссіи.

серебрянаго по золоченному фону,—тонкая, художественная гравюра по металлу, повидимому, чужеземной работы [1]). Вся композиція ея отличается итальянскимъ характеромъ во вкусѣ старыхъ мастеровъ.

У подножія креста, предъ отверстымъ гробомъ, изнемогающую отъ скорби Богоматерь поддерживаетъ и утѣшаетъ любимый ученикъ Спасителя, Іоаннъ, заступившій Ей мѣсто сына. Іосифъ изъ Аримаѳеи и Никодимъ благоговѣйно опускаютъ въ гробъ обернутое пеленою тѣло Великаго Страдальца. У ногъ Его колѣнопреклоненная Марія Магдалина. Позади—два Ангела, съ погребальными факелами въ рукахъ, проливаютъ слезы [2]). По сторонамъ креста—копіе и губа, сверху—доска съ начальными буквами І. Н. Ц. І. ІΣ. ХΣ. НН. КА., а надъ нею вырѣзана надпись:

„Подаяніемъ Ясневелможнаго Его Мти Пана Іωанна Мазепи Россійскаго Гетмана".

То-же награвировано по латыни внизу, подъ изображеніемъ гроба:

„Sumptu illustrissimi Domini Ioannis Mazefa (sic) Ducis Rossiae ".

Широкій, около 20 сантиметровъ, бортъ, окаймляетъ гравюру. Среди богатаго, рельефнаго орнамента изъ сплетающихся по золотому фону серебряныхъ цвѣтовъ, листьевъ и плодовъ, въ стилѣ возрожденія, помѣщены предметы, напоминающіе Страсти Христовы: чаша искупленія, сосудъ съ водой, колонна и орудія бичеванія, нарукавники, хитонъ, кошель съ 30 серебрянниками, лѣстница, копіе, губа съ оцтомъ, терновый

---

[1]) Не русское происхожденіе этого произведенія искусства обличается уже одно ошибкою въ имени жертвователя, котораго граверъ назвалъ Mazefa. вмѣсто Мазера.

[2]) Въ собраніи южнорусскихъ гравированныхъ антиминсовъ церковно-археологическаго музея при Кіевской Духовной Академіи находится полотняный антиминсъ, освященный Черниговскимъ архіепископомъ Іоанномъ Максимовичемъ, въ 1697 г. для храма Св. Троицы, во градѣ (мѣстечкѣ) Пакули. Этотъ антиминсъ, № 2145, весьма сходенъ съ описываемой гравюрой.

вѣнецъ и фонарь; въ углахъ рамки—изображенія четырехъ Евангелистовъ; въ верхней ея части, надъ крестомъ, нерукотворный ликъ Спасителя, а въ нижней—родовой гербъ Мазепы, т. е. крестъ, сопровождаемый полумѣсяцемъ и шестиугольною звѣздой. На крестѣ буквы: М(азепа) Іѡ҃а҃ Г(етманъ). Гербъ этотъ вполнѣ согласенъ съ тѣмъ изображеніемъ его, которое было помѣщено мною въ „Кіевск. Стар.“ за 1886 г. [1]).

Даръ этотъ не былъ, конечно, единственнымъ. Въ богатой сокровищницѣ Святогробской Общины найдется еще, безъ сомнѣнія, не мало другихъ цѣнныхъ вкладовъ той же эпохи и того же происхожденія—благочестивыя приношенія отъ Малороссіи, разсѣянныя по православнымъ храмамъ и обителямъ мусульманскаго востока.

При посѣщеніи ризницы древне-православнаго храма во имя Св. Архангеловъ, въ Босніи, въ Сараевѣ, минувшимъ лѣтомъ, вниманіе мое было привлечено старинною церковною утварью несомнѣнно русскаго происхожденія [2]). Массивнаго, вызолоченнаго серебра потиръ, дискосъ, звѣздица, лжица и копіе, работы прошлаго вѣка, невѣдомыми путями попали изъ Малороссіи въ самое сердце Боснійской земли.

Потиръ, вѣсомъ въ 5 фунтовъ, въ верхней части своей украшенъ медальонами изъ финифти. Въ нихъ, по матово-золотому фону, находятся изображенія Распятія. Христа, Дѣвы Маріи и Іоанна Предтечи. На подножіи сосуда, среди рельефнаго орнамента помѣщены; „Моленіе о чашѣ“, „бичеваніе“, „возложеніе терноваго вѣнца“ и „перенесеніе креста“. Средняя часть украшена изображеніями шестикрылыхъ серафимовъ. По верхнему краю чаши надпись: „Ядый Мою плоть и піяй Мою кровь во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ“, а на днѣ ея вырѣзано:

„Сія чаша м҃. г҃. т҃. принесена ѿ малороссіи трꙋдомъ и иждивеніемъ того м҃: Нгꙋменом Никодимомъ а вкладчики во-

[1]) См. мою замѣтку: „Мазепа—князь и его шляхетскій и княжескій гербъ“

[2])Пробирные знаки 1782 г., съ изображеніемъ Георгія Побѣдоносца и буквами: С. П. К. С. Б. Д. О. П:

оной бившаго Запорожія козакъ ілья Ѳеодоровичъ и воной іосиповичъ; 1786: мца Й гѵста 1. чл.". Далѣе, другимъ шрифтомъ, по сербски, прибавлено:

„Сѳкѵ чашѵ приложилъ Х. лазарь Х. манойловичъ ѵ цркѵ Сараевску на 1804".

Въ срединѣ массивнаго вызолоченнаго (1½ фунта) дискоса находится гравированное изображеніе Предвѣчнаго Младенца, покоящагося въ сіяніи и окруженнаго Ангелами; надъ Нимъ Богъ Отецъ и Духъ Святой. Вокругъ надпись: „Се агнецъ Бжи вземляй грѣхи всего мира", а подъ дискосомъ:

„Сіи Дискосъ М С Т. съ чашею и со ѵборомъ равно принесеній игѵменомъ Никодимом Борисовичемъ з Здимірові 1786 мца ав. I. чл." и далѣе:

„Сѳки дискосъ приложилъ хаџи Лазарь хаџи Манойловичъ ѵ церкв Сараевскѵ на 1804".

На звѣздицѣ (½ фунта вѣсу), съ изображеніемъ Бога Саваоѳа въ центрѣ и Іоанна Златоуста съ Василіемъ Великимъ по краямъ, вырѣзано:

Сія звезда М. С. Т. и ложца и копіе и блюдце съ чашею и дискосомъ равно принесени 1786" и опять:

„Сѳкѵ звездѵ приложилъ Хаџи Лазарь Хаџи Манойловичъ ѵ церкв Сараевскѵ на 1804".

Какимъ обазомъ очутилась эта утварь въ столицѣ Босніи и кто такой былъ Лазарь Манойловичъ, пожертвовавшій ее въ церковь своего роднаго города—рѣшить мудрено. Званіе хаджи", т. е. поклонника, бывшаго у Св. мѣстъ, заимствованное и перенятое у мусульманъ, совершавшихъ паломничество въ Мекку, пріобрѣло издавна права гражданства среди православнаго населенія Босніи и Герцеговины [1]).

Вывезъ-ли боснякъ Манойловичъ малорусскую церковную утварь изъ Новой Сѣчи, возникшей послѣ разгрома Запорожья, гдѣ, быть можетъ, самъ находился въ числѣ иноземныхъ „брат-

[1]) Такъ, напр. бывшій Митрополитъ Боснійскій и извѣстный Славянскій патріотъ, Савва Косановичъ, именуется и подписывается этимъ званіемъ.

чиковъ",—пріобрѣлъ-ли случайно ее изъ третьихъ рукъ, во время своихъ странствованій по Св. Землѣ, или же добылъ ее съ боя у турокъ, ограбившихъ православный храмъ—вотъ рядъ предположеній, которымъ, по всему вѣроятію, такъ и суждено остаться догадками.

Князь Александръ Дабижа.

Іерусалимъ—Босна-Сарай 1892—1893.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Троцины. (*Къ исторіи малорусскаю шляхетства*). Троцины происходятъ изъ с. Переволочны, прилуцкаго уѣзда. Въ полов. XVII вѣка, тамъ жилъ козакъ Василій, у котораго было два сына Трофимъ и Степанъ. Старшій—Трофимъ выдвинулся изъ рядоваго козачества, благодаря хорошему голосу сына своего Антона, за который его взяли въ Москву, въ пѣвчіе къ царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ. По представительству сына—пѣвчаго, отецъ въ 1688 г. получилъ сотничій урядъ въ м. Срѣбномъ; кромѣ уряда, тотъ же сынъ выхлопоталъ отцу позволеніе заселить слободою разоренное татарами село Охоньки [1]). На Срѣбрянскомъ урядѣ Трофимъ оставился до 1707 г., когда повышенъ былъ на урядъ полковаго судьи. Занимая уряды сотника, а потомъ полковаго судьи, Трофимъ повидимому стѣснялся называться тѣмъ «уличнымъ» прозвищемъ, которое занимъ усвоено было въ это время и въ публичныхъ актахъ писался по имени отца—Васильевичемъ. Васильевичемъ звался и младшій братъ Трофима—Степанъ. Такъ братья названы,—только по имени отца,—въ декретѣ прилуцкаго полковаго суда 1703 г., разрѣшившемъ споръ братьевъ объ общей ихъ мельницѣ на р. Удаѣ, въ с. Переволочной. Но въ народѣ Трофимъ Васильевичъ слылъ подъ именемъ Троця (уменьшительное отъ имени Трофимъ). Троць оставался полковымъ прилуцкимъ судьею и въ измѣну Мазепы. Тогдашній прилуцкій полковникъ Дмитрій Горленко, будучи однимъ изъ самыхъ близкихъ сторонниковъ измѣнившаго гетмана, пошелъ за нимъ къ шведамъ; но прилуцкая полковая

[1]) „С. Охоньки здавна было татарами забранное и спустошенное и когда сотникъ срѣбрянскій Антонъ Троцина, еще не бувши сотникомъ, при двору государыни Софьи Алексѣевны служилъ, тогда получилъ отъ гетмана Мазепы указъ, дабы отцу его сотниковому вольно было тое пустое селище осадить.“ Генер. слѣдствіе о маетностяхъ прилуцкаго полка, рукопись Румянцевскаго Музея.

старшина, обозный Носъ и судья Троць,—за своимъ полковникомъ не пошли. Вскорѣ послѣ этого Троць оставилъ войсковую службу, вѣроятно по старости. Не смотря однако на свою старость, Троць не избѣгъ одного изъ тѣхъ доносовъ, которыми нѣсколько лѣтъ послѣ измѣны Мазепы разныя темныя личности старались выслуживаться, и вытребованъ былъ въ Петербургъ, какъ видно изъ слѣдующаго прошенія сына его Антона, написаннаго къ гетману въ 1718 году.—«По неволѣ отецъ мой, за ненавистныхъ людей неправеднымъ уданьемъ (доносомъ), взятъ по указу въ С.-Петербургъ, гдѣ при своей старости и остатной на здоровьи слабости, претружденный на дорозѣ, будучи, скончилъ судьбами Божими животъ свой, теды я, упадаючи до ногъ вельможности вашей, прошу подтвердить мнѣ тое сельце Охоньки, которымъ отецъ мой по грамотѣ монаршой и по поважному вельможности вашей унѣверсалу, владѣлъ.» На прошеніи этомъ Антонъ Трофимовичъ подписался *Троцином*. Такимъ образомъ сынъ Троця сталъ писаться по имени отца, но только въ малорусской формѣ этого имени: вмѣсто Трофимова явилось Троцинъ, которое затѣмъ было передѣлано въ часто встрѣчающуюся форму малорусскихъ личныхъ прозвищъ—Троцина.

Антонъ Троцина покинулъ Москву или за потерею голоса или, быть можетъ, послѣ того, какъ царевна Софья лишилась возможности имѣть свой «дворъ». Возвратившись на родину, онъ поступилъ на службу въ генеральную канцелярію и служилъ здѣсь около девяти лѣтъ, какъ самъ говоритъ въ своемъ завѣщаніи. Служба въ гетманской канцеляріи дала возможность сыну и здѣсь помочь своему отцу: въ 1695 г. Мазепа отправилъ въ Москву плѣнныхъ турковъ, добытыхъ при взятіи Кизикермена, и нарядилъ при этомъ для представленія плѣнниковъ царю полковниковъ Бороховича, Мировича и Мокіевскаго.—Антонъ Троцина выпросилъ у гетмана, чтобы съ этими посланцами отправленъ былъ въ Москву и его отецъ, такъ какъ посланцы непремѣнно должны были получить при этомъ разныя милости. Расчеты сына Троцины оправдались, такъ какъ за эту поѣздку отецъ получилъ царскую грамоту на Охоньки.

Изъ гетманской канцеляріи Антону Троцинѣ уже нетрудно было занять Срѣбрянскій сотничій урядъ, когда отецъ повышенъ былъ урядомъ судейства. На сотничьемъ урядѣ Троцина выпросилъ у своего полковника Носа разоренное татарами «селище» Карпиловку (при рѣкѣ Галкѣ), которое онъ затѣмъ «осадилъ» слободою. А послѣ смерти отца, Антону Тр—нѣ достались и Охоньки. Не смотря на свой

незначительный урядъ, Антонъ Троцина пользовался не малымъ значеніемъ не только межъ своими полчанами но и у гетмана Скоропадскаго. Троцина былъ хорошо грамотнымъ человѣкомъ и слылъ за дѣльца, совѣтомъ котораго дорожили. Кромѣ того онъ былъ горячимъ защитникомъ мѣстной старшины отъ тѣхъ обидъ и стѣсненій которые послѣдней пришлось терпѣть отъ новопоставленнаго въ 1715 году полковника извѣстнаго Игната Галагана. Сотникомъ Троцина оставался не менѣе тридцати лѣтъ и оставилъ срѣбрянскій урядъ только за старостью, въ 1739 г., имѣя въ то время болѣе 75 лѣтъ отъ роду. За время такой долгой службы Троцина нажилъ значительныя земельныя имѣнія, которыми и распорядился въ своемъ завѣщаніи, написанномъ въ 1741 г.—Троцина былъ человѣкъ довольно образованный для своего времени, и его завѣщаніе, писанное какъ видно самимъ завѣщателемъ, представляетъ нѣкоторый бытовой интересъ, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго отрывка. «Разсмотря отверстима очима довольное продолженіе, по волѣ Божіей, въ жизни моей, такожъ и нынѣ состоящую мою глубокую старость (въ это время Троцинѣ было около 78 лѣтъ), которая не къ чему иному меня изневоляетъ, какъ только денно и нощно памятовать, разсуждать и мыслить о конечномъ терминѣ жизни моей, коего по состоянію лѣтъ моихъ и слабости здоровья моего, уже безмедлительно чаю. А понеже чрезъ показанное житіе мое въ тонкость могъ усмотрѣть вѣка сего непостоянность, въ коемъ между прочимъ и сіе (могъ усмотрѣть), что многихъ отцевъ дѣти, еще не погребши тѣлесъ родителей своихъ, заразъ (сейчасъ) за позасталые отческіе движимыя и недвижимыя добра (имѣнія) въ великіе позвы (тяжбы) и ростырки (споры) входятъ и едни другихъ въ крайнее разореніе приводятъ; а чтобъ родителей своихъ по христіанску, по должности, отпоминать, того ниже въ мысли имѣютъ. Къ тому же тѣ же чада, слѣдуя непостоянству вѣка сего, къ оному—забывши Бога и его спасительныя заповѣди, вмѣсто должной родителямъ своимъ почести, во всемъ противятся и благословеніе ихъ за ничто имѣютъ; безъ благословенія—родительскія добра движимыя забираютъ, недвижимыя разоряютъ и во владѣніе себѣ привлекаютъ, что я на себѣ самомъ отъ сына моего Николая, сотника срѣбрянскаго, узнаю, который Бога не боясь, людей не срамлясь, забывши сыновнюю должность, великія мнѣ противности и укоризны дѣлаетъ насильнымъ забратіемъ въ обиду мою, собственнаго имѣнія, которое я не съ отчизны, ни съ дѣдизны имѣю, но власнымъ моимъ трудамъ набытыя (пріобрѣтенныя), а иные отца моего, а его

Николая дѣда, у разныхъ владѣльцевъ чрезъ трудность великую, откупленные...»

Непріязненныя отношенія между отцемъ и сыномъ повели къ тому, что Т—на имѣнія свои завѣщалъ второбрачной своей женѣ и прижитымъ съ нею дѣтямъ. Затѣмъ, Т—на завѣщаніе свое заключаетъ такимъ образомъ: «а если бы кто изъ дѣтей моихъ (отъ первой жены у Антона Т—ны, кромѣ сына Николая, были еще и дочери) сей послѣдней воли моей тестаментъ имѣлъ перемѣнять и касовать, то на таковаго родительское мое покладаю неблагословеніе въ сей вѣкъ и въ будущій, и таковой будетъ со мною судиться предъ нелицемѣрнымъ судьею во второмъ пришествіи, когда прійдетъ судити живыхъ и мертвыхъ и воздать комуждо по дѣламъ его». Послѣ написанія этого завѣщанія Антонъ Т—на прожилъ еще восемь лѣтъ и умеръ въ 1746 г., имѣя отъ роду болѣе 85 лѣтъ.

А. Л.

Къ исторіи культуры *(латинская надпись на кіевской библіи 1758 г.)*. Въ небольшомъ собраніи южнорусскихъ старопечатныхъ книгъ В. В. Тарновскаго есть, между прочимъ, превосходный экземпляръ такъ называемой елизаветинской библіи кіевской печати (1758 г., in-folio), замѣчательной по роскоши своего изданія и до сихъ поръ къ сожалѣнію подробно неописанной.—(Такое описаніе дало бы цѣнный матеріалъ для исторіи южно-русскаго типографскаго искусства). На этомъ экземплярѣ библіи по листамъ прописана слѣдующая небезъинтересная замѣтка одного изъ бывшихъ владѣльцевъ книги. «Священного 1752 года, м-ца сентевріа 12 дня, куплена бунчуковымъ товарищемъ Петромъ Чарнолускимъ для домашней его потребы. Куплена у моляра ропского (изъ м. Ропска) Ѳоми за дванадцать рублей денегъ, въ дому его хвоевскомъ (въ с. Хвосвичахъ). Ex libris Petri Ciołek Czarnołuski. Hic liber meus taestis est Deus quis illum querit. Hoc nomen erit nominatus Ciołek Czarnołuski, vocatus ad majorem Dei gloriam, beatissimam Virginis Mariae et omnium sanctorum». „Упоминаемый здѣсь Петръ Чарнолузскій былъ сынъ стародубскаго сотника Ивана Чарнолузскаго. См. опис. Ст. Малор., I, 138).

А. Л.

Договоръ священника съ прихожанами сто лѣтъ назадъ. Предлагаемый документъ заимствованъ изъ архива церкви села Юрковецъ, прилукскаго уѣзда, полтавской губерніи. Это одинъ изъ договоровъ священниковъ съ прихожанами, устанавливающій размѣръ платы за церковныя требы и службы. Документы, подобные этому, появлялись уже въ нашей исторической печати. Настоящее условіе относится къ числу позднѣйшихъ по времени изъ намъ извѣстныхъ и утверждено ближайшею духовною властью. Бумаги, подобныя этой, встрѣчаются не во всѣхъ южно-русскихъ церковныхъ архивахъ, а только въ нѣкоторыхъ. Объяснять ли это общею участью архивныхъ документовъ, исчезающихъ въ такомъ числѣ, или тѣмъ, что подобные договоры не были явленіемъ общимъ, а предоставлялись доброй волѣ прихожанъ? Болѣе близкое изученіе старыхъ южно-русскихъ церковно общественныхъ порядковъ должно разъяснить этотъ вопросъ, какъ и подобные ему другіе, къ выясненію которыхъ желательно видѣть собранными поболѣе матерьяловъ. «Выпись изъ Черниговской духовной дикастеріи, села Юрковецъ новорукоположенному цѣлопарохіальному священнику, Ѳедору Липяцкому, въ томъ, что по положенію между имъ и прихожанами того села при промоціи его во священство учиненному, имѣетъ онъ Липяцкій получать отъ нихъ прихожанъ за дѣло служенія своего, какъ то: за крещеніе младенца и за нареченіе имени пять копѣекъ, за обвѣнчаніе своихъ прихожанъ десять копѣекъ, а изъ стороннаго имущественнаго два рубля, зъ неимущаго стороннаго пятьдесятъ копѣекъ, за освященіе дому десять копѣекъ, за отправленіе обѣда десять копѣекъ, за похороны—великій десять копѣекъ, малый пять копѣекъ, за евангеліе пять копѣекъ, за сорокоустъ два рубля, за субботникъ пятьдесятъ копѣекъ, на отправленіе сорокоуста пшеницы чистой митой одну мѣрку, за исповѣдь отъ старыхъ по копейки, а отъ малыхъ по денежки, за освященіе пасокъ по 1 коп., за маслосвятіе одинъ рубль, роковщины, въ годъ отъ каждаго вола, по одной осминѣ, а отъ непашущихъ по пять копѣекъ; чемъ онъ Липяцкій и доволенъ быть долженъ, не вымагая болѣе отнюдъ ничего, а естли кто и болѣе дать добровольно что либо пожелаетъ, то ему тѣмъ ползоваться свободно; за силу учиненнаго его преосвященства опредѣленія, при печати, дана 1793 года апрѣля 18 дня. Черниговскаго Преображенскаго собора ключарь протоіерей Григорій и другія подписи.

Сообщ. **В. Г.**

Антифѣевка. Въ фельетонѣ «Кіевскаго Слова», за 1893 годъ № 2062, напечатано слѣдующее преданіе: «Въ былые годы жилъ въ Кіевѣ околодочный надзиратель Антифѣевъ, избравшій резиденціей Лукьяновку и командовавшій «Полянкой» и «Волчьимъ Яромъ». Г. околодочный былъ поклонникъ культурныхъ центровъ и терпѣть не могъ пустырей. Не желая, чтобъ «Волчій яръ» оправдывалъ свое названіе, надзиратель шепнулъ окрестнымъ обывателямъ: «селитесь здѣсь, обстраивайтесь, благоденствуйте и... меня не забывайте». Обыватели послѣдовали благому совѣту, начали обстраиваться и вознаградили благодѣтельнаго надзирателя не только при жизни, но даже послѣ его смерти: многіе старожилы называютъ эту мѣстность Антифѣевкой».

Мы слышали это преданіе о происхожденіи названія Антифѣевки въ болѣе полномъ и исправномъ видѣ, отъ одного кіевскаго старожила, покойнаго Ильи Ищенка, который разсказывалъ намъ слѣдующее. Послѣ Севастопольской войны, участвовавшіе въ ней отставные офицеры пользовались привилегіей занимать полицейскія должности преимущественно предъ другими лицами. Изъ числа такихъ офицеровъ былъ и квартальный надзиратель Антифѣевъ. По словамъ Ищенка, это былъ человѣкъ безкорыстный, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ человѣкъ военный, не имѣвшій ни малѣйшаго понятія о правахъ квартальнаго надзирателя. По добротѣ сердечной, онъ безпрекословно разрѣшалъ кіевскому бѣдному люду строить хижины и землянки въ необитаемыхъ дотолѣ «Полянкѣ» и «Волчьемъ Яру». Образовалось такимъ образомъ значительное поселеніе въ этихъ трущобахъ, крторомъ дошло, наконецъ, свѣдѣніе и до высшаго начальства въ о аѣ. Тогдашній кіевскій генералъ-губернаторъ, князь Васильчиковъ, съ большимъ удивленіемъ узналъ о существованіи въ Кіевѣ какого-то поселенія, невѣдомаго начальству, и немедленно отправился на мѣсто открытія. Генералъ-губернатору сопутствовала его супруга, въ свою очередь весьма заинтересовавшаяся удивительнымъ открытіемъ. Убѣдившись воочію въ незаконномъ основаніи и существованіи Антифѣевки, генералъ-губернаторъ тутъ-же на мѣстѣ распекъ квартальнаго надзирателя Антифѣева за его проступокъ и обѣщалъ послать его туда, «куда Макаръ телятъ не гоняетъ». Но жители Антифѣевки, видя собиравшуюся грозу надъ головой своего отца и благодѣтеля, т. е. Антифѣева, схватились за колеса генералъ-губернаторскаго экипажа и слезно умоляли его пощадить Антифѣева. Ихъ просьбу поддержала и генералъ-губернаторша, княгиня Васильчикова, и убѣдила

своего мужа простить Антифѣева, а жителямъ Антифѣевки выдать надлежащіе документы на владѣніе заселенною ими землю.

Н. П.

„Stabat mater dolorosa" въ народной поэзіи волынской губерніи. Въ апрѣльской книгѣ журнала «Русской Старины» г. Н. Финдейзенъ привелъ подстрочный переводъ средневѣковой католической піессы «Stabat mater», послужившій темою для оригинальной музыкальной композиціи извѣстнаго композитора А. Н. Сѣрова. Арія «Stabat mater» — одно изъ выдающихся произведеній Сѣрова.

Въ ровенскомъ уѣздѣ, волынской губерніи, народная память хранитъ въ числѣ многихъ религіозно-мистическихъ произведеній стихи, сродные по своему характеру съ «Stabat mater». Чтобы видѣть сродство, слѣдуетъ только сличить переводъ піессы,, помѣщенный въ «Русской Старинѣ», съ текстомъ волынскихъ стиховъ. Приведемъ сначала переводъ Финдейзена:

Стояла Матерь Скорбящая
Возлѣ креста, вся въ слезахъ—
Пока висѣлъ на крестѣ Сынъ.
Душу скорбной, душу стенящую,
Горько болящую
Насквозь пронзилъ мечъ.
О, какъ печальна и огорчена
Была она, благословенная
Матерь Единороднаго!
Она скорбѣла и плакала
И дрожала при видѣ
Сына страданій избраннаго!
Есть-ли человѣкъ, который бы не заплакалъ,
Христову Матерь видѣвъ,
Въ такой мукѣ!
За грѣхъ людей
Увидѣла (она) Іисуса въ страданіяхъ
И бичеванью преданнаго!
Видѣла своего возлюбленнаго Сына
Умирающимъ, безутѣшнымъ,
Пока въ мукахъ испустилъ духъ [1]).

По словамъ автора, «поэзія эта сложена чуть ли не въ IX в. монахами».

---

[1]) Русс. Стар. 1893 г. IV стр. 84 и 85.

Малорусскій текстъ:

Тамъ на гори монастырь,
А коло нёго—церква,
Коло церквы—хрестъ святый,
А на хрестѣ—Сынъ возлюбленный.
Копіемъ груди прободены,
Ребра на боку избычованы,
Оцтомъ губы напояны,
Свята голова на бикъ нахиляна....
Маты Божая стенае,
Въ пречисты груды ударяе.
— „Матойко моя, возлюбленная,
„Не плачь, не стенай,
„Велыкого жалю не май;
„Бо воскресну на третю зорю,
„Буде радость велыка на всёму міру!
— „Ой, сынойку мій, возлюбленный,
„Хочь хожу, хочь сижу,—
„Все на тебе гляжу:
„Биле тило на крести простыраецця,
„Слёзойки изъ очей выливаюцця.
„Руки й ноги гвоздемъ прибываюцця,
„Терный винець на голову набываецця,
„Копіемъ боки пробождаюцця,
„Губы оцтомъ напояюцця,
„За когти шпыци забываюцця;
„Пренасвятійша кровь розливаецця,
„Пречестнійша головойко нахиляецця,
„Животворящій духъ испускаецця.....
„Хто мое горе може знаты,
„Хто може знаты, та не вздыхаты?
„Ой, чи хутко та третя зора на свитъ зыйде?
„Ой, чи хутко мій Сынъ возлюбленный зъ мертвыхъ выйде"?
Вже третя зоря на неби блыскае,
Вже Сынъ возлюбленный зъ мертвыхъ воскресае! [1])

Сходство содержанія замѣтно. Разница въ томъ, что латинская піесса заключаетъ описаніе внутренняго состоянія Божіей Матери, при видѣ своего Сына на крестѣ, *въ объективно-монологической формѣ*; а малорусская—изображаетъ тоже состояніе въ формѣ *діалогической*, въ формѣ разговора между Іисусомъ Христомъ и Божіей Матерью,—при чемъ внутреннее состояніе ея изображается *субъективнѣе*, въ болѣе сильныхъ душевныхъ волненіяхъ. Въ первой—о настроеніи скор-

[1]) Записано въ м. Березно, ровенскаго уѣзда.

бящей Божіей Матери говорятъ зрители, посторонніе свидѣтели драмы; во второй—она сама говоритъ о своемъ горѣ. Вслѣдствіе этого малорусская піесса больше выигрываетъ въ смыслѣ драматизма, психологической яркости и пластичности. Послѣдніе стихи объ ожиданіи «третей зори» имѣютъ трогательно-поэтическій оттѣнокъ.

Кромѣ вышеприведенныхъ стиховъ, въ народѣ извѣстны другіе стихи въ такомъ же родѣ, но менѣе складные и менѣе содержательные. Напримѣръ:

Тамъ на гори церковка стояла,
Тамъ Божа Матойка спочивочокъ мала,
Пришовъ до неи сынъ ій:
—„Матойко моя, возлюбленная,
„Чи ты спишь, чи лежишь, чи започиваешь"?
—„Сыну мій, возлюбленный,
Була я заснула,
„Лице твое бачила:
„На крести прибыто,
„Руки—нози гвоздями пробыто,
„Терновымъ винцемъ набыто,
„Копіемъ боки пробыто,
„За когти шпыци забыто
„Пренасвятійшую кровь розлыто." [1])

Сравнимъ съ «Snem Przenajswiętszej Panny» въ «Памятн. Русс. Стар.»:

«Zasnęla była przenajświętsza Panta Boga. Rodzica w Brytanii na górze Oliwnéj i przyszedł do niej Pan Chrystus Iesus, syn onej najmilejszy i mówi: matka moja najmilsza. spisz li albo-li słyszysz?— I mówi: spałam, alem się ocknęła i śnił mi się dziwny sen o Tobie: widziałam cię w ogrojcu pojmańego i związanego, przed Annasza, Kajfasza, Pilata, Heroda przywedzionnego, u słupa przywięzanego, z twej świętey głowy krew strumieniami płynęła, a twoje przenajświętsze ciało jak skorupa się padało». [2])

---

[1]) Записано въ м. Степани, ровенскаго уѣзда.

[2]) Памятн. стар. русс. лит. вып. III. С.П.Б. 1862 г. стр. 128. Въ „Малорусскихъ народныхъ преданіяхъ и разсказахъ" Драгоманова (1867 г., Кіевъ) въ числѣ „листовъ", какіе носятъ на тѣлѣ, записанъ такой „Сонъ пресвятой Богородицы": „колы йидного часу заснула була пресвятая Дѣва Богородица на гори Оливні прыйшовъ до неи Ісусъ Христосъ и сказавъ:" матынко моя мылая, чи ты спишь, чи ти чуешь? „Умовила до нѣго Пресвятая Богородица:" спала сыну мій миліцій та збудилась і снився мині страшный та дывный сонъ о тоби. Выділа я, що ты у саду молывся Богу отцеви, що Іуда жидамъ продавъ тебе и тебе спіймано и до Кайафи

Къ тому же циклу духовныхъ стиховъ, имѣющихъ своею темою сонъ Богородицы или «stabat mater», слѣдуетъ отнести слѣдующія народныя стихотворенія,—записанныя въ волынс. губерніи.

У недилю ранейко—
Сходыло сонейко;
Божая Матейка
Свого сынойка
За ручейку водыть;
Повела его зъ рання на пузне,
Зъ пузнёго на море,
Зъ моря на камень.
На камени монастырь стоявъ,
Въ монастыри престолы стоялы,
На престолахъ свичи горилы
Передъ свичами книги лежалы
Коло хреста Божа маты стала.
Вышовъ до неи Петро—Павло.
Ісусъ Христосъ каже:
— „Петре, Петре!...
„Не вважай ты на мою муку,
„Визьмы ты хреста въ руку,
„Понесы ты ёго по всимъ свити,
Дай-же ты старому и малому
„И бидному и богатому".
А хто буде сю молытовку читаты,
Той не буде наглои смерти маты [1]).

Варіантъ того-же, записанный изъ устъ другаго лица въ м. Березномъ, ровенскаго уѣзда:

приведено и до стовпа привязано и збито и сплювано и терновимъ винкомъ коронувано; а твое пречистое тило якъ кора видъ дерева видпадано, изъ твоеи святои головы кровь риками плынула... А потому на христи на гори Голгофти гвоздямы тило твое прибылы и копіемъ ребро твое пробылы и уси безъ мылосердія надъ тобою булы" (стр. 167—168). Въ числѣ „духовныхъ стиховъ", собранныхъ Варенцовымъ, находимъ „Сонъ Мати Маріи" съ такими стихами, записанными въ архангельской губерніи:

Въ нозѣ мои гвозди забиша,
Копіемъ бога у меня прободоша,
Желчью меня напоиша.. и пр.

(„Сборн. русс. дух. Стих." Варенц. Спб. 1860 г. стр. 49). Варіантовъ „Сна Богородицы" много. Ихъ можно встрѣтить въ каждомъ почти сборникѣ этнографическихъ произведеній какъ прозаическихъ, такъ и поэтическихъ.—

[1]) Записано въ м. Степани.

Пришовъ до Христа Павелъ и Петро:
— „Ой, Господи Боже нашъ,
„Терпишь муки за насъ“!
— „Павле, Петре! Не дывицця вы на мои муки,
„Да берите-жь вы Христа въ руки,
„Да пойдите по всёму свити,
„Да закажите й малому, й старому,
„Й вбогому, й багатому“.
А хто сю молытву взмолыть,
Тому Богъ царство небесное втворыть;
Хто сю молытву рано й вечоръ гадаты-ме,—
Той не буде наглои смерти маты-ме.

Сравн. въ «Памятн. стар. русс. литер.» великорусскій варіантъ:

Пресвятая Богородица,
Гдѣ спала, почивала?
Въ городѣ Ерусалимѣ
За Божьимъ престоломъ....
Кто эту молитву знаетъ,
Трижды въ день читаетъ,—
Спасенъ бываетъ [1]).

Въ этихъ повѣствованіяхъ о разныхъ путешествіяхъ Пресвятой Богородицы и ея встрѣчахъ сказалось, кажется, вліяніе средневѣковой католической мистики, богатой различными необыкновенными приключеніями библейскихъ лицъ и широкимъ полетомъ религіозной фантазіи. Упоминаніе въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ-молитвахъ католическихъ святыхъ и польскихъ-спеціальныхъ терминовъ говоритъ за несомнѣнность этого вліянія. Жаль, что многія изъ произведеній въ этомъ родѣ въ устахъ народа въ настоящее время совершенно потеряли свой смыслъ и представляютъ по мѣстамъ несвязный наборъ отрывочныхъ фразъ, какъ объ этомъ можно судить по слѣдующимъ религіознымъ стихамъ:

Пришовъ, растворыся
На гробъ оглянувся:
Господь Богъ и духъ мой!
Кости мои смиренныя!
Стану я въ порога,
Якъ Ангелъ у Бога.
Яне! Яне!
Божій каплане!
Стережи души и тѣла.

[1]) Памятн. стар. русск. литер. т. III, стр. 128.

Или:

Утворився Христовъ гробъ,
Затворилося пекло,
Возрадовався Господь Богъ и духъ мой.
Кости жъ мои смиренныя
И три речи Господнія..

Или:

Господь ручейки згорнувъ,
И ножейки стулывъ,
И свои ранойки растворывъ.
Пришовъ до ёго Петро-Павло.
Каже имъ Господь-Богъ,
Наказуе имъ пресвятый Янъ:
— „Стережить вы души и тила
„Зъ вечера до пувночи,
„Зъ пувночи до свитанья,
„Зъ свитанья до змеркання,
„А зъ змеркання до чистого канання,
„Во вѣки вѣковъ. Аминь" [1]).

Трудно сказать что либо опредѣленное объ этихъ отрывкахъ въ такомъ видѣ... Отрывки-ли это какой нибудь одной религіозной пѣсни, потерявшіе свое начало и конецъ? или перепутанные стихи различныхъ пѣсенъ? въ какой степени сказалось на композиціи этихъ стиховъ католическое вліяніе?

Кромѣ вліянія польской религіозной литературы, на образованіе малорусскихъ религіозныхъ пѣсенъ имѣла вліяніе еще апокрифическая византійская литература, проникавшая въ Малороссію чрезъ посредство южнорусскихъ славянъ. Быть можетъ, и она оставила тутъ свои слѣды? **Ѳ. Кудринскій.**

Къ вопросу о порчѣ малорусскихъ пѣсенъ. Ив. Сер. Аксаковъ во время своей поѣздки по Малороссіи слушалъ малорусскія народныя пѣсни и восторгался ихъ прелестью. «Вообще (малорусская) пѣсня въ народѣ хорошо сохранилась, писалъ онъ въ своихъ письмахъ изъ Малороссіи, и я не думаю, чтобы онѣ могли дойти до такой степени пуганицы и нелѣпицы, какъ большая часть пѣсенъ, которыя поетъ великорусскій народъ» [2]). Къ сожалѣнію, слова Акса-

[1]) Записано въ мѣст. Степани.

[2]) Ив. Сер. Аксаковъ въ его письмахъ III ч. I томъ м. 1892 г. См. реценз. въ „Вѣст. Евр." 1893 г. V кн. стр. 300.

кова не оправдываются, и въ настоящее время уже явился вопросъ о «Порчѣ украинскихъ народныхъ пѣсенъ»[1]) и о вліяніи на характеръ современной малорусской пѣсни пѣсенъ великорусскихъ.

Пѣсни великорусскія идутъ въ Малороссію разными путями, но, главнымъ образомъ, заносятся на родину солдатами. Во многихъ мѣстахъ Малороссіи слышится или солдатскій напѣвъ малорусской пѣсни, или настоящая солдатская пѣсня. Въ житомирскомъ уѣздѣ хлопцы пропоютъ великорусскую пѣсню не хуже «москалей». Чисто-народная украинская пѣсня иногда оканчивается совершенно безсмысленнымъ великорусскимъ концомъ. Напримѣръ:

Ой не ходы, бородатый,
Коло моій хаты,
Ой не топчи, бородатый,
Зеленои мяты.
Не для тебе, бородатый,
Я мяту садыла,
Для того іи садыла,
Кого я любыла.
Не для тебе, бородатый,
Мяту подлывала,
А для того подлывала,
Кого циловала.
Циловала—мыловала
Молодого хлопця,
Молодого не простого,
Бровы на шнурочку"...
— „Промовъ, промовъ, дивчинонько,
Ласкове словечко,
Бо поиду въ Петербургъ
Куплю три *пакупки* (sic!)
Куплю шубку, куплю юбку,
Куплю душевреньку (душегрѣйку?)
Кому юбка, кому шубка,
Кому душевренька,
Молодому баринови
Молодая *дѣфка* (sic!)".

(Записана 1892 года въ м. Степани, ровенскаго уѣзда, волынс. губ.).

— Де ты навчилася такои писни? спрашиваю молодыцю, которая пѣла её.

— Ой, чи я знаю... Хлопци спивають часомъ на выгони, той навчилася...

— Щожъ то таке «душевренька»?

— Ой, чи я знаю... Такъ спивають...

«Душевренька» кажется—душегрѣйка. Какъ могла попасть «душевренька», «пакупка» и «дѣфка» въ малорусскую пѣсню и составить ея конецъ? Несомнѣнно, тутъ сказалось эстетическое вліяніе великороссовъ солдатъ, вызванныхъ для разныхъ работъ (рубки лѣса, проведенія желѣзныхъ дорогъ) на полѣсьи.

Или вотъ еще пѣсня, которую поютъ, «якъ калора бьютъ», т. е. бьютъ сваи въ водѣ для моста. Это великорусская «дубинушка», принявшая вовсе несвойственныя ей малорусскія формы.

[1]) Кіевс. Стар. 1893 г. м. іюнь.

Когда подымаютъ канатами «бабу» вверхъ, то поютъ такъ:

А на першую залогу
Помолимся хлопци богу...
Якъ дубинушка стукне,
Вохъ, зеленая сама пойдетъ...

И бьютъ «залогу», опускаютъ «бабу» на сваи. Потомъ снова начинаютъ:

А вы хлопци налягайте,
За канатики лапайте,
А канатики гнылыи,
А хозяивы скупыи,
На роботу гонять рано,
За роботу платять мало...
Якъ дубинушка стукне,
Вохъ, зеленая сама пойдетъ...

И опять — «залога»... и т. д.

Напѣвъ обмалороссившейся дубинушки потерялъ живость и энергичность переходовъ. Пѣсня поется растянуто, томно, плаксиво.

Ѳ. Кудринскій.

Письмо гр. Кирилла Разумовскаго къ матери [1]). Извѣстно, какимъ вліяніемъ на сына пользовалась мать всемогущаго гетмана Кирила Разумовскаго, особенно въ вопросахъ, касавшихся округленія своихъ маетностей. Въ изслѣдованіи А. Васильчикова «Семейство Разумовскихъ» т. I можно найти много любопытныхъ фактовъ, относящихся къ тому періоду, когда графъ К. Разумовскій жилъ по-царски въ своемъ глуховскомъ дворцѣ, разсылая оттуда свои «милостивые универсалы» и между прочимъ преподнося въ нихъ разныя имѣнія какъ матери своей, такъ и ея дочерямъ. Къ этому-же періоду относится одно маленькое письмо графа къ матери, изъ Глухова отъ 18 октября 1751 года, не вошедшее въ указанное изслѣдованіе А. А. Васильчикова и хранящееся у А. Ѳ. Бадрова, теперешняго владѣльца той самой Алексѣевщины (подлѣ г. Козельца, черниг. губ.), гдѣ любила жить старушка-мать гетмана. Письмо писано на полулистѣ, сложенномъ вдвое.

Милостивая государыня матушка! Увѣдомившись черезъ посланнаго вашего, что вы имѣете нужду въ нѣкоторомъ вспоможеніи къ дому вашему Адамовскому, того ради хотя вы на нѣкоторое только время просили, однако-жъ я изъ почтенія къ вамъ сыновняго опредѣлилъ въ вѣчное и спокойное владѣніе въ полку Кіевскомъ мѣс-

[1]) За сообщеніе этого письма приносимъ глубокую благодарность А. Ѳ. Бадрову.

течко Носовку и Кобыжщу со всѣми въ оныхъ жительствующими свободными и посполитыми людьми и съ надлежащими ко онымъ мѣстечкамъ грунтами и угодьями и всѣми принадлежностьми, на что вамъ государыня матушка и универсалъ при семъ посылаю, желая отъ всего серца оными маетностями благополучно и долголѣтно владѣть. А себя препоручая вашимъ родительскимъ молитвамъ, пребываю вашъ послушній синъ графъ К. Разумовскій.

Глуховъ, октября 18 дня 1751 году.

Къ этимъ-же дѣламъ о подаркахъ относится и маленькое письмо правителя гетманской канцеляріи, вліятельнаго человѣка при графѣ, Григорія Николаевича Теплова къ матери гетмана. Это письмо въ подлинникѣ хранится тамъ-же.

Милостивая государыня графиня Наталія Демьяновна! По повелѣнію вашему чрезъ господина Пустоту какъ о дворахъ, такъ и о Івасѣ я Его Ясневельможности того-жъ часу доложилъ. На что и резолюція воспослѣдовала, вашему сіятельству угодная. И такъ, я ваше сіятельство всенижайше поздравляю введеніемъ новыхъ маетностей, которыя собственно персонѣ вашего сіятельства принадлежатъ, желая всеусердно и всегда пользоваться ясневельможнаго Гетмана и вашего любезнѣйшаго сына почтеніемъ и ласковостію къ родительницѣ своей. При чемъ предаю себя въ неотмѣнную вашего сіятельства высокую милость есмь со всегдашнимъ высокопочитаніемъ вашего сіятельства милостивой государыни всенижайшій слуга Григорій Тепловъ.

Глуховъ октября 18 дня 1751 году.

P. S. Дѣвушку Надежду его сіятельство приказавъ просить прислать, а для взятія братъ ея родной посланъ.

Мѣстечко Острополь Новоградъ-Волынскаго уѣзда Волынской губерніи. Острополь расположенъ при рѣкѣ Случи, новоградъ-волынскаго уѣзда, 5 стана, волости острольской. Грязное мѣстечко на половину переполненное нечистоплотными евреями. Въ Острополѣ 2 православныя каменныя церкви, 1 каменный римско-католическій костелъ и 1 деревянная еврейская синагога. Въ мѣстечкѣ состоятъ: волостное правленіе, народное одноклассное училище министерства народнаго просвѣщенія, почтовое отдѣленіе, аптека. Въ

году бываетъ 12 ярмарокъ; торгуютъ скотомъ и хозяйственными произведеніями. Народонаселеніе около 10 000 д. об. пола.

Мы не имѣемъ здѣсь въ виду дать послѣдовательный историческій очеркъ исторіи мѣстечка, т. к. подробный историческій очеркъ данъ нами въ № 29 «Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» за 1891 годъ. Здѣсь мы собственно скажемъ о тѣхъ остаткахъ старины, которые могутъ внушать учено-археологическій интересъ и подробное описаніе которыхъ и слово о нихъ не вошли въ нашу статью объ Острополѣ. Къ таковымъ относятся: замокъ, нѣкоторыя церковища, 2 урочища, носящія названіе «Кибала», и нѣсколько кургановъ-могилъ. Чтобъ указать на важное значеніе такихъ памятниковъ, какъ историко-вспомогательныхъ источниковъ, достаточно будетъ сослаться на статью профессора Д. Я. Самоквасова: «Древнія земляныя насыпи и ихъ значеніе для науки», («Древняя и Новая Россія», № 3, 1876 г., стр. 262).

1. *Замокъ*. Древнее остропольское замчище, гдѣ въ старину была крѣпость-замокъ, представляетъ собою обширную и высокую площадь, спланированную искусствомъ человѣка и ограниченную на южной сторонѣ крѣпкими валами. Она простирается до вала, который, какъ мы упомянули, служилъ на сѣверѣ города сухопутною крѣпостною границею. Въ этомъ валу, по преданію, была «желѣзная брама» или главныя входныя крѣпостныя ворота замка, зарытыя будтобы въ землю неподалеку отъ теперешней Преображенской церкви. Теперь главную, серединную, часть замчища занимаетъ помѣщичья усадьба со службами; южная, главно-укрѣпленная часть—остается открытою, т. е. незастроенной; тутъ расположены хорошо сохранившіеся высокіе валы. Сюда въ замокъ бѣжало въ тревожныя годины вражескихъ набѣговъ и пожаровъ все мѣстное и окрестное населеніе. Конечно, тутъ въ свое время были палисады, городни, бойницы, стрѣльницы и тому подобныя приспособленія; но отъ нихъ теперь и слѣда не осталось. Вся южная и восточная стороны замчища омываются Случью; сторона восточная представляетъ довольно высокую отвѣсную природную скалистую стѣну, на которую взобраться не вездѣ можно. Русло рѣки съ этой стороны усѣяно громадными глыбами гранита; вода здѣсь, встрѣчая въ камнѣ препятствіе и прорываясь въ тысячу проходовъ, шумитъ, бурлитъ, пѣнится и клокочетъ, отчего въ этомъ мѣстѣ часть рѣки получила въ устахъ народа поэтическое названіе «шумъ»; противоположный берегъ весь въ

скалахъ. Въ общемъ, съ этой стороны замчище представляетъ грандіозный видъ, полный поэтической прелести, и особенно обаятеленъ въ тихій лѣтній вечеръ, когда выходящій на небесный просторъ полный мѣсяцъ озаряетъ своимъ мягкимъ палевымъ свѣтомъ всю округу и все тонетъ и выступаетъ, какъ очарованное, въ голубомъ блескѣ воскресающей ночи. Съ западной стороны замчище омываетъ рѣчка «Бѣлка», которая у южной стороны укрѣпленія сливается съ водами Случи и образуетъ въ этомъ мѣстѣ широкое водное пространство, замыкаемое шлюзами красиваго шестиаркаднаго, сложеннаго изъ тесаннаго гранита, моста, составляющаго замѣчательную постройку магнатовъ-владѣльцевъ Острополя въ прошломъ столѣтіи—князей Любомірскихъ. Вся западная сторона замчища незначительно выступаетъ надъ уровнемъ протекающей воды и, вообще, можетъ назваться слабою по отношенію укрѣпленности; но есть основаніе предполагать, что въ этомъ мѣстѣ замокъ былъ защищенъ особымъ укрѣпленіемъ. Такимъ укрѣпленіемъ могъ служить католическій «кляшторъ», или монастырь, который именно здѣсь, по народному преданію, существовалъ. Существованіе здѣсь въ старину зданія доказывается присутствіемъ въ этомъ мѣстѣ ломаннаго кирпича, кусками кафель и изразцовъ, грубыхъ, перержавѣвшихъ гвоздей и скобъ, кусками листоваго желѣза, массою грубой битой обожженой посуды. Во время польскаго владычества здѣсь, въ крѣпости, очень умѣстно допустить существованіе католической святыни, которая, служа мѣстомъ моленія, могла въ то же время выполнять и стратегическое назначеніе. Само преданіе народное о существованіи здѣсь «кляштора», какъ таковое, уже можетъ носить въ своей основѣ долю правды. И именно въ этомъ мѣстѣ, какъ бы въ оправданіе высказаннаго нами предположенія о существованіи здѣсь особаго, вспомогательнаго укрѣпленія, нерѣдко образуются провалы, обнаруживающіе существованіе здѣсь глубокаго и, вѣроятно, обширнаго подземелья, какія обыкновенны въ укрѣпленіяхъ, но, къ сожалѣнію, мѣсто это никѣмъ не изслѣдовано и провалы каждый разъ засыпаются землею и навозомъ. Народная молва пріурочиваетъ въ этомъ мѣстѣ сокрытіе клада. Мѣсто это служитъ лѣтомъ подъ выгонъ овецъ и называется «пастивникъ». Оно представляетъ особую площадь, такъ какъ отдѣляется отъ главнаго замчища проселочною дорогой сравнительно недавняго происхожденія; въ старину-же, конечно и несомнѣнно, составляло нераздѣльное цѣлое со всей замковою площадью по своей очевидной общеродности и топографической слитности. Уро-

чище это приходится противъ въѣздныхъ воротъ въ усадьбу помѣщика, занимающую главную часть замчища. Черезъ Бѣлку тутъ для соединенія съ западною частью города въ старину былъ перекинутъ висячій мостъ. Устои его сохранились донынѣ.

Какъ разъ противъ этого мѣста, на востокъ, приходясь посреди главной замковой площади, откуда начинается теперь усадьба помѣщика, въ тѣни купы молодыхъ елей, убого стоитъ грубый сѣрый каменный крестъ, безъ надписи. Это церковище—мѣсто, гдѣ существовалъ храмъ. Здѣсь была церковь, которая, вѣроятно, въ свое время называлась *замковою* по причинѣ существованія своего въ чертѣ крѣпостной площади. Церковь эта была православная, деревянная, во имя Преображенія Господня, извѣстная въ народѣ больше подъ названіемъ Спасской. Приходомъ она очень древня. Она существовала уже въ 1596 году, при Острополькой протопопіи, когда Острополь составлялъ маетность древняго православнаго рода князей Острожскихъ, которымъ можно приписывать и ея заложеніе, а также укрѣпленіе или возобновленіе, если даже не основаніе самого замка Острополькаго. Такъ, протопопъ ея Кириллъ подписался на протестѣ Брестскаго собора противъ уніи и на обязательствѣ всѣми силами противодѣйствовать ея распространенію, въ 1596 году 9 октября, а также на синодальномъ универсалѣ, изображающемъ событія на Брестскомъ соборѣ, предложенія присланныхъ на соборъ депутатовъ отъ духовенства и дворянства, переговоры съ послами королевскими и торжественный обѣтъ стоять за вѣру православную [1]). Церковь эта существовала здѣсь еще въ первой половинѣ текущаго столѣтія, когда сгорѣла. Въ виду указанія устнымъ преданіемъ на существованіе въ старину въ мѣстѣ, что напротивъ нея, на западъ надъ рѣчкою Бѣлкою, католическаго храма-кляштора, церковь эта, слѣдуетъ думать, далеко позднѣйшаго происхожденія, чѣмъ самъ допускаемый католическій кляшторъ, кончившій, въ такомъ случаѣ свое существованіе несомнѣнно до ея заложенія и до водворенія здѣсь православнаго элемента. Тѣмъ серьезнѣе вниманія заслуживаетъ мѣсто послѣдняго, гдѣ образуются оговоренные нами провалы. Какъ подъ польскимъ монастырищемъ, такъ и подъ церковищемъ здѣсь слѣдуетъ предполагать существованіе подземелій или усыпальницъ, въ которыя по обыкновенію опускались гробы храмосоздателей и лицъ почетныхъ въ приходѣ. Оба эти мѣста, какъ весьма древнія

[1]) Архивъ, ч. 1, стр. 529.

по происхожденію и по исключительному своему положенію въ замковой площади, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Но помимо этого еще, надо думать, и само замчище таитъ въ себѣ погреба и подземелья.

2. *Кибала.* Изъ другихъ памятниковъ старины въ Острополѣ заслуживаютъ вниманія два урочища «Кабала»,—2 холма, служившіе въ старину конечными укрѣпленными пунктами сухопутной крѣпостной линіи города съ сѣверной стороны и стягивавшей рѣчную дугу Случи, которая омываетъ территорію поселенія; находятся каждый въ полуверстѣ отъ теперешняго мѣстечка, оба надъ Случью: одинъ на западъ, у помѣщичьей рощи «березина», другой на востокъ—въ урочищѣ «Луговщина». Разстояніе между обоими пунктами по прямой линіи—около 2—хъ верстъ. Что это за слово «Кибала», а равно значеніе его—собственное это названіе, или нарицательное въ малорусской устной терминологіи всякаго подобнаго возвышеннаго пункта—объяснять не беремся. Первая насыпь, что на западѣ, стоящая надъ Случью, у помѣщичьей рощи «березина», представляетъ высокій крутой холмъ. Въ устахъ народа онъ извѣстенъ также, кромѣ собственнаго своего названія «Кибала», еще подъ именемъ *замчища*. Вся юго-западная сторона его представляетъ отвѣсную сторону. Тутъ, внизу, тихо протекаетъ Случь. Съ трехъ сторонъ—южной, восточной и западной, опоясываютъ и облегаютъ холмъ три концентрическихъ ряда валовъ, постепенно понижающихся по мѣрѣ уклоненія къ конечной сѣверной части холма и на южной фронтовой сторонѣ достигающихъ высшей своей точки, образующихъ здѣсь какъ-бы гребень. Съ трехъ сторонъ холма по правильному бугру—какъ-бы подъ пушечные лафеты. По всему вѣроятію это основанія бывшихъ тутъ когда-то бойницъ, или башенъ. Бугры эти находятся въ защитѣ валовъ. Съ восточной стороны укрѣпленія проходитъ русло и журчитъ тутъ чуть-чуть замѣтный ручеекъ, который въ старину, благодаря приспособленію, составлялъ, вѣроятно, съ этой стороны укрѣпленія глубокую канаву. На верху «кибалы», въ краевомъ поясѣ ея площади, подъ неглубокимъ слоемъ земли, лежитъ кирпичный фундаментъ. Изъ этого надо заключать, что «кибала» эта не есть случайный окопъ какого-нибудь преслѣдуемаго и поставленнаго въ необходимость обороняться военнаго отряда, какъ, напр., окопъ Шереметьева подъ м. Чудновымъ, житомірскаго уѣзда волынской губерніи, а съ восточной другой «кибалой», такимъ образомъ, она составляла сооруженія, имѣвшія цѣлью болѣе постоянное на-

значеніе. Тогда устное преданіе, что на сѣверной сторонѣ города крѣпостные валъ и ровъ проходили «отъ Случи до Случи», находитъ себѣ подтвержденіе, и въ обѣихъ «Кибалахъ» можно усматривать конечные укрѣпленные пункты этого вала. Камня на камнѣ не осталось здѣсь отъ существовавшихъ построекъ, изъ чего слѣдуетъ заключать, что онѣ были деревянныя на кирпичномъ фундаментѣ, или древность ихъ такъ глубока, что само время, наконецъ, изгладило всякіе слѣды ихъ бытности. Во всякомъ случаѣ, это глубокая, незапамятная древность. Кирпичъ фундамента совершенно перегнилъ и разсыпается въ пыль при прикосновеніи. На самой «Кибалѣ» и кругомъ здѣсь попадается множество черепковъ чрезвычайно грубой и толстой первобытной обожженной посуды. Самимъ намъ приходилось находить по близости отсюда 2 раза обожженныя глиняныя грузила для рыболовныхъ сѣтей, какія теперь не употребляются уже. Все это говоритъ объ осѣдлости здѣсь людей въ старину. По народному преданію здѣсь, на «кибалѣ», тоже была и *церковь*. Здѣсь очень вѣроятно предполагать существованіе погребовъ, или подземелій, не тронутыхъ, очевидно, рукою искателя клада, такъ какъ нигдѣ на поверхности не замѣтно попытокъ въ этомъ родѣ, или слѣдовъ, чтобы раскопки когда-либо были производимы. Если допускать здѣсь, по народному преданію, еще и существованіе въ старину храма, то тутъ необходимо должно предполагать мѣсто усыпленія разныхъ лицъ, удостоенныхъ погребенія здѣсь. По преданію здѣсь закопанъ кладъ. Площадь этой «кибалы» представляетъ пространство приблизительно въ 30×13 саженъ. Составляетъ она участокъ одного мѣстнаго крестьянина; какъ мѣсто неудобное для обработки, стоитъ порожнякомъ. Въ ближайшемъ разстояніи отъ «кибалы», всего въ нѣсколькихъ саженяхъ, протекающая здѣсь Случь носитъ названіе «переправы», куда народное преданіе пріурочиваетъ переходъ какого-то непріятеля. Съ вершины «кибалы», на юго-западѣ, за Случью, на помѣщичьихъ поляхъ, принадлежащихъ къ предмѣстью Острополя «Калиновка», можно еще различить едва уже замѣтные 2 кургана; ежегодно проходящій по нимъ плугъ успѣлъ сравнять ихъ почти съ лицемъ земли, и скоро они совсѣмъ исчезнутъ. Сейчасъ на сѣверъ отъ «кибалы» находится «*селисько*», занимающее крестьянскія поля. По преданію, здѣсь было село, быть можетъ, одно изъ предмѣстій стараго Острополя. Очень возможно, что «переправа», «кибала», «селисько» и курганы, имѣютъ между собою тѣсную фактическую связь, не оставшуюся безъ послѣдствій и на судьбу самого Острополя.—Другая «кибала» на

противоположной сторонѣ мѣстечка, сѣверо-восточной, въ урочищѣ «Луговщина»,—тоже надъ Случью. Окружностью она значительно меньше первой, описанной. Здѣсь валы едва замѣтны; но сама «кибала» представляетъ высокій пунктъ, обращенный утесомъ, какъ и первый, къ югу. И здѣсь попадаются остатки грубой битой глиняной посуды, а равно и эта насыпь заключаетъ въ себѣ, вѣроятно, подземелья и можетъ интересовать археолога.—Вообще, ученая раскопка «костелища» на «пастивнику», древняго церковища на «замчищѣ» въ усадьбѣ помѣщика, обѣихъ «кибалъ» и упомянутыхъ кургановъ была бы не лишня и желательна въ интересахъ научныхъ.

Въ заключеніе скажемъ, что въ остропольской главной еврейской синагогѣ сохраняется на еврейскомъ языкѣ подробное описаніе нападенія на Остроноль *Шевчика* (Швачки вѣроятно). Въ мѣстечкѣ, сейчасъ за еврейскими лавками, указываютъ мѣсто, гдѣ, по преданію, былъ убитъ *Шевчикомъ* и похороненъ тутъ-же остропольскій еврейскій раввинъ, вышедшій во главѣ депутаціи отъ мѣстныхъ евреевъ съ хлѣбомъ-солью и предложеніемъ выкупа за оставленіе мѣстечка въ покоѣ. Когда здѣсь бываетъ еврейская свадьба, молодые обязательно танцуютъ здѣсь подъ музыку и пьютъ вино въ память этого раввина.

Николай Александровичъ Компанскій.

Намъ сообщаютъ, что юбилейное торжество пятидесятилѣтія кіевской археографической коммиссіи состоится въ слѣдующемъ порядкѣ: 19-го ноября, въ 12 часовъ дня, въ залѣ I-ой гимназіи будетъ отслужено старѣйшимъ членомъ коммиссіи прот. П. Г. Лебединцевымъ молебствіе, по окончаніи котораго откроется публичное торжественное собраніе членовъ коммиссіи, въ присутствіи высокопоставленныхъ лицъ, почетныхъ гостей и всѣхъ, кто пожелаетъ явиться на это торжество. Собраніе начнется чтеніемъ записки о дѣятельности коммиссіи въ истекшее пятидесятилѣтіе, послѣ чего послѣдуетъ пріемъ депутацій и чтеніе адресовъ и привѣтствій.

Библіографія.

Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга седьмая. Спб. 1893.

Несмотря на архаическій языкъ и излишнее нагроможденіе фактовъ, трудъ г. Барсукова, по окончаніи его, представитъ необходимую книгу при изученіи исторіи нашего просвѣщенія въ первой полов. XIX в. Разнообразіе свѣдѣній, даваемыхъ книгою г. Барсукова, очень велико и находится въ прямомъ отношеніи съ живымъ характеромъ Погодина, дневникъ котораго положенъ въ основу неутомимо продолжаемаго г. Барсуковымъ труда. Седьмая книга «Жизни и Трудовъ» П—на обнимаетъ собою 1842 и 1843 гг.—Лѣтомъ 1842 г. П—нъ, ѣдучи за границу, посѣтилъ между прочимъ и Малороссію, о которой отзывается съ немалою долею сентимента. Видъ малороссійскихъ селъ, встрѣченныхъ путешественникомъ подъ Харьковомъ, вызываетъ у него такое сравненіе: «какъ я люблю эти села съ шоколатными кровлями», восторгается П—нъ, «что за прелесть эти бѣлыя хаты въ тѣни зеленыхъ развѣсистыхъ деревьевъ... Видно съ перваго взгляда, что обитатель ихъ въ дружбѣ съ природою, что онъ любитъ свой домашній кровъ и не покидаетъ его безъ крайней нужды. Совсѣмъ не то въ Великой Россіи: деревца вы не увидите часто подлѣ избы, и рѣдко сидитъ дома заботливый хозяинъ; онъ спѣшитъ съ промысла на промыселъ. У него изба—только ночлегъ». Но Малороссія встрѣтила путешественника не совсѣмъ ласково. Пріѣхавъ въ Харьковъ около полуночи, П—нъ направился прямо въ архіерейскій домъ, къ его хозяину, знаменитому Иннокентію, но оказалось, что преосвященный живетъ на дачѣ; П—нъ отправился на дачу и хотя владыку засталъ еще гуляющимъ въ саду, но дорожную усталость путника подкрѣпить было почти что

нечѣмъ: у хозяина монаха нашлись только «огурцы и нѣсколько яицъ». — «При прощаніи преосвященный Иноκентій выразилъ П—ну желаніе, чтобы онъ посѣтилъ ихъ общаго пріятеля М. А. Максимовича, уединившагося на свою Михайлову Гору». П—нъ и самъ желалъ повидаться съ старымъ товарищемъ и поѣхалъ къ пріятелю, по золотоношской дорогѣ. И здѣсь Малороссія снова вызвала у путешественника сентиментальное восклицаніе: «что за милыя, простодушныя лица встрѣчались мнѣ на станціяхъ»! записываетъ П—нъ въ своемъ дневникѣ; но за то, увы, оказалось, что—«ѣсть нигдѣ нечего»! У одного сторожа на (станціи) спросилъ путешественникъ яицъ и получилъ въ отвѣтъ: «нѣтъ, не несутся проклятыя!» Въ довершеніе неудачъ—и Максимовича не оказалось дома... Въ числѣ писемъ, которыя приведены г. Барсуковымъ въ этой книгѣ изъ обширной переписки П—на, приведено и письмо г. Кулиша, писанное имъ вскорѣ послѣ напечататанія его романа «Михайло Чарнышенко». Прочитавъ этотъ романъ, Шевыревъ писалъ къ П—ну: „хорошо бы Кулѣша завербовать (въ Москвитянинъ), въ повѣствователи.“ «Москвитянинъ» сотрудниками былъ небогатъ, а потому П—нъ тогда же обратился къ молодому писателю, приглашая его къ сотрудничеству. Г. Кулишъ отвѣчалъ (въ мартѣ 1843 г.) пространными письмами, отрывки изъ которыхъ приводимъ здѣсь.—«Замышляю я» пишетъ г. Кулишъ, «такъ много, что иногда боюсь, не слишкомъ ли я самонадѣянъ? Во первыхъ, я хочу издать (съ помощью нѣкоторыхъ особъ) всѣ малороссійскія лѣтописи съ возможно полными комментаріями; во вторыхъ, издать малороссійскія пѣсни, которыхъ много собрано лично мною въ народѣ; въ третьихъ, издать народныя преданія, легенды, мифологію, пословицы и всякую мелочь; въ четвертыхъ, издать исторію малороссійскихъ фамилій, какъ огромный сборникъ матеріаловъ для исторіи; и наконецъ, въ пятыхъ, написать на основаніи всего этого, исторію Малороссіи, если почувствую, что буду къ тому годенъ. Молю васъ осчастливить меня присланіемъ тѣхъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ, о которыхъ вы изволили писать. Я продержу ихъ у себя такой срокъ, какой вы сами назначите.... Воспитывался я въ Кіевскомъ университетѣ, на святой же Руси до сихъ поръ не сподобился еще бывать, и потому я почти брежу вашею Московіею, изучая русскую старину. Вѣрую, что... я облетаю современемъ тѣ страны, по которымъ тоскуетъ душа моя, и нагляжусь и на Русь безпредѣльную, и на всю словенскую нашу родню». Въ другомъ своемъ письмѣ г. Кулишъ проситъ

П—на напечатать въ Москвитянинѣ его критическую статью противъ Сенковского. «Объ этомъ», пишетъ Кулишъ,— «вмѣстѣ со мною проситъ васъ и мой добрый благодѣтель, помощникъ попечителя кіевскаго учебнаго округа М. В. Юзефовичъ, который сожалѣетъ, что случай не позволилъ ему имѣть удовольствіе познакомиться съ вами во время проѣзда вашего черезъ Кіевъ. Въ рецензіи моего романа Сенковскій еще безсовѣстнѣе уродуетъ исторію Малороссіи и безъ церемоніи дѣлаетъ насъ, поляками, чѣмъ мы ни въ какомъ случаѣ быть не желаемъ, и молчать на его выходки значило бы соглашаться съ его сужденіями». Черезъ нѣкоторое время г. Кулишъ сдѣлалъ П—ну слѣдующее предложеніе: «Уже съ годъ» пишетъ г. К. «сидитъ у меня въ головѣ романъ, почти совсѣмъ готовый, но я не хочу писать его, во первыхъ, потому, что въ Кіевѣ большой книги печатать не стоитъ, а во вторыхъ, потому, что хотѣлось бы глубже изучить историческую эпоху, а матеріаловъ для изученія нѣтъ. Еслибъ кто купилъ его на наличныя деньги, то я, пожалуй написалъ бы. Но для этого нужно имѣть великій авторитетъ. Пожалуй, купите вы, я напишу для вашего журнала, если ему нужно порядочное литераттрное произведеніе, ибо, судя по тѣмъ статьямъ, какія до сихъ поръ въ немъ помѣщались, онъ, кажется, не слишкомъ объ этомъ хлопочетъ, а этого то и не достаетъ ему для ходкости.... Имя моего романа: *Сотникъ Шрамко и его сыновья* [1]), картина того чуднаго и загадочнаго времени, которое наступило по смерти Богдана Хмельницкаго. На сценѣ будутъ дѣйствовать Брюховецкій и Самко.... Этимъ романомъ, кажется, я нѣчто сдѣлаю для исторіи Малороссіи. Если вы въ самомъ дѣлѣ захотѣли бы его пріобрѣсть, то вотъ условія: 1) отъ печатнаго листа по пятидесяти рублей серебромъ; 2) никакихъ перемѣнъ и пропусковъ не дѣлать; за все отвѣчаетъ мое имя, о которомъ я долженъ заботиться больше, чѣмъ кто либо; 3) деньги за десять листовъ выслать впередъ и съ того только времени начнется изложеніе его на бумагѣ; 4) право отдѣльнаго изданія остается за мною....»

Есть въ книгѣ г. Барсукова не безъинтересныя свѣдѣнія о возникновеніи харьковскаго «*Молодика*». Вотъ что писалъ извѣстный Каразинъ по этому поводу къ П—ну: «предложеніе Бецкаго о харьковскомъ альманахѣ идетъ довольно успѣшно, вотъ и я уже успѣлъ роздать до сорока билетовъ. Жаль, что онъ нарекъ его по-хохлацки,

[1]) Это конечно—будущая *Черная Рада*. Примѣч. ред.

противъ моего совѣта. Это имя (Молодикъ), заставляя подозрѣвать, что будетъ наборъ только хохлацкихъ піесъ, кои уже всѣмъ надоѣли, и которыми, вѣрьте, меньше всѣхъ дорожатъ харьковцы (съ гордостью давно причисляющіе себя къ старой Россіи), многихъ останавливаетъ....».

К—цъ.

Вниманію гг. любителей рыбной ловли. Кіевъ 1892. 16°. 16 стр.

Въ этой маленькой книжкѣ съ такимъ неопредѣленнымъ названіемъ, собраны чрезвычайно интересныя свѣдѣнія объ оскудѣніи Днѣпра рыбою. «На уменьшеніе количества рыбы въ Днѣпрѣ, особенно въ послѣдніе года, имѣли вліяніе слѣдующія причины: развитіе пароходства, уничтоженіе по лугамъ лозы и вообще растительности, ловъ рыбы промышленниками во время ея нереста, очистка русла Днѣпра отъ корчей, сборъ икры весною, отравленіе рыбы кукольваномъ, постепенное уменьшеніе ячеекъ рыболовныхъ снастей, употребляемыхъ промышленниками и уничтоженіе рыбы во время ея нереста стрѣльбою изъ ружей и острогами». Авторъ, какъ видно, принадлежитъ къ числу рыболововъ-любителей и хорошо знаетъ то, о чемъ говоритъ. Пароходство вредно вліяетъ на размноженіе рыбы, п. ч. волны расходящіяся отъ пароходовъ, постоянно размываютъ песчаные берега Днѣпра... Отмытый отъ береговъ песокъ засыпаетъ глубокія мѣста и омуты, которые представляютъ любимыя убѣжища рыбы». На протяженіи 200 верстъ Днѣпра, вверхъ и внизъ отъ Кіева, уцѣлѣли отъ размывовъ берега и остались глубокія мѣста только въ Завихѣ, Черниѣ, Троецкомъ, Осетровой Лукѣ, Ковтебахъ, Копанкахъ и Молодецкомъ. Къ числу убѣжищъ для рыбы относятся завалы, т. е. мѣста, въ которыхъ Днѣпръ съ очень мелкаго и быстраго (глубиною не болѣе 1—1½ арш.) переходитъ сразу въ тихій и очень глубокій (отъ 3-хъ до 7 саж.). Въ завалахъ держится всегда крупная рыба, особенно хищная (бѣлуга, судакъ, сомъ). Въ осеннее время рыба собирается (гуртуется) на зиму исключительно только въ этихъ завалахъ. Но большіе пароходы, проходя по мели т. е. по гребню завала, вздымаютъ колесами воду и песокъ, и этимъ самымъ засыпаютъ завалы. Теперь остались хорошіе завалы около Глѣбовки, Троецкаго, Лящевки, Осетровой, Шипяговки, Молодецкаго и Романыхи....» Какъ видно, Днѣпръ хорошо знакомъ автору, и онъ, «какъ любитель, занимающійся рыбною охотою 19 лѣтъ», несомнѣнно

принесъ посильную пользу сообщеніемъ своихъ наблюденій надъ уменьшеніемъ рыбы въ Днѣпрѣ. Къ сожалѣнію, замѣченное явленіе въ Днѣпрѣ, относительно сильнаго уменьшенія рыбы, повторяется и въ другихъ сосѣднихъ рѣкахъ. Разсказъ о томъ—какъ много рыбы было въ Деснѣ еще въ 60-хъ годахъ и какъ мало ее осталось черезъ 25 лѣтъ, см. въ журн. «Прир. и Охота», 1888 г., № 10, стр. 1—52,—«по Деснѣ», Н. Вербицкаго.—А въ нач. XVIII в. не только въ Днѣпрѣ и Деснѣ, но и въ Сеймѣ—водилась еще и бѣлуга, т. е. одна изъ наибольшихъ рѣчныхъ рыбъ. Васька Годунъ, «рыбалка двору рейментарского, житель с. Пекарева» жаловался въ 1725 г. на своего сотника Троцкаго, что когда онъ, Годунъ, началъ устраивать на Сейму для себя «изъ» (загородь въ рѣкѣ для ловли рыбы), то и Троцкій «привязался къ нему сполникомъ быти и упевнилъ его не кривдити и коштъ по половинѣ ложити....». Но кончилось тѣмъ, что кромѣ половины, сотникъ забралъ еще «двѣ билюги и осетровъ 12....» [1]).

К—цъ.

Каталогъ военноученаго архива главнаго штаба. Выпускъ V-й. С. П. Б. 1893 г., 132.

Нельзя не отмѣтить за послѣднее время крайне симпатичнаго явленія, относящагося къ дѣятельности нашихъ русскихъ архивовъ: многіе изъ нихъ стараются сдѣлать извѣстными свои рукописныя богатства публикѣ и съ этою цѣлью издаютъ «описанія», «обозрѣнія» «каталоги» и т. п. Всѣмъ извѣстно, какую огромную пользу приносятъ спеціалистамъ описанія дѣлъ Московскаго архива мин. юстиціи, Святѣйшаго Синода, морскаго министерства. Въ настоящее время это движеніе захватило даже и провинціальные архивы—и мы имѣемъ уже цѣлый рядъ описаній, дающихъ отчетливое понятіе о содержащихся въ нихъ документахъ.

На этотъ же путь вступилъ и главный военный штабъ, начавшій недавно издавать опись своего богатаго архивнаго хранилища. Теперь передъ нами лежитъ уже 5-й выпускъ этого каталога, состоящій изъ трехъ отдѣловъ: въ 1-мъ помѣщается перечень статистическихъ матеріаловъ, хранящихся въ архивѣ Главнаго штаба, во 2-мъ—астрономическихъ и геодезическихъ работъ, въ 3-мъ—генеральныхъ картъ

[1]) Изъ архивныхъ свѣдѣній.

Россіи. Во всѣхъ этихъ трехъ отдѣленіяхъ мы найдемъ не мало документовъ, заключающихъ весьма важныя данныя для исторіи, геогрфіи этнографіи и статистики южной Россіи—Малороссійскихъ губерній, югозападнаго края, Новороссіи и Харковщины.

Въ виду спеціальнаго характера «Кіевской старины» мы отмѣтили только эти данныя, но прибавимъ при этомъ, что аналогичные источники здѣсь можно отыскать и для всѣхъ остальныхъ областей Россіи.

Въ первомъ отдѣлѣ къ *территоріи нын. черниговской и пол. тавской губ. относятся слѣдующія матеріалы*: 1) Топографическое описаніе Новгородъ-Сѣверскаго Нам. 1787 г. 2) Топографическое описаніе Малороссійской губ. 3) Вѣдомость о селеніяхъ малорос. губ. съ указаніемъ числа жителей, уплачивающихъ подати; 4) Краткая выписка о малороссійскихъ народахъ и о запорожцахъ, 5) Статистическое описаніе б. Украинской линіи въ предѣлахъ полт. губ., 6) Подробное описаніе малор. полт. губ. съ приложеніемъ письма гражданскаго губ. Казаневича гр. Аракчееву 1808 г. 7). Топографическое описаніе полт. губ. 1818 и 1819 г., 8) Военно статистическое описаніе полт. губ. (Облеухова), 9) Военно топогр., статистическое описаніе полт. губ. (и нѣк. др. менѣе важныя рукописи, относящіяся къ полт. губ.), 10) Черниговскаго Намѣстн. топограф. опис. съ краткимъ географ. и истор. опис. Малыя Россіи 1786 г. 11) особое или топорафическое описаніе Новгородъ Сѣверска 1781 г. 12) Краткая исторія о г. Стародубѣ 1785 г., 13) Сокращенное историческое описаніе черниговской губ. вообще и всякаго города въ особенности 1787 г., 14) Записка о Слободскихъ раскольникахъ черн. губ. 1839 г. 15) Военно-топогр., статист. описаніе Черниг. губ; 16) Матеріалы къ составленію топогр. и стат. опис. Черн. губ.; 17) Описаніе городамъ, посламъ Черн. губ. 1809 г. и др.

Къ Юго-Зап. краю относятся: 1) Оффиціальное обозрѣніе имѣнія Синявскихъ въ воеводствѣ русскомъ и Подольской землѣ 1568 г. (на польскомъ яз.), 2) Топогр. опис. Кіевск. намѣстн. 1785 г. 3) Тоже 1786 г.; 3) Сокращенное геогр. опис. Кіев. губ. 1787 г., 4) Военно топогр. статист. описаніе Кіев. губ., 5) Топогр. опис. губ. г. Кіева и его повѣта и нѣк. др. 6) Люстрація Летичевскаго староства 1765 г. (на польскомъ яз.), 7) Историческіе очерки городовъ Под. губ. 8) Вѣдомость о населенныхъ мѣстахъ Под. губ. 1803 г. 9) Военно топогр. и стат. описаніе Под. губ. и др. 10) Историческія записки о древней Волыни (Безкорниловича) 1845 г.,

11) Географ. и экономич. опис. городовъ Вол. губ. 1798 г. 12) Вѣдомость о населеніи, евреяхъ, городахъ, мѣстечкахъ, селеніяхъ Волын. воеводства 1789 г. (на польскомъ яз.) и др.

Къ Новороссіи—1) Вѣдомости къ атласу Вознесенскаго нам. 2) Описаніе атласа Новорос. губ. 1799 г., 3) Планъ о Новорос. и Азовской губ., 4) Рапортъ о благосостояніи Вознес. губ. съ извѣщеніемъ о внутреннихъ по губерніи и заграничныхъ происшествіяхъ, 5) Описаніе Екатеринославскаго нам. 1793 г., 6) Тоже 1795 г., 7) Военно топогр., стат. описаніе Екат. губ., 8) Опис. Екат. губ. 1808 г. и др. 9) Карта Новорос. губ. Елисаветградской пров. съ показаніемъ вновь поселенныхъ въ оной запорожцами слободъ 1773 г. и др. 10) Генеральная карта Тавр. губ., представляющая древнія именованія мѣстъ, городовъ, рѣкъ и пр. 1791 г.; 11) Записка о крымскихъ татарахъ, 12) Топографическое описаніе Таврическаго нам., 13) Описаніе Таврич. губ. 1807 г., 14) Описаніе Козлова, Маріуполя и т. д.

Къ Харьковщинѣ: 1) Цѣлый рядъ описаній бывшей Украинской линіи, 2) Два топогр. опис. Харьковскаго нам., 3) Вѣдомости по Харьк. нам. о числѣ народа, о суммахъ, 4) Атласъ геометр. планамъ 15 уѣздамъ Харьк. нам. 1790 г., 5) Опис. Слоб. Укр. губ., 6) Описаніе г. Ахтырки съ уѣздомъ и др.

Изъ генеральныхъ картъ отмѣтимъ слѣдующія: 1) Карту Украины 1650 г. (Боплана), 2) Собраніе картъ Западной Россіи 1665—70 г. (на франц. яз.), 3) Генеральную карту трехъ малорос. губ. 1782 г., 4) Географ. карту польской Украйны 1788 г. (на польскомъ яз.), 5) Карту Малорос. губ., раздѣленной на 20 повѣтовъ, 6) Карту Новгородъ Сѣвер. губ. съ планами городовъ, 7) Карту Кіев. губ 1797 г., 8) Генеральную карту Кіев. губ., раздѣленную на 10 полковъ, 9) Атласъ Кіев. губ 1800 г., 10) Карту Под. губ. 1797 г. и 1798 г., 11) Нѣсколько картъ Полт. губ., 12) Атласъ Черниговскаго нам. 1787 со спеціальными картами каждаго уѣзда, 13) Два атласа Новгородъ Сѣверскаго нам., 14) Карту Новгородъ Сѣверской губ. съ раздѣленіемъ уѣздовъ, 15) Атласъ Харьк. нам. 1787 г., 16) Геометрическую карту Слоб. Укр. губ. 1797 г., 17) Карту Слоб. нам., раздѣленную по Выс. учрежденію о губерніяхъ на 15 округовъ, 18) Геометр. карту Харьк. нам., 19) Карту Слоб. Укр. губ. 1802 г., 20) Карту Слоб. Укр. губ. 1794 г., 21) Карту Вознесенской губ., 22) Атласъ Екатериносл. нам. 1790 г., 23) Тоже 1793 г., 24) Карту Екатер. губ. 1808 г., 25) Атласъ Таврич. обл. 1787 г., 26) Тоже

1793 г., 27) Карту части Кубанской степи 1772—1774 г., 28) Карту Азовской и Новорос. губ. 1775 г., 29) Тоже 1778 г. (двѣ), 30) Генер. геометр. карту Азов. губ. 1779 г., 31) Генер. карту Азов. губ. 1782 г., 32) Генер. карту Новорос. губ. 1782 г., 33) Карту, представляющую полуденную страну Рос. Имп. 1783 г., 34) Карту Екатер. и Тавр. обл. 1786 г., (на франц. яз.). 35) Генер. карту Екатерин. нам. 1786 г., 36) Атласъ, изображающій область Озу или Едизанъ—Очаковскую землю 1791 г., 37) Карту полуденной границы Рос. Имп. 1792 г., 38) Генер. карту Новороссійской губ. 1797 г., 39) Атласъ Новорос. губ. 1799 г., 40) Атласъ новоприобрѣтенной области отъ Порты Оттоманской и присоединенной къ Екатерин. нам., 41) Общую карту губерній и областей, состоящихъ подъ начальствомъ гр П. А. Зубова, 42) Карту отъ устья р. Днѣстра, по берегу Чернаго моря до замка Гаджибея и по польской границѣ до вершины р. Тилигула, 43) Карту Кубанской степи и Новорос. губ. 1778 г. и мн. др.

Уже изъ этого перечня—а онъ далеко не полонъ—видно, какое огромное количество историкогеографическаго матеріала для южнорусскаго края заключается въ Архивѣ Главнаго Военнаго Штаба. Правда, свѣдѣнія о рукописяхъ въ каталогѣ столь кратки и подчасъ неопредѣленны, что по нимъ нельзя составить себѣ яснаго понятія о содержаніи документовъ; мы не знаемъ, напримѣръ, ничего объ объемѣ ихъ; во многихъ случаяхъ не указано даже время, къ которому относится памятникъ; но нельзя все таки не выразить глубокой признательности лицамъ, завѣдующимъ военно-ученымъ архивомъ главнаго штаба за изданіе настоящаго выпуска ихъ каталога. Съ появленіемъ его въ свѣтъ, сдѣлалось ясно, что при серьезной историко-географической работѣ по исторіи Малороссіи, Новороссіи и Слободской Украйны невозможно обойтись безъ справокъ въ этомъ богатомъ хранилищѣ. Пожелаемъ же, что бы вслѣдъ за 5-мъ вып. послѣдовали и другіе.

Д. Багалѣй.

Каталогъ коллекціи древностей А. Н. Поль, въ Екатеринославѣ, вып. I, составила К. Мельникъ Кіевъ, 1893 г., V+217 стр., портретъ и XIV табл. снимковъ.

А. Н. Поль (+1890 г.), одинъ изъ видныхъ общественныхъ дѣятелей нашего юга, среди разнообразной практической дѣятель-

ности, посвящалъ не мало времени и средствъ на собираніе древностей, преимущественно мѣстныхъ. Въ результатѣ образовалось обширное собраніе, характеризующее прошлую жизнь края въ различныя эпохи. Коллекціи касаются, главнымъ образомъ, южной Россіи и Новороссійскаго края и по нѣкоторымъ отдѣламъ представляютъ довольно полные подборы предметовъ. Въ настоящемъ выпускѣ каталога, послѣ краткаго біографическаго очерка А. Н. Поля, помѣщено описаніе IX отдѣловъ собранія. Замѣтимъ, что это не каталогъ въ общепринятомъ смыслѣ, а вполнѣ научное описаніе, составленное съ полнымъ знаніемъ дѣла, со всѣми научными пріемами. Не многія частныя собранія въ Россіи описаны такимъ образомъ, а собраній древностей частныхъ лицъ, если взять даже только южную Россію, найдется не мало; составленіе такого рода научныхъ каталоговъ и можно рекомендовать владѣльцамъ коллекцій, такъ какъ въ виду частыхъ случаевъ уничтоженія послѣднихъ (распродажи послѣ смерти владѣльцевъ, разнаго рода несчастные случаи и т. п.), только такимъ путемъ и можетъ быть, хотя отчасти, сохранено ихъ значеніе для науки.

Мы не имѣемъ возможности подробно останавливаться на каждомъ отдѣлѣ каталога, одни изъ нихъ болѣе обильны и интересны, другіе менѣе; сдѣлаемъ лишь бѣглый очеркъ ихъ.

Первый отдѣлъ занимаютъ древности каменнаго вѣка; предметы, сюда относящіеся, раздѣляются на двѣ группы: кремневыя отбивныя и полированныя каменныя орудія; первыя составляютъ нѣсколько отдѣльныхъ коллекцій, набранныхъ на мѣстахъ стоянокъ и мастерскихъ первобытнаго человѣка, между ними есть коллекція предметовъ т. н. древнекаменнаго вѣка, вторыя найдены спорадически. Интереснѣйшая часть собранія описана во второмъ отдѣлѣ—это бронзовый вѣкъ; бронзовые предметы найдены всѣ въ басейнѣ Днѣпра, преимущественно въ Екатеринославской губ., поступали они въ коллекцію иногда цѣлыми кладами; тутъ есть формы для отливки орудій, указывающія на мѣстное приготовленіе ихъ; вообще этотъ отдѣлъ по своей полнотѣ представляетъ рѣдкій подборъ предметовъ. Слѣдующіе затѣмъ отдѣлы расположены въ такомъ порядкѣ: отдѣлъ III—древности греческихъ колоній, главнымъ образомъ, изъ Керчи и Херсонеса. Отдѣлъ IV—скифскія древности; предметы этого отдѣла добыты изъ новороссійскихъ скифскихъ кургановъ, къ сожалѣнію, прежнія записи запутаны, и составительницѣ каталога не всегда можно было точно возстановить мѣсто находки.

Отдѣлъ V—древности княжескаго періода; онѣ могутъ быть распредѣлены на три группы: а) предметы съ княжей горы (городище на Днѣпрѣ, близъ г. Канева) [1]), б) изъ кургановъ у с. Любомировки екатеринославск., г., верхнеднѣпровск. у., в) предметы, найденные въ окрестности м. Никополя; кромѣ того, много вещей найдено спорадически. Отдѣлъ VI—предметы запорожской и южно-русской старины; многіе изъ предметовъ найдены на мѣстѣ Запорожской Сѣчи. Отдѣлъ VII—предметы, относящіеся къ сравнительной этнографіи; вещи добыты у инородцевъ сѣверо восточной Россіи, въ Области Войска Донскаго, у Маріупольскихъ грековъ и т. п. Отдѣлъ VIII—оружіе, отд. IX—монеты и медали.

Къ каталогу приложенъ географическій указатель. Для болѣе нагляднаго ознакомленія съ описанными предметами, типичные изъ нихъ помѣщены въ снимкахъ на XIV таблицахъ, сдѣланныхъ фототипіей [2]). Какъ рисунки, такъ и вообще все изданіе и съ внѣшней стороны исполнено превосходно.

Коллекціи А. Н. Поль предназначены къ продажѣ; настоящій каталогъ, благодаря своимъ научнымъ достоинствамъ, дастъ возможность пользоваться ими не только теперь, когда онѣ еще цѣлы, но и на будущее время; но, во всякомъ случаѣ, желательно было бы, чтобы это богатое собраніе не ушло изъ Россіи, и даже осталось именно на югѣ, какъ собраніе чисто мѣстное; и намъ кажется, что городу Екатеринославу болѣе всего прилично почтить память А. Н. Поля, такъ много сдѣлавшаго для края, пріобрѣтеніемъ его коллекцій въ общественную собственность.

Н. Б.

---

[1]) Въ общемъ очеркѣ древностей Княжей горы сказано (стр. 105), что предметы этого городища, начиная съ каменнаго вѣка, простираются до временъ козацкихъ,—насколько намъ извѣстно, послѣдняго рода предметовъ на Княжей Горѣ найдено не было.

[2]) Укажемъ на опечатки, которыя могутъ затруднить пользованіе таблицами въ IV отдѣлѣ (скифскія древности), предметы за №№ 180, 195, 196, 199, 207, 222, 225, 227, 237, 238, 240, 241, 242, 244 и 245 изображены не на VIII табл., какъ указано въ каталогѣ, а на IX.

шой романъ изъ области будущаго А. Лемана; „Аріасвати“—фантастическій романъ Н. Соколова; „Черная душа“ (исторія одного пограничнаго разбойника)—разсказъ Ѳ. Тютчева; „Мститель“ (изъ жизни нашихъ среднеазіатскихъ окраинъ)—разсказъ В. Губаревичъ; „Морфинистка“—разсказъ А. Зарина“; „Мірскія диковинки“—рядъ разсказовъ В. Желиховской; „Лиллипуты“ (тайны микроскопическаго міра)—научный романъ А. Бленара; разсказы проф. Н. Вагнера, Н. Каразина и Д. Мамина-Сибиряка; „Жертвы моря“ (разсказы изъ исторіи крушеній судовъ нашего военнаго флота)—Мораки (псевд.); „Тайны алхиміи“—Очерки Н. Павловича; „Письма изъ Африки“—Г. Сенкевича; „Страна чудесъ“ и „Въ царства Рулетки“—разсказы изъ путешествій С. Дмитревскаго; „Лазуревый гротъ“—очеркъ С. Донскаго“; „Оорочони“ (вымирающее пламя)—этнографическій очеркъ А. Максимова; „Изъ песковъ Судана“—очерки послѣдняго путешествія д-ра А. Елисѣева; „Очерки изъ путешествій по Абиссиніи“—извѣстнаго путешественниіа В. Машкева; „Семь церквей Апокалипсиса“—В. Желиховской; „Столицы міра“—разсказы С. Донскаго; „Плеяды“ и „Сатурнъ„, его кольца и спутники“—очерки проф. С. Глазенапа; „Друзья человѣка“—большой очеркъ д-ра зоологіи А. Никольскаго; „Ящерицы, плачущія кровавыми слезами“—В. Максимова; „Чтеніе мыслей“—П. Соловьева; „Воля“—П. Успенскаго“; „Черезъ сто лѣтъ“—очерки Б. Битнера; „Живая машина“—очеркъ І. Ясинскаго; рядъ популярныхъ біографій русскихъ ученыхъ и путешественниковъ; очеркъ изъ астрономіи, зоологіи, ботаники, метеорологіи, физической географіи, минералогіи, геологіи, физики, химіи, медицины, технологіи, по сельскому и домашнему хозяйству, по отдѣлу „Наука и забава“, извѣстія о новѣйшихъ путешествіяхъ, изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ; полезные совѣты и рецепты; фокусы и забавы и пр. и пр. Большинство статей иллюстрировано мелкими рисунками.

Въ художественномъ отдѣлѣ принимаютъ участіе художники: Казанцевъ В. Г., Каразинъ Н. Н., акад. Кившенко А. Д., Піотровичъ С. К., акад. Самокишъ Н. С., Самокишъ-Судковская Е. П., Соколовскій Э. К. и друг.

Подписная цѣна на ежедневный журналъ „Природа и Люди“ съ приложеніемъ 12 книгъ „Полезной библіотеки:

Безъ доставки 4 руб, съ доставкой и пересылкой 5 руб., заграницу 8 Рублей.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1 февраля 1 руб. и къ 1 мая остальныя.

За 1889—1890 г. журналъ весь разошелся, за 1891, 1892 и 1893 гг. осталось небольшое количество экземпляровъ, цѣна которыхъ брошюрованномъ видѣ, со всѣми приложеніями, —4 руб. за каждый годъ, а въ роскошномъ переплетѣ 5 рублей. Пересылка съ наложеннымъ платежомъ по вѣсу и разстоянію.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи „Природа и люди“, С.-Петербургъ, Стремянная ул., собств. домъ, № 12.

Редакторъ С. Груздевъ—Издатель П. Сойкинъ.

Доставившему подписку на десять экземпляровъ 11-ый безплатно.

1—3.

Субота. 22. Сегодня рано виехалемъ зъ Сваркова и пріехалемъ до города на службу, и у ясневельмож. обѣдалемъ. У господара отобралемъ купчую отъ полковника Оболдуева данную, тако жъ купчую отъ Коваленка на поле и третую отъ есманскаго чловѣка на дворъ, а ему далемъ розискъ въ Сварковѣ чинившійся 1719-го году о Клевенѣ, Яремою Омеляновимъ бурмистромъ и Савою Матвѣевимъ, для индукованія до книгъ. Ездилемъ до Количова и оттоль до церкви Михайловской на вечерню. Купилисмо дворъ у Шевчихи, близъ лазнѣ нашой городовой, за 14 р. и 50 копѣекъ.

Неделя. 23. Срѣбранскій сотникъ [1]) сказивалъ о нашемъ нещастю нѣякомсь. У подполковника Количова были крестини синови его новорождшагося. Антипъ Соколовскій, сотникъ бакланскій, преставился подъ карауломъ. Полковникъ бувшій нѣжинскій Петръ Толстой зъ женою своею Уляною Ивановною, зъ синами Александромъ и Іваномъ и дочерю Настасіею, виехали зъ Глухова по указу, которихъ зъ ясневел. опроважали до Товстодубова, а ночовали отъ Глухова верстъ за 7. Войтъ глуховскій Александеръ Іванов. женился на Карписѣ пороховничцѣ.

Понеделокъ. 24. Тамже на вчорайшомъ ночлѣзѣ обѣдалисмо, а по обѣдѣ переехавши Есмань, отъ Глухова въ 14 верстахъ отстоящее село, пріехали до Толстодубова, где и заночовалисмо, а Толстодубовъ отъ Есманѣ въ 13 верстахъ отстоитъ. Войтъ Александеръ вчора женившійся, померъ нечаянно.

Вовтор. 25. Сей день тутъ же простоялисмо увесь и съ нами капитанъ Петръ Михайл. Черторизскій, которому велено Толстого до граници опроводить и вислать, и тамъ же ночовалисмо.

Середа. 26. Сегодня на томъ же ночлѣгу обѣдалисмо. Простились зъ Толстимъ и его женою, они поехали въ свой путь, а ми всѣ возвратились домой, въ разлученіи ясневелможная омлѣла была, заледво водкою гунгарскою (венгерскою) оную посилили. За поворотомъ моимъ, увѣдомился я, что куріеръ былъ въ Глуховѣ зъ С.-П-бурху, черезъ которого вѣстно учинилось, что дѣла мало-

[1]) Троцина.

россійскіе перенесени въ колегію иностранныхъ дѣлъ и что для избранія гетмана ѣдетъ Салтиковъ сенаторъ сюда, а въ резиденти Наумовъ.

Четвер, 27. Лозовскому на покупку 100 дощокъ и 50 куфъ въ 10 носатокъ мѣрою далемъ 4 р. и ему жъ купить 50 кварт алѣи на постъ Спасовъ казалемъ. Юдко жидъ принюсъ потребки до двохъ кунтушовъ и тясму зъ кутаси до трости, за що ему далъ 5 р. съ полтиною Вѣжевскій. Писалемъ до родителя о тутейшомъ поваженню и опредѣленіи порутчика Щоголева въ Шабалиновъ для слѣдствія о перевозѣ Указъ зъ тайного верхового совѣта въ колегію малор. принесенъ отобрать отъ ясневелможной диплонъ и привилеия. Обѣдалисмо у ясневел. и съ нами Миклашевскій зъ панею своею Степанъ. По обѣдѣ ездилемъ до степана Миклашевского, а потомъ зъ ясневел. былъ у Кошелева и оттоль у брегадира и у ясневел. вечералъ. Купилемъ на мѣстѣ кляпсидру за 5 а., спалню лазобную за 4 гривни, зеркало за полкопи. Романъ не молодикъ пріехалъ зъ Ромна, зъ котораго донесенья тако жъ и зъ листу Якова Дуброви увѣдомилемся, что 1) въ Плавинищахъ медвѣдь убилъ 5 пчолъ, а осталось цѣлой зъ роями 40; 2) о шинкару Денису Роменскомъ которий хочетъ зъ двора нашего вийти, а погодно платить по 6 р.; 3) коней прислано сюда 12 непродажнихъ, а опрочъ тихъ два воронихъ бѣлоногихъ; 4) а продали 5 коней, а товару 6, вовни рунъ 550, за все взято грошей 388 зол. и полъ 9 шаг., у господара роменскаго было 130 зол. Архипомъ данныхъ, итого всѣхъ тамъ въ Ромнѣ пріемныхъ грошей нашихъ было 518 зол. и полъ 9 шаг. зъ того числа послалъ Яковъ до стар. Сухонос. на сѣно 300 зол., а на покупки розійшлось 68 шаг.; 5) господаръ тамъ удержалъ у себе 30 зол. для найму воловиковъ до двору годовихъ, а решту 120 зол. привюзъ сюда Романъ и покупки: юхтъ 2, кагвеполъ 2 фунта, родзѣнокъ полъ пуда, паперу полъ рази, киндяковъ зеленихъ 5, рижу фунт. 15, цукру голову, тютюну тур. око, имбрикъ вел. на чай мѣдній 6) зъ Сухоносовки прислано вовни въ Роменъ, по ищисленію Романа, 624 рунъ, а бранки 150; по писму Плетюнки недолѣчились

простой 6, а бранки 18 рунъ. Вѣжевскому ключникъ далъ 10 р. рибнихъ, що и въ его реестрѣ прописано. Астровскій попъ пріехалъ зъ Чернѣгова зъ листомъ отвѣтнимъ до мене п. Якова Полуботка, до которого знову писалемъ.

Пятокъ. 28. Сегодня ездилемъ рано до ясневел., а оттулу знову назадъ повернулся. Вѣжевскому Романъ 24 р. отдалъ, которіе зъ собою привезлъ.

Субота. 29. Сегодня рано ездилемъ до правителей, оттоль у церквѣ ст. Анастасіи службы Божой вислухавши, обѣдалемъ у ясневел. Куріеръ зъ повѣсти г. Волкова пріехалъ сегодня, чтобъ генералъ маіоръ Веляминовъ съ поспѣшеніемъ ехалъ въ С. П—бурхъ. Ассесоръ колежскій Волковъ приходилъ къ ясневелможной передъ обѣдомъ отъ коллегіи зъ таковимъ предложеннемъ, чтобъ не требуя къ себѣ зъ коллегіи указу, видала грамоту на маетности всѣ жалованную и того жъ часу видала, якую при немъ, Волкову, Яснополскій и отнеслъ въ колегію, и отдалъ. Капитанъ Бранчанинъ здешнего гварнизону по указу отписалъ домъ гетманскій, а другую половину того жъ двора, купленную отъ ясневелможной, оставилъ при ней. Милемъся въ лазнѣ, а потомъ вечералемъ у п. судіиной, зъ ясневелможною.

Неделя. 30. Сегодня кушалемъ у ясневел. Волинскій и Романъ отправлени въ Роменъ; Волинскому данъ приказъ въ 17 пунктахъ, о устроеніи шинковъ, побыттю пчоли самой подлой, виготованню поля, большого противъ прежнего, на жито и сѣна, такожде везде по футорахъ и виправѣ грошей зъ шинкарей, а особливе въ Лохвицѣ, о млинѣ подолянчиномъ, чтобъ оний былъ сторгованъ, о спробованню умолоту пашнѣ и о протчемъ, а черезъ Романа до родителки при письмѣ послани 10 кущиковъ лилѣи и бандура для направки. Лизогубъ Семенъ присилалъ къ ясневел. сотника срѣбранскаго зъ объявленіемъ своей поволности съ прошеніемъ кулбаки и шаблѣ, що ему черезъ Кондзеровского и отослано.

Понеделокъ. 31. Сегодня кушалисмо у ясневел., куда и о. Мойсѣй явился, опровадившій сестру Уляну Іановну за Сѣвскъ. У Шевчихи Алексѣихи, близъ солодовника Степана, купилисмо домъ

за 14 р;, на что и купчая зъ уряду тутейшого за подписаніемъ атамана и бурмистра дана. Ходилемъ зъ Яснополскимъ господаремъ и Александромъ вина венгерскаго у Цибулскаго осматривать, которое по 20 р. анталъ продавался.

Мѣсяць августъ. Вовторникъ. 1. Сегодня швабского полотна на 2 каѳани купилъ Вѣжевскій мнѣ 15 аршинъ, по 13 шаг. Писма зъ Ромна принесени отъ князь Мих. Михай. Голѣцина до ясневел. и до род. зъ обѣщаніемъ показованія благодѣянія писанніе, отъ род. ко мнѣ о томъ же. Архипъ явился и показалъ о себѣ, что отъ его по облѣкахъ всѣхъ даннихъ ему 4 великихъ, а пятимъ малимъ доводилось всѣхъ грошей 204 р. и 20 к., а отдалъ Вѣжевскому 54 р. съ полтиною, Кулику 40 р., господареви Роменскому 20 р. да другимъ разомъ 26 зъ полтиною, итого въ отдачи 150 р. а доводится еще отдать 51 р. да 20 а.

Середа. 2. Сегодня ездилъ я до млина Радионовского, где собранной видѣлъ пшеницѣ полубочковъ 6, да жита около четверика и болше. Сторговалъ господаръ лѣсъ на вирубъ за 7 р. зъ 10 а. у мужички баницкой вдови и задатку Вѣжевскій далъ оной 4 р. и 10 а. 1/4, а 3 р. потомъ мѣютъ отдатись безъ 2 гривенъ. У вечеру былемъ у ясневел., где тако жъ были генералша Велямінова зъ дочерю и Семенъ Лизогубъ.

Четвер. 3. Службы Божой слухалемъ у ст—ихъ Анастасій, а обѣдалъ у дворѣ и зъ Александромъ виторговалемъ вина венгерского столового анталъ за 8 червонихъ и рубля. Романъ, стар. тулиголов., пріехалъ и сказовалъ, что нажалъ жита 180 коп., а умолотно такъ зъ 7 копъ взялъ 5 четвертей; а пчоли всеей 34. У вечеру повернулась зъ двора жена моя. Х. получили 7 р. бы.

Пятокъ. 4. Сегодня протопопъ глух. приходилъ о Гурію и поповичу розговаривать.

Субота. 5. Коммунѣковалемся сегодня, а обѣдалемъ у себѣ. Писмо отъ п. Михайла зъ Сорочинець получилемъ зъ требованіемъ присилки денегъ и баранковъ. Писмо получилемъ отъ родителя, что родителка вчорась виехала зъ Ромна къ Глухову, а будетъ завтра у мутинской

пустинцѣ, куди и я, зъ Глухова поехавши, пріехалъ на ночь въ Ярославець, где и ночовалемъ.

Преображеніе. Неделя. 6. Сегодня рано зъ Ярославця поехавши, пріехалъ передъ службою Божою въ пустинку Мутинскую, где и родителку засталемъ. Пообѣдавши тутъ и до вечора забавивши, пріехали наночь въ Камень. Получилемъ писмо отъ стар. перер., что неучинено комисаровъ полегки жадной въ тяжести за неизмѣрно наложенніе порцѣи чинячойся и что збѣгшій мужикъ Коркушка не повернулся до сихъ часъ въ село.

Понеделокъ. 7. Сегодня отправилисмо писма въ Роменъ до род.. зъ вѣдомостми, о которихъ нижей будетъ и до сотника роменского, чтобъ онъ переслалъ листъ до Волинского писанний о частомъ его отзиваннюся, о нарванню орѣховъ доволного числа на олѣй и чтобъ старался полегку учинить въ Перервинцяхъ. Обѣдалисмо тутъ же и съ нами Іваниха лубенская и тютка Огіенкова а по обѣдѣ, поехавши черезъ Ворголъ, пріехалемъ въ Глуховъ и былъ у ясневелможной, и позно уже въ свой домъ пріехалемъ. У Ворглѣ видѣлъ я слугу Степана Миклашевского повернувшогося зъ Гиляни, который въ юнѣ м-цѣ виехалъ зъ Астраханѣ, где еще людей моихъ оставилъ зъ судномъ. Увѣдомился я, что Семенъ Лизогубъ писалъ до ясневелможной, упоминаючись подѣлу поровной половинной части зъ сестрою Уляною.

Вовтор. 8. Сегодня рано ездилъ я до Семена Лизогуба зъ Кондзеровскимъ для розговору въ інтересѣ ясневел., а потомъ и въ другій разъ по обѣдѣ зъ таковимъ приговоромъ, чтобъ его женѣ третая часть по смерти ясневел. недвижимаго имѣнія была выдѣленна, а о движимомъ имѣніи, далъ бы онъ реестръ чого требуетъ, а такъ онъ подалъ реестръ зъ запросомъ лишнего, а надъ все червонныхъ 10000, чего ради ему ясневелможная отказала. Помянутый Семенъ Лизогубъ, тако жъ сотникъ срѣбранскій Троцина и стародубовскій Галецкій поехали въ С.П-бурхъ зъ чолобитними отъ полковъ благодарственними до двору монаршого. Левенецъ пріехалъ и сказалъ, что князь Михайло Михайловичъ Кголѣцинъ поехалъ въ С-П-Бурхъ прошедшого юля 30-го числа почтою. Роди-

телка пріехала въ Глуховъ и купно всѣ обѣдалисмо у ясневел. Принялемъ до себе на службу поляка, прозиваемаго Зеленского.

Середа. 9. Сегодня получилъ я писмо отъ Василя Дорошенка зъ Астрах., 16-го апр. писанное, о тамошнемъ ихъ повоженню. Зъ присланнихъ зъ С.П.Бурху газетъ отъ 23-го юня вѣдомо учинилось, что его императорское величество, подъ часъ первого своего присутствія въ тайномъ верховномъ совѣтѣ, показалъ общенародно милосердіе свое въ слѣдуючихъ пунктахъ: 1) положенніе за прописку при переписѣ людей и крестянъ мужеска полу душъ денги сложить; 2) въ Малой Россіи ко удовольству тамошнего народа учинить, по прежнему обыкновенію, гетмана и протчіихъ генералную старшину, во всемъ по содержанію пунктовъ, на которихъ сей народъ отъ начала въ подданство россійской имперіи пришелъ; 3) соль, которая чрезъ нѣкоторіе года въ Россіи продавалась исъ казни императорской, отдать для всенародной ползи въ волний торгъ по прежнему, со взятіемъ пошлинъ; 4) вотчинной коллегіи со всѣми дѣлами быть въ Москвѣ; 5) торгъ сѣбирскій соболѣной и другихъ заповѣднихъ товаровъ, которіе прежде сего исъ казни императорской продавались для всенародной ползи, отдать въ волную торговлю съ платежемъ пошлинъ. Юля отъ 7-го дня его цесарского величества римского полномощний минѣстръ и посолъ графъ Рабутинъ, обрѣтаючійся въ С.П.Бургѣ, свѣтлѣйшому герцогу, генералиссимусу, реихсмаршалу и многихъ орденовъ кавалеру князю Александру Даниловичу Меншикову обявилъ: получилъ де онъ отъ его цесарского величества римского своего государя указъ, чтобъ его свѣтлости донесть, что его цесарское величество римское его свѣтлѣйшого князя пожаловалъ въ Силезіи лежащее герцогство Козелъ съ принадлежащимъ и на оное герцогство потребний дипломъ пришлется въ скорости; а въ писмѣ его цесарского величества римского къ свѣтлости написано: высокорожденний любезний дядя и князь. Любовь ваша мнѣ черезъ своего атютанта въ своемъ присланномъ писмѣ писанномъ въ С.П.Бурхе мая 8-го, печалную о временномъ отшествіи блаженной всероссійской самодержици Екатерини Алексіевни моей во время жизни дружболюбезной сестри, тако жъ и бла-

гопріятную вѣдомость о восприятіи по ея любвѣ послѣдней диспозиціи россійского престола моего любезного племѣнника и родственника нинѣ государствующаго любвѣ обявилъ, и яко первій случай мнѣ дѣйствително къ сердечной печали побудилъ, тако о другомъ полное имѣю доволствованіе, ибо чрезъ то не толко наслѣдіе въ Россіи къ радости увеселенію и удоволствованію всѣхъ обивателей наступилб, но и между нами предъ краткимъ временемъ учиненний союзъ въ прежнемъ своемъ существѣ истинно сохранено и укрѣплено, о чомъ мнѣ тамо обрѣтаючийся мой полномочній минѣстръ и посолъ графъ Рабутинъ доносилъ, что сіе дѣйство предъ многимъ временемъ отъ любвѣ вашей происходило, за что вся Россія къ вѣчному благодаренію вамъ обязанна пребываетъ, а я такожде чувственное причастіе въ семъ воспріемлю, чего для любовъ ваша отъ сего времени во всемъ, что къ удоволствованію и возвишенію вашему къ фамилѣи вашей быть можетъ, на мене изволте быть благонадежни, яко же графъ Рабутинъ о семъ пространно изяснитъ, а я дядевскою склонностію, імператорскою милостію и желаніемъ вамъ всего благаго постоянно благосклоннимъ пребываю. Данъ въ Вѣнѣ. юня 1727-го году. Карлъ.

Принялемъ на службу молодика, родомъ зъ Воронѣжа, Василя Басѣстенка. Писалемъ писма: 1 до род. и указъ въ дѣлѣ ясневел. приложенъ, а 2 писмѣ до Несторовича и до господара ромен. о збѣгшомъ служцѣ Савцѣ, чтобъ его зъ Ромна въ колодкахъ прислали сюда.

Четвер. 10. Сегодня службы Божой у ст. Анастасіи слухалъ и тамъ же во дворѣ обѣдалъ. По обѣдѣ ездилемъ до Сваркова, где будинокъ обмазованъ и имбаръ глиною намазованъ былъ зъ середини, а пріехалъ оттуду позно въ Глуховъ. Получилемъ писмо отъ швакгра п. Якова Полуботка и цедулу, что Андрѣй швакгеръ въ Чернѣговъ къ ему брату своему пріехалъ на ночъ, а не увидѣвшись, скоро свѣтъ, знову отехалъ въ Кувѣгичи и что къ нему очинъ досадно писалъ и же посхалъ въ Кіевъ сказивалъ его слуга либо отдавца.

Пятокъ. 11. Сегодня писалемъ въ отвѣтъ до п. Якова Полуботка на листъ его, обявляя и свой жаль, что ко мнѣ швакгеръ

п. Андрѣй ничого не писалъ отвѣтно, до которого я отзивался въ моемъ інтересѣ и жени моей.

Субота. 12. Сегодня службы Божой слухалисмо въ Анастасіи и во дворѣ обѣдалисмо. Жену мою въ колясцѣ кони носили, а машталѣра побыли велми. Былъ у мене Кутневскій, а потомъ почепскій и ямпольскіе управители.

Неделя. 13. Сегодня службы Божой слухали у ст. Анастасіи и тамъ обѣдали во дворѣ. Писалемъ писмо до архіерея бѣлагор. Тихорского, которій сюда до ясневел. писалъ пастирско утѣшаючи. У вечеру просидѣлъ у Кошелева, куда Количовъ и Волковъ пріехали.

Понеделокъ. 14. Обѣдалемъ у себе, а по обѣдѣ ездилемъ до ясневел. брегад. и въ лазнѣ Кондзеровского мился. Архиву положилемъ строкъ до 1-го ноевр. всѣ гроши стягнуть, которий въ розговорѣ обявилъ, что Гаврило принялъ грошей 184 р., 8 гривенъ и 5 копѣекъ.

Успеніе. Вовтор. 15. Сегодня службы Божой слухалисмо у ст. Анастасіи, а у насъ обѣдалисмо и ясн. Александръ Левицкій поехалъ въ С.П.Бурхъ, черезъ котораго писалемъ до проосвященнаго архіерея Новогор. и ему жъ далемъ 7 р., на покупку млинка на кофе, чаю фунта самого доброго и замочка круглого маленкого.

Середа. 16. Церковъ бѣлоголовская Покровъ Пресвятой Богородицы згорѣла. Куріеръ зъ С.П.Бурху пріехалъ и привезлъ писма отъ старшини енер. до правителей о состоявшомся милосердіи его императ. в-ва надъ Малою Россіею обявляючое, да онъ же сказивалъ, что обехалъ г-на Наумова у Вишного Волочка, сюда едучого для избранія гетмана. Получилъ я писма зъ Ромна отъ род. и брата Марка, зъ прилогомъ писма Грановского, писара пол. нѣжинского, взглядомъ садовника писанний, чтобъ по оного подводу послать для поднятія его.

Четвор. 17. Сегодня купила род. анталъ вина за 25 р. Виехала род. зъ Глухова, которую мы обое опровожалисмо и недоежджаючи Ярославця заночовали.

Пятокъ. 18. Сегодня разлучился я рано зъ родителкою, а жена моя при оной осталась и поехали они до Каменя, а я про-

брался черезъ Дунаецъ до пасѣки уздицкой. Въ пасѣцѣ всеей, пчоли по осмотру показалось 224, убыть приказалъ я 36, а подрѣзать 80, а въ рештѣ остается на зиму пчоли 188. Оттуду поехалъ я до футора Калюжновского, где увѣдомился о накошенныхъ 50 возахъ сѣна тамъ же и 406 копахъ жита нажатихъ. Пріехалъ на ночъ въ Сварковъ, когда конь п. Михайла носилъ мене, и ночовалъ тамъ.

Субота. 19. Сегодня рано пріехалъ я зъ Сваркова въ Глуховъ былъ у церквѣ ст. Анастасіи и во дворѣ обѣдалъ. Савку молодика збѣгшого моего привезено зъ Ромна въ Глуховъ, которому за збѣгъ учинено наказаніе. Да получилъ я писма зъ Ромна отъ род., отъ брата Марка и Несторовича повшехно писанние и писмо отъ Волинского о его бытности въ Перервинцяхъ и проч.

Неделя. 20. Сегодня службы Божой слухалъ у Михайла, а обѣдалъ во дворѣ. Хлопець мой Василець ушолъ въ ночѣ до Гудовича, за которимъ всю ночь ездили Вѣжевскій, Тарасъ и Петро Кухтикъ, а зде ходили ключникъ Климъ зъ Кухтиками. Былъ я рано у брегадира; по обѣдѣ у Попова, Количова и п. Федоровой Савичевой и у Кошелева. Слуга п. Михайла Процко пріехалъ зъ Сорочинець отъ пана своего зъ родиннимъ зваромъ, что Богъ ему далъ сына Івана, который родился 9-го августа. Онъ же привезлъ писмо отъ брата Семена, что родитель на спину и бокъ правий боленъ на колку. Вѣжевскій осталніе 11 р. взялъ у брата Федора Юрченка.

Понеделокъ. 21. Сегодня рано былъ я у брегадира, где и зъ Гудовичемъ видѣлся и говорилъ о хлопцю, которого онъ видать не хочетъ. По обѣдѣ былъ у генералшѣ и сотнички глуховской, которихъ имениницами Васси поздравлялъ.

Вовтор. 22. Сегодня обѣдалъ я у себе, а со мною Холодовичъ, сотникъ воронежскій, Ударъ, Карпъ Огіевичъ и дѣти. По обѣдѣ виправилемъ Удара въ Роменъ и черезъ его писалемъ до род. о повоженю и хлопцю Гудовучомъ отнятомъ, до родителки о заплаченномъ мною анталѣ за 25 р., до братовъ Семена объ Удару, а Марка—о Савцѣ и чтобъ ознаймилъ о здоровю родителскомъ.

Вечоромъ ездилемъ до брегадира, где у Гудовича упоминалемся объ хлопцю. Пріехалъ канцеляристъ Романовичъ зъ С.П.Бурху, обехавшій г. Наумова въ Москвѣ, который сказивалъ, что Наумовъ будетъ сюда жъ въ септевр. и гетманомъ устроенъ будетъ въ Глуховѣ панъ полковникъ миргородскій и старшина вся; онъ же говорилъ, что въ Сенчѣ сотникомъ устроенъ Милорадовичъ, синъ полковничий. Далемъ Вѣжевскому грошей 30 р., зъ которихъ далъ и зъ давнѣйшихъ господару 25 р.

Середа. 23. Сегодня былъ я у ясневел, а по обѣдѣ былъ у мене Романовичъ, тако жъ Левенецъ и сотникъ глух. Романовичеви далемъ въ позику будку свою зехать до Сорочинець, черезъ котораго писалемъ до родителя и пана Михайла Скоропадского. Получилемъ зъ Ромна писма отъ брата Марка, Романа Волинского, а отъ Котлубая о томъ, что 40 таляровъ не доправилъ толко на должникахъ, неимѣючихъ що отдать.

Четвер. 24. Сегодня былъ я у церквѣ с. Анастасіи на службѣ Божой и въ дворѣ обѣдалъ. Послана дѣвка Прюска и Тарасъ до Ромна для забраття нѣкоторихъ рѣчій. Ей же и печатка моя сталная дана и черезъ ихъ писалемъ до род. и Волинского о господарскихъ дѣлехъ. Потомъ писалемъ до Котлубая, отвѣтуючи на листъ его писанний (что виправилъ онъ всѣ гроши, толко 40 таляр. недоправилъ), же должниковъ самихъ на отслугу озметъ, толко бы на ратушу приговорено годъ почему имъ служить, о томъ же и чтобъ увѣдомилъ, почему тамъ пашня и медъ продается, и о наймѣ паробковъ писалемъ до Романа.

Пятокъ. 25. Сегодня былъ у мене Кутневскій, Федоръ Савичъ, сотникъ Холодовичъ, Заруцкій попъ. По рощоту показалось зъ родителскихъ реестровъ: оставленного въ Астраханѣ 1724-го году, тютюну папушъ 16605, а по реестру Демяна продажномъ папушъ 10800, недостаетъ до полного числа 5805, винявши зась кромѣ продажи розийшовшійся тютюнъ 270 папушъ, останется 5535, По порахунку Якова Дуброви, въ семъ году мартѣ м-цѣ бывшомъ, показались шинкари въ долгахъ, а именно: роменскій шинкарь Денисъ виненъ 357 зол. и 5 шаговъ, лохвицкій шинкарь

Петро Тихоновъ 217 зол. шаг. 6 и надъ тое 15 коп., итого всѣхъ 255 зол. и 2 шаг., лубенскій шинкарь Артемъ виноватъ 129 зол. и шаг. 8. Summa 742 зол. и 5 шаг. Забара войтъ и шинкаръ сварковскій виноватъ 24 р. и 4 гривни.

Субота. 26. Сегодня рано были мы зъ Левенцемъ у брегадира и поздравляли его именинницею Наталіею Алексіевною, сестрою его величества, потомъ на службѣ Божой у Николая и на молебнѣ, гдѣ и съ пушекъ стреляно. Обѣдалемъ у дворѣ. Хлопець мой другій Федорець ушолъ.

Неделя. 27. Сегодня службы Божой слухалемъ у ст. Анастасіи, а обѣдалъ во дворѣ, где у ясневел. обѣдали генералша, Количова, Кошелева, Волкова Василисса. Хлопця привелъ Климъ ключникъ Федорця знову.

Понеделокъ. 28. Сегодня въ дому кушалъ. 3 т. зложилемъ въ библіотеку въ еденъ взялемъ; зъ мѣшка вилѣчилемъ 30 р. Вѣжевскому на заплатку господареви, 20 р. за медъ, пудъ по 40 а., а пудовъ 13. Былъ у мене Милорадовичъ, зъ С.П.Бурху пріехавшій въ сотники въ Сенчу. У вечеру начала быть во мнѣ алтерацѣя и черезъ всю ночъ держала мене.

Вовтор. 29. Сегодня зъ дому никуда невиездилъ. Подалемъ явочное чолобитте въ вой. енер. канцеллярію за хлопця моего Василця, которого Гудовичъ принявши, невидалъ, а въ немъ убитку мнѣ учинившогося въ оной челобитной прописанного, именно: за убійство отцемъ его учинившееся 24 р., за ученіе 15 р., да захваталъ хлопець утекомъ своимъ вещей на 10 р., неотшукано 30 чет., а кромѣ тихъ 49 р., всѣхъ 109 р.

Середа. 30. Былъ на службѣ Божой у ст. Анастасіи, а кушалъ въ дворѣ. Повернулся Ударъ зъ Ромна и привезлъ писмо ко мнѣ отъ родителя зъ приложеннимъ писмомъ урадовимъ на хлопця Василця даннимъ 721-го году, сент. 4-го дня; за нимъ же и дѣвка Проска пріехала въ Ромны зъ вещми. По реестру войта свар. Забари показалось, что новогребелскіе люде полемъ сварковскимъ завладѣвшіе, того жъ поля болшую часть другимъ людямъ на сторону заставили, а нѣкоторимъ продали, а именно: 1) Івана

Халка новогреблского поле, подъ Черневомъ на 50 копъ, подъ попомъ Стафаномъ нива копъ у 30, у козака Медведя Івана нива копъ на 20, за 9 копъ заставлена, у винника гетманского Дениса подъ Хомомъ копъ на 50, Федоръ Юрченко купилъ ниву зъ цѣлиною на 100 копъ, за 8 р. Якубѣ подъ мѣстомъ заставлена за 8 копъ, подъ Сухимъ Дубомъ на 40 копъ, въ той же руцѣ заставлени виннику гет. Денису нива за 5 р., еще ему жъ заставлена нива за 9 копъ. У Тума Оробенка у середной руцѣ на 50 копъ, въ его жъ въ третой руцѣ, подъ Черневомъ, на 80 копъ, 2 ниви заставлени, една Оробенку Василю, другая Ігнату Сердюченку за 5 коп., у Василя Оробенка, Сипливого новогребелского, поля подъ Заруцкого рукою, копъ на 40, у середней руцѣ также на 40 копъ, того жъ Сипливого подъ Черневомъ на 50 копъ. Лоевскій, атаманъ сорочинскій, отъ пана полковника мир. пріехалъ для квартери его персони, а негде инде толко зде у насъ. Кролевецъ городокъ, въ которомъ о 1-мъ сентевр. болшій отъ всѣхъ бываетъ ярмарокъ, кгорѣлъ, церковъ храмъ Богоматере згорѣла жъ, кромѣ святителя Николая, въ ночѣ пожаръ былъ.

Четвер. 31. Князь Іванъ Юревичъ Трубецкій, зъ Кіева въ С.П.Бурхъ слѣдуючій, пріехалъ въ Глуховъ. Сторожъ роменскій пріехалъ зъ Ромна отъ род. и привезлъ писмо и 25 р. за вина анталъ, и на кафанъ мнѣ матеріи 5 локоть, чтобъ еще столко жъ въ Королевцѣ прикупить. Да тотъ же сторожъ привезлъ мнѣ писмо отъ Волинского зъ Лохвицѣ, 29-го август. пушенное, въ якомъ пишетъ, что на Кривой Рудѣ по 20-е число августа сѣна было скиртъ 55, а въ въ Перервинцяхъ 40, гдѣ еще готуется, жита знято въ Сухонос. 105 копъ, у Перер. 150, на Кривой Рудѣ 78, въ Сухоносовкѣ на степку жъ сѣна стало скиртъ 18 У князя Трубецкого была ясневел. и я при ней, который стоялъ наметами въ полѣ, передъ дворомъ п. Федора Савича Писаревича. Отъ Петра Петровича Толстого пріехали до ясневел. Сенковъ да Алексѣй Михайловъ, люде его.

Мѣсяцъ Септевр. Пятокъ. 1. Сегодня принималъ я лѣкарство purgуючое и vomitorium зъ немалимъ дѣйствіемъ. Вина лутшого уже 16 бутилокъ взялисмо зъ антала.

Субота. 2. Сегодня рано зъ отцемъ Никифоромъ булисмо въ церквѣ святого Михайла и виняли депозитъ зовсѣмъ згнилий. Вѣжевскій и Петро кухаръ, имъ Вѣжевскому 2 р. и гусарку астраханскую легкую далъ я, такъже 2 р. и Петру. Обѣдали у мене Левенецъ, Лоевскій, Романовичъ канцеляристъ По обѣдѣ ездилъ я въ городъ и былъ у ясневел. и господара Яснополского, а передъ вечоромъ поехалъ на ночъ въ Тулиголови.

Неделя. 3. Сегодня поехалемъ рано зъ Тулиголовъ и пріехалемъ на обѣдъ въ Кролевецъ, где и обѣдалемъ зъ п. Павловою и Іванихою Радионенковою; по обѣдѣ ходилемъ по ярмарку и видѣлемъ погорѣлое мѣстечко едва не все.

Понеделокъ. 4. Сегодня тутъ въ Кролевцу пробавилемъ, покупки нѣкоторіе споражаючи, которихъ особливий приложенъ реестрикъ.

Вовтор. 5. Сегодня виехалемъ рано и пріехалемъ до Тулиголовъ на обѣдъ, а по обѣдѣ поехавши, пріехалемъ на ночъ въ Глуховъ, где Бурковского у себе засталемъ. Получилемъ писма черезъ Тараса зъ Ромна отъ Романа, что зъ шинкаремъ роменскимъ Денисомъ, задолжившимся намъ на 70 р., поручилась август. 31-го Марія Хиросиха зъ синомъ своимъ Гавриломъ, теща его, что онъ Денисъ на каждий ярмарокъ виплачоватись будетъ въ Ромнѣ по 6 р., а еслиби где онъ ушолъ неуплатя, то за то тое они отбуватъ повинни. Онъ же Романъ пишетъ, что въ пасѣцѣ моей на Плавинищахъ убилъ пчолъ 16 и взялъ толко одно вѣдерко меду, а оставилъ на зиму пчолъ 22. Другое писмо получилемъ отъ Якова, что писалъ къ нему стар. Суконос., жебы онъ прислалъ грошей 20 р. косарамъ за сѣно, якого уже готоваго 80 скиртъ, а на 20 кошеного. Пріехалъ Соколенко отъ родителя зъ нѣкоторими рѣчами для обсилки.

Середа. 6. Сегодня службы Божой слухалисмо у судейской церквѣ и у судіиной по службѣ были, а обѣдалисмо у себе и съ нами сотникъ глух. Левенецъ, Добронизкій, Лоевскій, Пироцкій, судіина, сотничка. Отправилемъ Данила Соколенка въ Роменъ зъ писмомъ до род., до Заборовского объ увѣдомленіи мене о людяхъ моихъ, до

Романа о посилаючихся 3-хъ куфахъ гор., якую ему Соколенку, заехавши въ Тулиголови, взять належитъ, о чомъ и до стар. Тулиголов. писано. Еще жъ писалемъ до Никити Плетюнки, ганячи ему, что онъ мимо Волинского описалъся ко мнѣ, требуючи 100 зол. на сѣно. Отъ п. Михайла Скор. получилемъ писмо вчора писанное зъ Ромна Сухого, где онъ зъ тестемъ своимъ п. полковникомъ миргородскимъ обрѣтается. Слугѣ п. судіиной далисмо копу на купленне ганишу въ Кролевцѣ.

Четвер. 7. Сегодня обѣдалисмо сами у себе. По обѣдѣ ездилемъ до Борковского, а жена моя зъ судіиною поехали въ монастиръ Гамалѣевскій на праздникъ.

Пятокъ. 8. Сегодня у церквѣ ст. Анастасіи службы Божой слухалъ. Петру Греку глуховскому отдалемъ денги, якіе доводились отъ мене Шереметцеву да Димитрію Греку, за которіе поручился Стеріевичъ, тоесть 30 р. и 35 копѣекъ, лѣчилъ Климъ ключникъ.

Субота. 9. Сегодня рано были у мене Квасовскій, отецъ Никифоръ, Бурковскій, Милорадовичъ Гаврило, гадяцкій полковникъ, а обѣдалъ самъ я и со мною Левенець. Получилъ я писмо отъ род. черезъ козака роменского Панченка о томъ, что ездилъ въ Вовковцѣ и видѣлся зъ п. полковникомъ миргородскимъ.

Неделя. 10. Сегодня рано былъ я у брегадира, а слухалъ службы Божой у ст. Анастасіи и обѣдалъ у Кондзеровскаго зъ п. Михайломъ Скоропадскимъ, на обѣдъ пріехавшимъ. Послалемъ того жъ козака Панченка до род. зъ извѣстіемъ о пріездѣ г-на минѣстра, завтра надѣючомся. Жена моя пріехала зъ Гамалѣевки и Ляхъ явился. Князь свѣтлѣйшій, герцогъ, генералѣссимусъ, рейхсъ маршалъ, фелтмаршалъ, многихъ ординовъ кавалеръ и проч. Александеръ Даниловичъ Меншиковъ снаде съ толь високого степени и висланъ указомъ зъ С.П.Бурху со всѣмъ домомъ.

Понеделокъ. 11. Сегодня обѣдалъ у мене п. Михайло м Кутневскій. Пріехалъ въ Глуховъ наименованній рейментаръ, п. полковникъ миргородскій и, недоижджаючи Глухова, сталъ наметами у ставка, при селцѣ Слѣпороду, куда и я зъ п. Михайломъ ездилъ,

и оттуду на ночъ пріехалъ въ домъ свой. Черезъ Бузинского получилъ я писмо отъ род., чтобъ ему стоять у мищанскомъ дворѣ.

Вовтор. 12. Сегодня обѣдалисмо сами, а по обѣдѣ ездилемъ вечоромъ уже до Количова, где посидѣвши мало приехалемъ до своей квартери чи дому. Получилемъ писмо отъ род. о сближеннюся его къ Сейму. Отправилемъ Бузинского до род., ознаймуючи о себѣ и что нѣтъ минѣстра.

Середа. 13. Пріехали ко мнѣ швакгеръ Яковъ Полуботокъ, Павелъ Апостолъ наименованний пол. мир. и п. Михайло Скор., и обѣдали у мене, а швакгеръ и ночовалъ со миною. Коня ступака у Опанаса Шостака виминялемъ гнѣдого, лѣтми 10, на своего сивострокатого и въ додатку ему 2 р. денегъ далемъ.

Четвер. 14. Сегодня зъ швакгеромъ ездилисмо до церкви ст. Анастасіи на службу, а по службѣ були зъ Іваномъ Максимовичемъ у Кондзеровского, и поехалисмо оба до себе, где и обѣдалисмо, и съ нами попъ Астровскій; по обѣдѣ поехалисмо до обоза и бувши у п. полковника миргор., назадъ позно пріехалемъ. Минѣцкій, сотникъ іваницкій, пріехалъ въ Глуховъ зъ С П.Бурху, который сказовалъ, что г-на Наумова развѣ за неделю надѣятись въ Глуховъ прибитія и оний едетъ въ великой силѣ въ інтересахъ малор. стягаючейся. Лаврентій Гурка, бывшій архиерей астраханскій, опредѣленъ архиереемъ устюжскимъ, а въ Астрахань Варлаамъ Ленѣцкій.

Пятокъ. 15. Сегодня поехалисмо обое зъ женою до футора Калюжновского и въ Сварковъ, а зъ Сваркова къ Глухову, куда не доежджаючи, поехалемъ самъ въ Гамалѣевку и заночовалемъ въ Словутѣ.

Субота. 16. Сегодня рано вставши, зъ ночлѣга пріехалемъ на службу Божую въ монастиръ Гамалѣевскій, где засталемъ и п. Михайла Скор. и отца Кирила, бувшого въ Ірклимѣ (?) Мы оба обѣдалисмо тутъ, а по обѣдѣ п. Михайло поехалъ въ Глуховъ, а я остался, и въ банѣ мился. Получилемъ листъ род. зъ приложеннимъ реестромъ, которій данъ зъ колегіи зборщикомъ о зборахъ, чтобъ оніе збирани были по силѣ указу нинѣшнего, а именно: збирать

всѣ тіе збори въ казну, которіе по пунктамъ Богдана Хмелницкого, при бытности другихъ гетмановъ, збиривались на гетмановъ, полковниковъ, старшину, церкви и проч. наветъ якіе и на слуги войсковіе збиривались, тоесть именно; торговое, ковшики, ваговое, вѣдерковое, кромѣ старшинъ и знатного товариства. такъ же и ярмарковое, стацѣю зъ ратушнихъ посполитихъ людей, поводное, скутное діогтевое, отъ вина волоского, отъ ташъ [1]), покуховнее показанщину, ралцѣ, поколющину, тютюнную десятину, пчоляную десятину, зъ посполитихъ на слуги войсковіе.

Неделя. 17, Сегодня по службѣ Божой, якой вислухалемъ въ монастирѣ, обѣдалемъ купно зъ ясневел,, а по обѣдѣ поехавши, пріехалемъ въ Глуховъ и видѣлся зъ п. Федоромъ.

Пенеделокъ. 18. Сегодня рано ездилъ я до обозу, купно при п. полковнику миргородскомъ, ездилемъ противъ минѣстра, которого уже въ ночѣ споткалисмо, недоежджаючи Есманѣ и зъ нимъ повернулись ноччю жъ въ Глуховъ, где оного стрелбою пушечною привитано, и сталъ квартерою въ дворѣ загорбдномъ, где генералъ мазоръ Веляминовъ жилъ, а помянутій минѣстръ называется Федоръ Василіевичъ Наумовъ, достоинствомъ тайний совѣтникъ дѣйствителний, малороссійскій минѣстръ и сенаторъ.

Вовтор. 19. Сегодня рано ездилъ я зъ правителями до г-на минѣстра, которий мнѣ приказалъ послать по родителя о его скоромъ пріездѣ и я повернувшись отъ оного, послалъ сторожа чорнуского. Произийшло слово, что отъ родителя моего взята будетъ команда полку луб. Послани укази отъ г-на минѣстра во всѣ полки къ полковникамъ зъ оберъ офѣцерами о скоромъ ихъ въ Глуховъ пріездѣ. Пріехалъ родитель въ Глуховъ передъ свѣтомъ въ ночѣ.

Середа. 20. Сегодня рано былъ родитель у минѣстра Наумова, которій сказалъ, что указъ къ нему на отездѣ его зъ С.П.Бурху присланъ отлучить родителя отъ команди безъ показанія явной причини. П. Федоръ дядко поѣхалъ въ Прилуку для того, что жена его велми слаба. Вѣжевскій доправилъ денги позиченніе Раковичу п. Федору 9 р.

[1]) т. е. палатокъ.

1852. **Бенефисъ для малороссійскаго дворянства.** (1882, № 4, 173—175).

1853. **Береза К.** Выборные священники. (1882, № 4, 166—168).

1854. **Библіографическій** указатель книгъ, касающихся юга Россіи. (1888, № 1—6, 8—12; 1889, № 1—9, 11; 1890, № 1, 2, 4).

1855. **Борковскій Іоаннъ.** Исповѣдь Маргаса. (1886, № 3, 625—634).

1856. **Бучневичъ В. Е.** Колоколъ «Кизикерменъ». (1886, № 12, 747—749).

1857. **Бучневичъ В. Е.** Памятникъ Котляревскаго въ Полтавѣ. (1889, № 8, 550)

1858. **Бѣлинскій С.** Нѣмецкій трингельдъ на южно-русской почвѣ. (1885, № 1, 191—196).

1859. **В. Н.** Изъ записной книжки. (1886, № 2, 3, 4, 398—402, 621—625, 814—818).

1860. **В. Н.** Къ исторіи церковныхъ и монастырскихъ архивовъ. (1891, № 7, 148—151).

1861. **Василенко В.** «Памятковый прочуханъ» или примѣненіе писаннаго закона съ сферѣ обычнаго права. (1885, № 5, 170—172).

1862. **Васильевъ М.** Изъ письма въ редакцію. (1885, № 1, 205).

1863. **Г.** Съ дороги. (1889, № 4, 206—213).

1864. **Г.** Бѣгуны отъ науки. (1890, № 4, 153—155).

1865. **Г. В.** Картинки старины. Кіевскій спектакль начала XVIII вѣка. (1887, № 4, 681—692).

1866. **Г. В.** Добрый починъ. (1887, № 10, 379—381).

1867. **Галагановскій** фамильный архивъ. (1883, № 11, 452—469).

1868. **Гатцукъ А.** Письмо въ редакцію. (1883, № 11, 516—518).

1869. **Гильфердингъ А. Ф.** Конкурсъ на соисканіе преміи его имени въ 1000 р. (1889, № 4, 216).

1870. **Гоголь Н. В.** Сборъ пожертвованій на сооруженіе въ Москвѣ памятника ему. (1888, № 11, 99—100).

1871. **Годичное** собраніе общества пр. Нестора и отчетъ о его дѣятельности за 1884—85 г. (1885, № 11, 562—566).

1872. **Горленко В.** Распродажа въ Вишневецкомъ замкѣ. (Корресподенц. «К. Ст.»). (1884, № 10, 136—366).

1873. **Дашкевичъ Н.** Историческое общество Нестора Лѣтописца въ 1881 г. (1882, № 3, 581—592).

1874. **Два** слова о цыганахъ въ предѣлахъ бывшей гетманщины (1886, № 10, 401—402)

1875. **Для справокъ.** (1888, № 1—3, 39—40, № 40, 31, № 5, 66—68, № 6, 90—92, № 9, 78—82, № 7, 24—26, № 10, 45—50, № 12, 150—152, № 11, 96—97, 97—99, 99—100. 1889, № 2—3, 506—512, 746—751, № 1, 248—249, № 4, 216, 215—216, 214—215, № 5—6, 638—639, № 6, 361—292, № 8, 550—552, № 9, 780, № 10, 197, № 11, 96—97, 97—99, 99—100.

1876. **Добротворскій Н.** Курскіе и орловскіе кудеяры. (1888, № 12, 117—123).

1877. **Дорошенко П.** Служебная отписка по поводу рожденія урода. (1886, № 7, 562—563).

1878. **Древность** малороссійскаго табаководства. (1890, № 6, 549—551).

1879. **Е. А.** Архіерейскій подарокъ. (1888, № 12, 129—135).

1880. **Е. А.** Два намѣстника. (1889, №, 7, 221—231).

1881. **Е.** Александра Конные суды въ лѣвобережной Украйнѣ. (1885, № 10, 189—203).

1882. **Е. П.** Потребность въ біографическомъ словарѣ южно-

русскихъ дѣятелей и нѣсколько словъ о его программѣ. (1886, № 4, 805—809).

1883. **Е** П. Околдованіе начальства. (1886, № 5, 175—178).

1884. **Еф.** П. Послѣдствіе клятвопреступленія. (1884, № 3, 510—511).

1885. **Е—ко.** П. Переобмундированіе Воронежскихъ чиновниковъ конца XVIII ст. (1886, № 7, 575—576).

1886. **Ефименко** П. Административное распоряженіе по поводу слуховъ о кончинѣ міра. (1883, № 7, 583—585).

1887. **Ефименко** П. Одинъ изъ протестовавшихъ. (1882, № 3, 602—608).

1888. **Ефименко** П. Подозрѣніе взведенное на проѣзжающихъ въ отравленіи воды во время холеры 1848 г. (1883, № 7, 573—582).

1889. **Ефименко** П. Библіографическій указатель трудовъ П. П. Чубинскаго. (1884, № 5, 138—142).

1890. **Ж.** И. Двѣ афиши черниговскаго театра 20-хъ годовъ. (1889, № 5, 6, 631—632).

1891. **З.** И. По поводу слова «перемотъ». (1889, № 10, 197).

1892. **Зиньковскій** Т. Зазывающее сообщеніе. (1883, № 8, 773).

1893. **И.** С. Н. Вулканъ въ Тавридѣ въ концѣ XVIII стол. (1885, № 3, 580—581).

1894. **Изъ** литературныхъ нравовъ. (1889, № 9, 780).

1895. **К.** Осиротѣлые колокола. (1882, № 1, 218—220).

1896. **К.** А. Судьба одного кіевскаго сооруженія. (1884, № 6, 344—353).

1897. **К.** Д. Для справокъ. (1888, № 6, 90—92).

1898. К. О. «Писанный крестъ». (1887, № 11, 585—586).

1899. **К—ко.** Панъ Янъ Монастырскій, (раціональный хозяинъ-помѣщикъ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія). (1883, № 1, 185—193).

1900. **К—шъ** В. Давнишняя справка о крестномъ ходѣ въ г. Березнѣ. (1887, № 3, 581—583).

1901. **К—шъ** В. Малорусская «Паленица». (1897, № 9, 196—197).

1902. **Козаки** въ партикулярной надобности. (1882, № 4, 171—172).

1903. **Каманинъ** И. Послѣдняя самозащита г. Кіева. (1882, № 7, 186—188).

1904. **Каминскій** Ѳ. Еще щепотка на могилу Шевченка. (1885, № 3, 519—530).

1905. **Карамзинъ** В. Н. Объ открытіи подписки на памятникъ ему. (1889, № 7, 291—292).

1906. **Карповъ** Г. Ѳ. Премія его имени. (1891, № 1, 184—185).

1907. **Комаровъ** М. Изъ записной книжки. (1887, № 3, 579—581).

1908. **Компанейскія** иголки. (1882, № 2, 425—426).

1909. **Конкурсъ** на сочиненіе Кирилло-Меѳодіевской преміи въ 1500 р. и 500 р. (1889, № 4, 215—216).

1910. **Костомаровъ** Н. Изъ прожитыхъ на Волыни дней. (1884, № 2, 325—332).

1911. **Кулишъ** П. Брошенный изъ-за угла камень. (1885, № 9, 184).

1912. Къ вопросу о сохраненіи памятниковъ историческихъ лицъ. (1891, № 10, 136—137).

1913. **Къ** исторіи театра въ Юго-Западномъ краѣ. (Переписка Каменецъ-подольскихъ актеровъ съ духовной католической властью по поводу воспрещенія послѣднею спектаклей во время великаго поста и произнесеннаго на актеровъ и актрисъ церковнаго отлученія). (1885, № 7, 458—476).

1914. **Къ** свѣдѣніямъ о гибели провинціальныхъ архивовъ. (1891, № 4, 167—168).

1915. **L.** Пропавшія рукописи Н. И. Костомарова. (1889, № 10, 183—184).

1916. **L.** Объ имени святителя, нетлѣнно почивающаго въ Нѣжинскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ. (1887, № 5, 185—189).

1917. **Л***** Изъ воспоминаній о былomъ. (Со словъ разсказчика). (1889, № 8, 527—531).

1918. **Л***** Изъ прошлой жизни. (1888, № 12, 135—142).

1919. **Л.** А. Сабля Мазепы. (1883, № 1, 213).

1920. **Л.** А. Будто бы домъ Богдана Хмельницкаго. (1890, № 3, 532—533).

1921. **Л.** А. Мамаевъ дубъ. (1891, № 4, 163—164).

1922. **Л.** А. «Отъ чего духъ геройства въ Малороссіи исчезъ?» (1883, № 4, 893—895).

1923. **Л.** А. Полковничьи чиншевики. (1891, № 4, 161, 162—163).

1924. **Л.** А. Предположеніе объ открытіи французскаго пансіона для дѣтей въ Ромнѣ, въ 1781 г. (1890, № 9, 494—495).

1925. **Л.** А. Запорожцы посылаютъ изъ Петербурга въ Сѣчь за водкой. (1889, № 1, 224—225).

1926. **Л.** А. Еще свѣдѣнія о «дикомъ попѣ». (1887, № 11, 577—580). (см. № 1948).

1927. **Л.** А. Гдѣ и какъ продавались изданія Черниговской Ильинской типографіи въ прошломъ вѣкѣ. (1889, № 4, 199—200).

1928. **Л.** И. Князь Яблоновскій въ неловкомъ положеніи. (1883, № 5, 181—184).

1929. **Л.** О. Указатель къ изданіямъ кіевской коммиссіи для разбора древнихъ актовъ т. II. Имена географическія К. 1883. Сост. *И. Новицкій*. (1884, 509—511). (рецензія).

1930. **Л.** О. Слезно-рыдающее доношеніе малороссійскаго дидаскала. (1891, № 9, 489—491).

1931. **Л.** О. Панская «пыха». (1887, № 9, 195—196).

1932. **Л.** О. Необычная застава. (1882, № 7, 192—194).

1933. **Л.** П. Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены св. равноапостольный князь Владиміръ и св. княгиня Ольга, и имѣемъ ли мы ихъ подлинныя изображенія? (1888, № 5, 259—264).

1934. **Л—ій** А. Гетманскіе клейноды (1758 г.) (1882, № 5, 343—344).

1932. **Л—въ** П. Гдѣ подлинникъ Любечской чудотворной иконы Божіей Матери. (1883, № 6, 385—387).

1936. **Л—въ** П. Многолѣтіе, возглашенное въ Кіевѣ въ началѣ XVIII ст. (1884, № 7, 545—546).

1937. **Левицкій** О. «Пророкъ» — Многовѣръ и судъ надъ нимъ въ Кіевѣ. (1825—1833). (1885, № 5, 79—106).

1938. **Левицкій** О. Необыкновенная ярмарка. (Корреспонденція «Кіев. Старины»). (1883, № 9—10, 301—309).

1939. **Левченко** М. Исчезнувшія и исчезающія въ Южной Россіи животныя. (1882, № 8, 373—379).

1940. **Леонидъ** Архим. Келейный лѣчебникъ преосвященнаго Варлаама Линицкаго. (1890, № 11, 326).

1941. **Линниченко** И. А. Замѣтка о старыхъ и новыхъ «копачахъ». (1888, № 12, 149—150).

1942. **Литвинова** П. Еще о старинныхъ трактахъ или дорогахъ въ Южной Россіи. (1883, № 3, 682—683).

1943. **Любичъ** А. Отпустъ. (1890, № 10, 134—143).

1944. **Малорусскія** изданія 1882 г. (1883, № 6, 11, 353—366; 484—493).

1945 **Маркевичъ** А. Столбцы, принадлежащіе гр. М. М. Толстому (въ Одессѣ). (1889, № 2, 3, 506—512; 746—751).

1946. **Маркевичъ** А. О. варвинской иконѣ. (1888, № 11, 96—97).

1947. **Мацѣевичъ** Л. Процессъ старинnаго церковнаго суда, выраженный въ малорусскихъ межеметіяхъ. (1882, № 1, 222—223).

1948. **Мацѣевичъ** Л. «Нѣчто о дикомъ попѣ». (1886, № 4, 821—826). (см № 1926).

1949. **Миллеръ** О. Даръ пятьдесятницы и наши первоучители (Посвящено памяти Н. И. Костомарова, сказано въ торжественномъ собраніи славянскаго общества 13 мая 1885 г.). (1885, № 9, 31—50).

1950. **Милорадовичъ** графъ. Не узнанная рукопись. (По поводу статьи: «Василій Леонтьевичъ Кочубей въ разсказѣ его современника 1708 г.», помѣщенной въ декабрьской книжкѣ «Русской Старины» 1883 г.). (1884, № 2, 351—352).

1951. **N.** Волынская бывальщина (2 случая изъ недавняго прошлаго). (1886, № 6, 368—371).

1952. **Н. Ѳ.** Журнально-газетные статьи и матеріалы по Южно-Русской исторіи. (1885, № 1, 3, 206—214, 597—612).

1953. **Ни—къ** Ѳ. Не привившійся на Полтавской почвѣ ревень. (1883, № 8, 764—767).

1954. **Науменко** В. Маленькое разъясненіе. (1889, № 5—6, 666—669).

1955. **Науменко** В. Къ исторіи газетно-журнальн. дѣла въ Кіевѣ. (1884, № 11, 529—534).

1956. **Николайчикъ** Ѳ. Библіографическій указатель сочиненій Н. И. Костомарова. (1885, № 5, IX—XXV).

1957. **Новицкій** И. Древній способъ публикаціи. (1882, № 3, 597—601).

1958. **фонъ-Носъ** Степанъ. Курта. (1882, № 8, 385—387).

1959. **фонъ-Носъ** Ст. Невольное переселеніе и тоска по родинѣ, какъ подозрительное чувство. (1882, № 7, 189—190).

1960. **фонъ-Носъ** Ст. Украинскій Соломонъ. (Его кейфъ и судъ). (По фамильнымъ воспоминаніямъ). (1883, № 7, 492—505).

1961. **Notus.** Куръезный бракъ. (1882, № 5, 349—352).

1962. **Notus.** Скоромная водка. (1882. № 1, 220—222).

1963. **О.** В. Ребяческая забава въ серьезную минуту. (1884, № 5, 168—169).

1964. **О.** И. Волынская бывальщина. (1884, № 1, 165—168).

1965. **О—въ** И. Волынская бывальщина. (1886, № 4, 818—821).

1966. **О—скій** І. Письмо изъ Вѣны о кафельномъ производствѣ въ Галиціи. (1883, № 2, 473—476).

1967. **Образчикъ** Малорусской «покормежной». (1884, № 1, 171—173).

1968. **Общество** «Бѣлаго креста». (1889, № 1, 248—249).

1969. **Объясненіе** виньетки. (1883, № 1, I—VI).

1970. **Отчетъ** комитета общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ за мартъ—май мѣсяцы 1889 г. (1889, № 8, 550—552).

1971. **Отчетъ** гласнаго 1865 г. (1886, № 2, 414—419).

1972. **Отъ** редакціи. (1888, № 10, I—IV).

1973. **П.** Б. Какъ разсудилъ панъ Староста Каневскій. (1885, № 10, 367—370).

1974. **П.** М. Традиціонная характеристика кіевскихъ монастырей. (1883, № 9, 10, 325—326).

1975. **П.** Н. Одесское общество исторіи и древностей въ 1881 г. (1882, № 3, 616—618).

1976. **П—нъ** Ф. Изъ воспоминаній о маневрахъ подъ Елисаветградомъ. (1885, № 1, 200—205).

1977. **Панская** находчивость. (1889, № 5, 6, 637—638).

1978. **Петровъ** Н. Библіотека барона Шодуара и вновь открытое древнее изображеніе свв. Бориса и Глѣба и, можетъ быть, св. Владиміра. (1888, № 8, 33—39).

1979. **Печать** на югѣ Россіи. (1889, № 4, 214—215).

1980. **Письмо** въ редакцію. (1889, № 5, 6, 638—639).

1981. **Плотниковъ** И. Любечъ, 27 іюля 1887 г. (1887, № 9, 197—198).

1982. **Познанскій** Борисъ. Разбойникъ Тараненко. (1890, № 7, 123—128).

1983. **Польскій** театръ въ Каменцѣ 1860—61 гг. (1889, № 9, 774—776).

1984. **Пономаревъ** С. Изъ письма въ редакцію и по поводу его. (1886, № 2, 409—410—414).

1985. **Посылка** гетмана Апостола въ Москву за лекарствами. (1889, № 3, 739).

1986. **Равита** Ф. Ѳома Падурра. (Критическій очеркъ). (1889, № 9, 727—751).

1987. **Разновидности** марцѣпанъ и ганнусковой горѣлки. (1883, № 9, 10, 12, 237—253, 637—651).

1988. **Романовичъ-Славатинскій** А. Воспоминанія объ архивѣ государственнаго совѣта. (1888, № 6, 409—458).

1989. **Рудковскій** А. О дикихъ лошадяхъ въ Херсонской губерніи. (1882, № 11, 391—393).

1990. **Руссетъ** Елисавета. Высшіе женскіе курсы въ бывшей гетманщинѣ. (1884, № 1, 173—174).

1991. **Русская** святыня на Западѣ Европы. (1885, № 2, 377—381).

1992. **С—ко**. Изъ фамильныхъ преданій. (1885, № 4, 782—783).

1993. **С—чъ** А. Изъ школьнаго міра. (Нѣсколько словъ объ общежитіяхъ при сельскихъ училищахъ). (1889, № 3, 744—746).

1994. **Саббатовскій** П. Записавшійся во власть помѣщика священникъ. (1883, № 5, 184—185).

1995. **Савченко** Ив. П. Ура безъ двухъ буквъ. (Эпизодъ изъ жизни графа Браницкаго). (1884, № 12, 749—750).

1996. **Св. муро** въ старину и какіе съ нимъ случаи бывали. (1882, № 10, 180—183).

1997. **Свидѣтельство** полтавскаго полковаго суда, выданное въ 1683 г. запорожцу, у котораго въ пьяной ссорѣ откушено было ухо, на возстановленіе «чести и доброй славы». (1890, № 4, 163).

1998. **Свѣдѣнія** о засѣданіяхъ Историч. Общества Нестора Лѣтописца за первую половину 1888 года. (1888, № 10, 35—44).

1999. **Синицкій** Д. А. Любопытныя рукописи одной частной библіотеки. (1885, № 10, 338—342).

2000. **Содержаніе** одного изъ Чепинскихъ сборниковъ историческихъ бумагъ о Малороссіи. (1891, № 1, 174—176).

2001. **Справочный** указатель статей и замѣтокъ, помѣщенныхъ въ журналѣ «Кіевская Старина» за 1882—1887 гг. (1888, № 1, 2, 3, I—LXXX).

2002. **Старинные** тракты, или дороги въ Южной Россіи. (1882, № 6, 543—546).

2003. **Сумцовъ** Н. Шпиталь въ м. Боромлѣ. (1883, № 9—10, 309—312).

2004. **Супліка**, або замыслъ на попа. (1885, № 3, 543—550).

2005. **Т.** А. Традиціонный промыслъ харьковскихъ коцарей. (1886, № 6, 364—368).

2006. **Тындытниковъ** Семенъ. Безсоновское туранство Малороссіянъ. (1886, № 2, 394—398).

2007. **У. О.** К. Ф. Коденская книга и три бандуриста. (1882, № 4, 161—166).

2008. **Указатель** книгъ и статей по исторіи Южной Россіи за 1881 г. (1882, № 1, 2, 199—203, 396—401).

2009. **Указатель** личныхъ именъ къ «Наказамъ малороссійскихъ депутатовъ. (1889, № 8, I—XX).

2010. **Успенскій** Ѳ. Отвѣтъ на полемическую замѣтку В. Г. Васильевскаго. (1889, № 12, 604—621).

2011. **Церкви** старинной постройки въ полтавской епархіи. (1888, № 11, 97—99).

2012. **Цыбульскій** К. Роковое чтеніе псалтири. (Изъ быта и нравовъ старыхъ кіевскихъ «студеевъ». (1884, № 2, 336—342).

2013. **Цыбульскій** К. Ненаучные пріемы въ научномъ дѣлѣ (По поводу одного газетнаго извѣстія о рѣдкомъ дѣлѣ). (1887, № 2, 377—383).

2014. **Черняевъ** Н. Справка объ авторѣ «топографическаго описанія харковскаго намѣстничества». (1886, № 3, 601—602).

2015. **Шеболдаевъ** П. Вольныя литературныя упражненія въ южно-русскихъ судахъ XVII ст. (1885, № 11, 558—561).

2016. **Шевченко** Т. Г. Библіографич. указатель матеріаловъ для изученія жизни и произведеній его. М. Комарова. (1886, № 3, 4, 570—571, 778—786).

2017. **Шугуровъ** Н. Невольная ошибка. (Письмо въ редакцію). (По поводу портрета И. Ѳ. Тимковскаго, помѣщеннаго въ № 9 «К. Ст.» 1891 г.). (1891, № 12, 472—473).

2018. **Ястребовъ** В. Н. Еще отписка о рожденіи урода. (1886, № 8, 756—758).

2019. **Экстренные** расходы изъ суммъ Малороссійской Коллегіи. (1882, № 5, 312—315).

2020. **Ѳедотовъ Чеховскій** А. А. Бракоразводный казусъ конца XVI ст. (1887, № 1, 177—180).

Алфавитный указатель личныхъ и географическихъ именъ.

А.

А. № 1292, 1805.

А. А. № 82, 194, 253, 278, 283, 309, 605, 1291, 1292, 1293.

А—въ. № 1.

А—въ С. № 1536.

А. В. №№ 2, 3, 4, 5, 115, 138, 154, 210, 220, 311, 606, 1108, 1124, 1153, 1304, 1308, 1309, 1332, 1336, 1337, 1352, 1360, 1400, 1409, 1435, 1445, 1458, 1466, 1467, 1468, 1471, 1472, 1473, 1485, 1490, 1511, 1519, 1591, 1639, 1647, 1661, 1723, 1730, 1804, 1806, 1807, 1820, 1842, 1844, 1845.

А. Г. № 800.

Андр. Ал. № 152, 175, 313, 314.

А—скій А. № 81, 1846.

Андр—скій Ал. № 312.

Abel Karl d-r. № 1294.

Абрамовъ Я. В. № 1295.

Августъ II. № 223.

Авенаріусъ Н. № 845.

Авраамка (лѣтопис.). № 1644.

Адріанъ патріархъ № 93.

Азовъ № 402, 923, 979, 1042.

Акинфіевъ Ив. Як. № 1297.

Аксаковъ С. Т. № 1074, 1298.

Александровъ В. № 1307.

Александровичъ М. Н. № 6. 210, 1306.

Александровскъ. № 178.

Александръ I. № 246, 386, 414, 515.

Алексѣй Михайловичъ (царь). № 281.

Алексѣй Поповичъ: № 1024.

Амартолъ. № 1319, 1442, 1491, 1757.

Анастасій, архіеп. могилевскій. № 132.

Анатолій, архіеп. № 1075.

Андріевскій А. А. №№ 74, 122, 125, 166, 255, 282, 290, 315, 316, 607, 846, 1308, 1309, 1310, 1311, 1312, 1313, 1314, 1315, 1316.

Андріевскій М. А. № 247, 608, 609, 610.

Андріяшевъ А. № 1318, 1319.

Андруши (село). № 1282.

Анна-Алоиза, княжна Острожская. № 447.

Анна Ярославна № 1237.

Анонимъ. № 217.

Антоній I. д-ръ № 317, 694, 695, 696, 697, 698, 1471, 1472, 1473, 1474.

Антоновъ В. свящ. № 1390.

Антоновичъ В. Б. №№ 7, 8, 9, 10, 11, 114, 181, 193, 250, 318, 319, 320, 321, 322, 611, 1127, 1320, 1321, 1322, 1371, 1848.

Антоновичъ П. А. № 1192.

Апостолъ Даніилъ. № 126, 265, 1985.
Аракчеевъ, графъ. № 226.
Арсеній, архимандр. № 323, 1705.
Артемовскій-Гулакъ П. П. № 699, 100, 1100.
Архангельскій А. № 324.
Архангельскъ. № 374.
Археол. съѣзды. № 13, 62, 66.
Аскоченскій В. И. № 1076.
Афендики № 436.
Ахтырка. № 686.
Аѳонскій П. № 1330.

Б.

Б. В. № 1849.
Б. И. № 325.
Б. Н. № 12, 612, 613, 847, 1248, 1286, 1399, 1412, 1539, 1540, 1541, 1649, 1790.
Бар—вскій Н. Я. № 1850.
Ба—скій Г. № 848, 849,
Б—скій И. Ф. № 850.
Бабичъ А. № 1287
Багалѣй Д. И. №№ 13, 118, 242, 280, 326, 327, 328, 329, 330, 614, 1251, 1295, 1303, 1324, 1331, 1332, 1333, 1334, 1408, 1423. 1424, 1506, 1531, 1549, 1550, 1685, 1690, 1770, 1783, 1851.
Банай Николай. № 182, 297. 331, 332, 333, 851, 1645.
Бакотскій скальный монастырь. № 5.
Балабушевичъ В. № 1169.
Банатъ. № 311.
Барабашъ. № 884.
Baranovicz Lazarz. № 1338.
Барбашевъ А. № 1335.
Барвинокъ Ганна. № 701, 702, 703.
Барвѣнскій О. № 1336, 1337.
Barącz Sadok. № 1678.
Барскій Вас. Григ. № 169.
Барсовъ Е. № 1339.
Барсовъ Н. И. № 852.
Барсуковъ А. № 334, 1186, 1340, 1341, 1342.
Барымовъ А. № 335.
Баторій Стефанъ № 334.
Батуринъ. № 332, 644.
Батюшковъ П. Н. № 1343, 1344, 1345, 1346, 1347.
Бахталовскій Георгій. № 1348.
Безбородко Андрей. № 1238.
Безсоновъ. № 2006.
Беклешевъ А. А. № 710, 1077.
Бендеры. № 476, 973.
Береза К. № 132, 156, 336, 1853.
Березенская Вознесенская церковь. № 683.
Березна г. № 1900.
Беренштамъ В. № 1129.
Беретти А. № 1349.
Беркутъ И. № 1345.
Берхинъ Іона № 123, 1350.
Бершадскій С. А. № 337, 1352, 1353.
Бестужевъ-Рюминъ К. № 1351.
Бецъ В. А. № 1320.
Биберштейнъ Гр. № 1354.
Бибиковъ Д. Г. № 248, 267, 1078.
Билыкъ И. № 1218.
Бны—къ. № 14.
Бобринскій графъ Алекс. № 1356, 1357.
Бобровскій П. О. № 1358.
Богданъ Хмельницкій. № 103, 105, 201, 281, 295, 299, 341, 346, 391, 467, 560, 586, 763, 883, 1200, 1201, 1279, 1280, 1920.
Богдановичъ И. Ѳ. № 1079.
Богдановичъ. П. И. № 1080.
Богдановичъ (**Дворжецкій**). № 1102.
Бодянскій О. М. № 236, 307.
Божеряновъ И. Н. № 1083, 1094, 1241. 1355.
Божко-Балыка. № 139.
Боккачьо № 826.

Болгары. №. 358.
Болсуновскій К. В. № 727.
Bołsunovski. № 1359.
Бондаренко № 1016, 1058.
Boniecki Adam № 1361.
Bonnel Ernst. № 1360.
Боржковскій Валеріанъ. № 853, 854, 978.
Борисъ св. № 1978.
Борисовъ В. В. № 248.
Борковскій Іоаннъ свящ. № 1855.
Боровиковскій № 1239, 1081, 1082. 1083, 1084.
Бороздна. № 209, 437.
Боромля м. № 2003.
Бороховичъ Михайло. № 1240.
Бортнянскій Д. С. № 1241.
Боцяновскій Вл. № 615.
фонъ-Брадке Е. Ѳ. № 110.
Брайловскій С. № 855.
Бразоль Григорій. № 1362.
Браницкіе. № 515, 1995.
Братства. № 117, 339, 377, 408, 410, 647.
Братскій монастырь № 183.
Брацлавъ. № 164, 318, 470, 493.
Бриковъ село. № 850.
Бродскій Е К. № 1423, 1424.
Брюховецкій № 367.
Бубликъ В. Д. № 1363.
Бугъ. № 80, 513, 531, 543, 660.
Будиловичъ А. № 1364, 1285.
Буковина. № 785.
Булашевъ Г. № 1196.
Булгаковъ Ѳ. И. № 1368, 1369.
Булгаковскій Д. Г. № 1367.
Буняка. № 845, 929, 971.
Бурачковъ П. № 616, 626.
Бучневичъ В. Е. № 15, 617, 1139, 1372, 1856, 1857.
Буцинскій И. П. № 1370, 1371.
Быковскій Иванъ № 220, 290.
Бычковъ А. Ѳ № 1729.
Бѣлая церковь № 515, 640.
Бѣлгородщина. № 61.
Бѣлецкіе-Носенки. № 439.
Бѣлинскій С. № 1858.
Бѣлогородская епархія. № 443.
Бѣлогрицъ-Котляревскій Л. № 1123.
Бѣлозерскій Н. № 1208, 1373.
Бѣлозерское городище № 52.
Бѣлоруссія № 244, 1066, 1119,
Бѣляшевскій П. №№ 16, 17. 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 1374,
Бѣлюговъ Алекск. Ив. № 661,
Бѣньковскій И. № 857, 858.

В.

В. №. 1816.
W № 618, 1142, 1152, 1244, 1376, 1411, 1457, 1544, 1560, 1751.
В.—Б. М. № 196.
В. М. № 859.
В. П. № 288, 743, 1185, 1375, 1395, 1437, 1530, 1599, 1621, 1627, 1655, 1717, 1720, 1775, 1801, 1822, 1859, 1860.
В—новъ А. № 1390.
В—о. № 1385.
Вагилевичъ И. Н. № 802, 1085,
Вакуленко Семенъ. № 1086.
Варвинская икона № 1946.
Варшава. № 230.
Василенко. № 147.
Василенко В. № 338, 339, 861, 1375, 1861.
Васильевъ Мих № 25, 619 862, 863, 864, 865, 866, 867, 868, 1862.
Васильевскій В. Г. № 2010.
Васильковъ. № 81.
Васильковскій С. И. № 1242.
Васильчиковъ А. А. № 1087, 1376.
Де-Ватте Е. № 1431.
Великороссія. № 758, 759, 937, 1020.
Вельяминовъ. № 371.
Венгеровъ С. А. № 1377.

Венгрженовскій С. № 340, 869.
Вересай Останъ. № 912, 1047, 1088.
Вержбицкій Т. І. № 1378.
Веронika Крепсъ. № 95.
Вертеръ. № 335.
Верхній Дунавецъ. № 401.
Веселовскій Алексѣй № 1137,
Византія. № 479, 579.
Виноградовъ В. К. № 1383.
Витте-Глявоне Потоцкая Софія. № 697.
Вишенскій Іоаннъ № 707, 708, 837, 810, 819.
Вишневецкіе. № 527.
Вишневецкая княгиня. № 1243.
Вишневецкій замокъ. № 1872.
Вишневскіе. № 441.
Владиміръ св. № 123, 275, 358. 419, 420, 693, 700, 755, 933, 1978.
Владиміръ-Волынскій. № 31, 46,
Владиміро-Волынское братство. № 647.
Владиміро-Волын. Мстиславовскій соборъ. № 629.
Владиміровъ П. В. № 709, 784, 1386.
Владиміровъ М. М. № 1385,
Владимірскій-Будановъ М. Ф. № 259, 341, 870, 1388, 1389. 1801.
Военныя поселенія № 151, 153,
Волковъ. № 1693.
де-Волланъ № 1391.
Wolff Jósef. № 1392.
Волынь. № 84, 137, 360, 408, 449, 450, 453, 530, 584, 769,, 858, 901, 1056, 1910, 1951, 1964 1965.
Вороная. (дерев.) № 70.
Воронежъ. № 225, 997, 1885,
Ворохта № 783.
Воскресенскій Н. В. № 1395.
Востоковъ А. №№ 73, 127, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 1203, 1233.
Выговскій № 228, 349.
Вѣна. № 1966.
Вяземскій А. А. (князь). № 227.

Г.

Г. № 27, 871, 1087, 1270, 1274, 1377, 1397, 1495, 1590, 1634, 1664, 1765, 1863, 1864.
Г. Б. № 1769.
Г. В. № 28, 350, 351, 352, 620, 801, 1099, 1143. 1148, 1187, 1268, 1289, 1499, 1564, 1750. 1784, 1813, 1815, 1839, 1865, 1866.
Г. М. №. 1474, 1764.
Г. П. № 821, 622, 1251, 1415, 1416, 1450, 1613, 1641, 1644, 1713, 1774, 1838.
Г. Ѳ. № 29.
Г. Я. № 802, 1836.
Г—ій В. № 1512.
Г—ко В. № 353, 872, 873, 1097, 1209, 1288, 1454, 1517, 1620, 1696, 1721, 1810, 1827.
Г—овъ М. № 879.
Гаврилозъ М. № 30, 1504.
Гавриловъ Ал. Ив. № 1089.
Гаврышъ В. № 623.
Гадячъ. № 182, 468, 510, 1240.
Гайдамачина № 187, 189, 204, 217, 261, 317, 455, 519, 589. 820, 894, 1062, 1063.
Галаганъ Гр. Павл. № 803, 1090.
Галаганы. № 1867.
Галиція. № 460, 720, 733, 892, 804, 871 1085, 1966.
Галятовскій Іоанникій. № 833,
Hammard. № 1398.
Гамченко Сергѣй. № 1399.
Гаркуша. № 518, 568, 1091.
Гатцукъ Алекс. 1092, 1868.
Hauser Leopold № 1400.
Ге Г. Н. № 1401.

Герасимъ козакъ. № 1042.
Геродотъ № 483.
Герцыкъ Григорій. № 119.
Гетманъ, Гетманцы, Гетманщина. №№ 87, 89, 90, 94, 152, 162, 173, 176, 210, 228, 243, 247, 254, 281, 292, 299, 319, 332, 341, 346, 348, 354, 367, 376, 389, 391, 407, 415, 416, 424, 466, 617, 763, 745, 815, 960, 1145, 1874, 1934, 1990.
Гизель Иннокентій. № 835.
Гильфердингъ А. Ф. № 1869.
Гиляревскій А. свящ. № 1402.
Гинцбургъ А. Б. № 1403.
Гладкой Осипъ. № 234, 338, 1014.
Глоба. № 1093.
Гловачевскій Кир. Ив. № 1094.
Глуховъ. № 211, 241.
Глушковская фабрика. № 633, 634.
Глявоне Витте-Потоцкая Софія. № 697.
Глѣбъ св. № 1978.
Гоголь Н. В. № 468, 801, 1095, 1096, 1097, 1870.
Голицынъ Н. П. князь. № 1264
Голицынъ Н. С. князь. № 624.
Головатый Антонъ. № 314, 394, 1051,
Головатый Иванъ. № 1098.
Головацкій Яковъ. № 1405.
Голубевъ С. № 356, 357, 625, 652 1406, 1407, 1633.
Голубовскій П. № 358, 626, 806, 1265, 1489, 1318, 1322, 1331, 1350, 1374, 1387, 1403, 1408, 1409, 1410, 1422, 1430, 1431, 1456, 1484, 1489, 1509, 1527, 1542, 1547, 1561, 1562, 1565, 1567, 1574, 1582, 1583, 1629, 1646, 1657, 1662, 1665, 1668, 1671, 1674, 1686, 1702, 1703, 1712, 1755, 1768.
Голубы № 433.
Голый Игнатъ. № 596.
Гомель. № 47.
Гонта. № 217, 322, 1245, 1246,
Горбачевскій А. д-ръ. № 1789.
Горленко В. № 627, 874, 875, 876, 908, 1084, 1132, 1138, 1171, 1217, 1271, 1391, 1580, 1752, 1766, 1872,
Горленко Дмитрій. № 507.
Горленки. № 361, 362.
Городня № 628.
Горчаковъ Е. князь. № 1411.
Гошкевичъ В. № 1412,
Грабина А. № 877, 878.
Грайворонъ. № 364.
Грановщина. № 318.
Граховъ Я. № 1413.
Гребенка Е. П. № 714.
Греки. № 562, 602, 1028.
Гретцъ. № 372.
Грецiя. № 1247.
Гриценко. № 1099.
Гродецкій Д. № 359.
Гротъ К. Я. № 1414, 1415.
Грушевскій М. № 360, 1416.
Fe-Gubernatis, № 1417, 1418.
Грубчицъ Григорій. № 161.
Гулакъ-Артемовскій П. П. № 666, 700, 1100.
Гульдманъ В. К. № 1420, 1421,
Hunvalfy Paul № 1422
Гуровъ В. В. № 1423, 1424.
Górski Konstanty. № 1425.
Густынск. монастырь. № 1283.
Гуцулы. № 783, 785, 1048.

Д.

Д. Е. № 629.
Д. Н. № 1432, 1659.
Д—нъ Гр. № 1348.
Д—ръ Б. № 1159.
Дабижа А. В. князь № 361, 362, 1156.
Даніилъ Апостолъ. № 162, 526, 1985.

Данилевскій Г. П. № 1101, 1294, 1426, 1798, 1800, 1873.
Дверницкій Е. № 31, 1429.
Дворецкій Василій. № 294.
Дворжицкій-Богдановичъ П. В. № 1102.
Дебольскій Г. С. протоіерей. № 1430.
Дебоскетъ. № 675.
Дейнеки № 1844.
Демидовъ-Санъ Донато. № 1433.
Денъ. № 1102.
Десятинная церковь. № 649, 612.
Десятынъ Г. № 881.
Дешко А. П. № 363.
Diebold Wladimir. № 1435.
Диковъ П. № 1436.
Димитрій Ростовскій. № 109, 1104.
Димитрій, архіеп. Херс. № 1103,
Дмитріевскій А. № 1437.
Дмитровка. № 1020.
Днѣпръ № 3, 22, 24, 52, 68, 44, 600, 646, 995.
Днѣстръ. № 663, 786.
Добрашевичъ Софроній, № 1105,
Добротворскій Н. № 364, 631, 632, 633, 634, 882, 1245, 1438, 1876.
Добрянскій Ф. № 1439.
Добруджа. № 465.
Довнаръ-Запольскій М. № 1436, 1628, 1767.
Докучаевъ В. В. № 1440.
Долопчевъ В. № 1441.
Доминикъ-Заславскій князь. № 1012.
Дорошенко П. № 106, 1877.
Досинчукъ Ѳ. И. № 1442.
Дреняkинъ. № 1445.
Дружининъ В. Г. № 1446.
Дубровинъ Н. № 1685.
Думитрашко К. Д. № 1106.
Дунавецъ верхній. № 401.
Дунай и Дунайцы. № 898, 544.
Dunin-Karwicki Josef. № 1447.
Духовщина городъ. № 839.
Дѣдицкій Б. № 1544

Е.

Е. А. № 365, 1879, 1880, 1881
Е. П. № 128, 289, 366, 756, 884, 885, 886, 1882, 1883.
Е. С. № 134, 367, 1398, 1401.
Е—ко П. № 887, 1885.
Еф. П. № 888, 889, 1884.
Евгеній митрополитъ. № 304, 306.
Евлашевскій Ѳеодоръ, Новгородскій подсудокъ. № 114.
Евреи. № 32, 123, 368, 372, 403, 500, 539, 540, 628, 812, 1044.
Европа Западная № 1991.
Егоровъ Александръ. № 1448.
Едлинскій М. № 1449.
Екатерина II. № 116, 185, 524 287, 334, 370, 385, 494, 499, 1051, 1270.
Екатеринославъ № 153, 178, 499, 955.
Елецкій Черниговскій монастырь № 109.
Елисаветградъ. № 174, 603, 1976.
Елпатьевскій К. № 1450.
Ермиловъ Владиміръ. № 1235.
Есиповъ Г. В. № 370,
Ефименко А. № 371, 372, 373,
Ефименко П. № 77, 252, 374. 375, 376, 377, 378, 379, 807, 890, 891, 892, 1093, 1161, 1769, 1770, 1771, 1772, 1886, 1887, 1888, 1889.

Ж.

Ж. И. № 1363, 1369, 1494, 1533, 1630, 1636, 1663, 1785, 1786, 1829, 1830, 1890.
Ж. Иг. № 1496.
Ж. Ир. № 1256, 1710.
Желеховскій Евг. № 1107.
Желѣзнякъ. № 1108, 1109.
Житецкій И. № 1673, 1735, 1828.
Житецкій Иги. № 707, 810.
Житецкій Иродіонъ №893, 1451.
Житецкій П. И. № 773, 803, 808, 809.
Житоміръ. № 615.
Жуки с. № 15.
Жуковскій В. П. № 1454.
Жураковскіе. № 439.
Журило. № 1027.
Журинъ Г. № 894.

З.

Z. № 380.
З. № 33, 1307.
З. Г. № 1297, 1413, 1448.
З. И. № 1891.
Заборовскій Рафаилъ. № 224.
Забѣла Ив. П. № 1110.
Забѣла. № 289.
Забѣла В. Н. № 718, 1111.
Завадовскій П. В. гр. № 286.
Завитневичъ В. З. № 34, 1455, 1456.
Загоровскій № 289.
Загоскинъ Н. П. № 1457
Задунайскій. № 1051.
Задунайская Сѣчь. № 401.
Займанщина № 327.
Заклинскій Корнило. № 1458.
Залѣскій Бр. № 1210.
Залюбовскій Г. № 635.
Залѣсскій Ап. № 35, 381, 895,
Замостье. № 117.
Замостьевскій монастырь № 668.
Западная Русь. 132, 448, 461, 567.
Запольскій М. № 1462, 1463.
Запорожье, Запорожцы, Запорожск. Старина. №№ 1, 14, 45, 56, 68, 75, 92, 143, 144, 188, 274, 276, 298, 300, 311, 312, 314, 330, 338, 382, 384, 387, 425, 454, 456, 485, 522, 540. 541, 542, 544, 547, 549, 570, 587, 594, 598, 599, 600, 604, 621, 691, 719, 849, 890, 894, 897, 898, 945, 960, 983, 1002, 1093, 1098, 1250, 1925, 1997.
Запровскій Василій. № 164.
Зарѣцкій И. А. № 1251.
Зарянко Н. № 1222.
Заславскій Доминикъ князь. № 1012.
Zacharjewicz Jzydor № 1806.
Захарченко М. М. № 1464, 1465.
Zwygrodzki (von) Michael № 1469.
Зинькевичъ Т. № 1892.
Знаменка. № 174.
Зозуля И. № 636.
Зуйченко П. И. № 747, 898.

И.

И. В. № 1299, 1414, 1584, 6181, 1658.
И. Н. № 383, 900
И. О. № 901.
И. С. Н. № 244, 711, 777, 1893.
И –въ П. № 899.
И—й. № 1227.
Иванишевъ Н. Д. № 39, 648, 1112.
Ивановъ Д. Л. № 1476.

Ивановъ П. № 384, 385, 902, 1475.
Iwanowiez J. № 1477.
Ивановка. № 1009.
Игнатъ Голый. № 596
Jelinek Е. № 1478.
Іерусалимъ. № 618.
Извѣковъ Н. свящ. № 1479.
Измаилъ № 848
Иконниковъ В. С. № 239, 1077.
Илличъ-Шишацкій. № 236.
Илляшевичъ Л. № 1486. 1487.
Илляшенко Макс. № 1252.
Иловайскій Д. № 1488, 1489.
Ильинская церковь. № 146.
Ильницкій Л. В. № 1490.
Иннокентій. № 659.
Исаевичъ С. Н. № 907, 908,
Искоростъ. № 637.
Искра. № 1113.
Ищенко Андрей. № 767.
Истоминъ М. № 1684.

I.

Ilgowski. № 1485,
Іогансонъ. № 1491.
Іосифъ, митр. литов. № 1492.
Іоссе Генрихъ № 720.
Іудеи. см. Евреи.
Іустинъ еписк. Владимірскій. № 661.

K.

K. № 1895,
K. А. № 1349. 1492, 1896.
K. В. № 909.
K. Д. № 1897
K. И. № 1654.
K. О. № 1898.
K. П. № 910.
K—а Е. Н. № 1632.
K—й О. Р. № 911.
K—ій П. № 1452, 1753.
K—ko. № 1899
K—къ К. № 400.
K—шъ В. № 236, 913, 1470. 1814, 1900, 1901.
K—чъ С. І. № 1104.
K—скій А. № 912.
Кр. С. № 641.
К—ъ И. № 753.
Кавказъ Сѣверный. № 551.
Каллашъ В. № 811.
Кальникъ (село). № 9.
Каманинъ №№ 201, 388, 389, 390, 391, 392, 1150, 1165, 1188, 1300, 1301, 1302, 1312, 1315, 1321, 1323, 1326, 1327, 1330, 1333, 1334, 1335, 1336, 1341, 1342, 1344, 1351, 1353, 1359, 1362, 1364, 1383, 1392, 1407, 1426, 1429, 1461, 1475, 1479, 1480, 1482, 1487, 1493, 1522, 1528, 1536, 1554, 1568, 1585, 1593 1603, 1608, 1615, 1682, 1684, 1687, 1688, 1695, 1699, 1700, 1705, 1706, 1707, 1722, 1732, 1733, 1745, 1748, 1749, 1773, 1777, 1780, 1781, 1797, 1798 1799, 1826, 1840, 1843, 1903.
Каменецъ, № 1983.
Каменецъ-Подольскъ № 1913.
Каминскій Ѳ. № 914, 1114, 1904.
Каневъ. № 623.
Каневскій. № 982, 1973.
Капнистъ В. В. № 266.
Каразинъ В. Н. № 1905.
Каргопольцевъ И. № 1199, 1494.
Карлъ XII. № 476.
Кармелюкъ. № 860, 869, 872, 915, 942, 990, 991, 1005, 1018.
Карнѣевъ З. Я. № 242.
Каро Я. № 721.
Карпаты № 363.
Карпенко-Карый. № 1495, 1496.

Карпинскій И. № 638.
Карповъ Г. Ѳ. № 1115, 1906.
Касперовъ В. И. № 1773, 1774, 1775, 1776.
Катрановъ П. И. № 237.
Катрухинъ А. № 393, 916, 917.
Качала Стафанъ. № 1116.
КвиткаИлья Ивановичъ, № 1118,
Квитка-Основьяненко. № 722, 818, 834, 1117, 1498, 1499, 1611.
Квитко № 1693.
Кибальчичъ Н. М. № 1219, 1228.
Кибальчичъ Т. В. № 976.
Кизикерменъ № 1856.
Кириллъ, просвѣтитель славянъ. № 813, 841.
Кириловка. № 1226.
Кирицъ Н. № 394.
Киркоръ. № 1500.
Киркоръ А.—Г. К. № 1119.
Кисилевка, гора. № 18, 19.
Кисель Адамъ. № 1120, 1121, 1255.
Кисилевъ Лука протоіер. № 918.
Кистяковскій А. Ѳ. № 116, 919, 1204, 1122, 1123, 1851.
Китицынъ П № 395, 396, 397, 398.
Кіевъ, кіевская губ. и уѣздъ. № 7, 22, 37, 74, 100, 122, 125, 131, 139, 145, 146, 155, 165, 166, 167, 168, 169. 183, 194, 196, 197, 203, 206, 218, 235, 245, 246, 247, 248, 249. 255, 265, 275, 278, 282, 283, 288, 290, 294, 296, 301, 304, 306, 309, 313, 314, 315, 316, 320, 342, 356, 390, 391, 399, 413, 418, 419, 420, 421, 423, 451, 484, 489, 491, 505, 506, 516, 525, 536, 552, 565, 569, 597, 601, 608, 611, 620, 627, 630, 653, 654, 657, 662, 666, 667, 670, 673, 674, 677, 688, 757, 772, 827, 992, 1055, 1076, 1077, 1120, 1121, 1163, 1179, 1196, 1244, 1269, 1846, 1850, 1865, 1896, 1903, 1929, 1936, 1937, 1955, 1974, 2012.
Кіевская археограф. коммиссія. № 648.
Кіевскія братскія школы. № 498.
Кіево-Выдубецкій перевозъ № 646.
Кіевская Духовная Академія. № 16, 28, 50, 51, 224 304, 306, 357, 625, 652, 661, 659, 666, 805. 1254.
Кіевскія золотыя ворота. № 60, 674.
Кіево Кириловская церковь. № 55).
Кіево-Межигорскій монастырь. № 607.
Кіево-Печерская Лавра. № 622, 639,
Кіево-Софійскій соборъ. № 26, 42.
Кіев. Центр. Архивъ. № 487.
Княжа Гора. № 23.
Кобеляки. № 689.
Ковалѣнскій М. И. № 1181.
Ковальскій Ант. свящ. № 423.
Ковалько П. № 812.
Козаки и козацкія древности. №№ 12, 36, 80, 99, 103, 118, 172, 177, 202, 205, 212, 308, 412, 414, 469, 522, 531, 543, 573, 591, 595, 598, 774, 848, 1145, 1902.
Козелецъ. № 332, 343.
Козловскій Мартинъ № 1501.
Kolberg Oskar. № 1502.
Коліивщина см. Гайдамачина.
Коломіецъ Ан. Ив. № 401.
Комаръ протопопъ. № 523, 582.
Комаровъ М. № 714, 718, 1111, 1195, 1225, 1503, 1504, 1505 1812, 1907, 2016.
Кондаковъ Н. № 1741, 1742.
Кондратовичъ Ѳ. № 401.
Короленко П. П. № 402.
Константиновичъ Н. № 1506,
Константиноградъ. № 690.
Конфедераты № 83.
Коперницкій И. Ст. № 1124, 1507.

Корвинъ-Піотровскій К. В. № 1508, 1509.
Корольковъ Конст. № 1510.
Корововъ хуторъ № 636.
Коростень. № 637.
Корсакъ Флоріанъ, архимандр. жидичинскій. № 160.
Корсунь. № 53.
Корсунъ Ал. Ал. № 1125.
Косачъ О. № 1693.
Костомаровъ Н. И. № 189, 403, 404, 640, 923, 1126, 1127, 1128, 1129, 1130, 1131, 1132, 1133. 1134, 1135, 1136, 1144, 1511, 1512, 1724 1513, 1910, 1915, 1949, 1956.
Котляреяскій А. А. № 1137, 1694.
Котляревскій И. П. № 1138, 1139, 1140, 1141, 1857,
Кочубеи. № 480, 744.
Кочубей В. Л. № 1950.
Кошка Самуилъ № 824.
Кошовикъ К. 924, 1091.
Кощаковскій Илья. № 139.
Кравченко Д. № 405, 925.
Краковъ. № 233.
Крашановскій М. № 926.
Крашевскій Іосифъ Игнатій. № 1142, 1514.
Кременчугъ № 478, 494,
Креминскій А. Я. № 766.
Крепсъ Вероника № 95.
Кречетниковъ. № 713.
Кричевецъ Кузьма. № 290.
Кромвель. № 299.
Крымъ. № 175, 344, 442, 456,
Крыжановскіе № 434.
Крыжановскій Е. № 406, 642.
Крюковскій Иванъ. № 874. 1143.
Ксендзенко Александръ. № 407.
Ксендзовка. № 727.
Кубань № 591, 593
Кудеяровъ курганъ. № 632.
Кудинка с. № 38.
Кудлаевичъ Петръ. № 38.
Кудринскій Ѳ. № 408.
Кузьмичевскій П. № 814, 927, 928, 929
Кулишъ П. А. № 1130, 1144, 1232, 1515, 1516, 1911.
Кулюмбашъ И. № 409.
Кулябка С Н. № 1517.
Кулябки. № 435.
Купа (помѣстье) № 514.
Купянскъ. № 832, 902.
Куракинъ Б. И., князь. № 277.
Кураковскій договоръ. № 172, 202.
Куриловъ И. А. № 1518.
Курскъ № 364, 641, 1079, 1102, 1876.
Курта № 1958.
Кушниръ Даніилъ. № 705.
Куцкевичъ Иванъ. № 1145.

Л.

Л. № 158.
Л*** № 1917, 1918.
L. № 39, 1791, 1915, 1916.
Л. А. № 104, 107, 133, 143, 173, 180, 209, 225, 262, 274, 305, 307, 308, 413, 414, 415, 416. 643, 644, 645, 713, 815, 1109, 1154, 1175, 1178, 1201, 1238, 1240, 1252, 1428, 1497, 1556, 1579, 1642, 1738, 1739, 1919, 1920, 1921, 1922, 1923 1924, 1925, 1926, [illegible]
Л. А. С. № 122[illegible].
Л. И. № 1459, 1545, 1778, 1928.
Л. К. № 1313.
Л. О. № 103, 231, 417, 646, 647, 648, 746, 816, 1361, 1667, 1676, 1929, 1830, 1931, 1932.
L. О. № 930.
Л П. № 40, 41, 197, 275, 418, 419, 420, 649, 650, 652, 1406, 1432, 1522, 1588, 1933,
Л. П Г. № 1521.
Л—въ П. № 42, 43, 186, 421, [illegible] 423, 653, 654, 760, 1207, 193[illegible]1936.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.